

Александр Широков

РУССКИЕ ПИРАТЫ

Annotation

Задолго до создания регулярного флота русские пираты, «лихие люди», нападали на торговые суда в Балтийском и Северном морях, совершали набеги на германские и скандинавские города; освоили маршруты до турецких и персидских владений, где брали богатую добычу. Были пираты и «государевыми людьми».

В научно-популярном исследовании Александра Широкограда рассказывается о малоизвестных фактах из русской истории, приводятся уникальные документы и редкий иллюстративный материал.

- [Александр Широкоград](#)
 - [Введение](#)
 - [I. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [II. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВОЛЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [III. ПИРАТЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [IV. ПРОТИВ КОВАРНОГО АЛЬБИОНА](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)

- [V. ЗАБЫТЫЕ ПИРАТЫ ЗАБЫТОГО МОРЯ](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
- [Приложение типы судов, упомянутые в тексте](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
-

Александр Широкоград
РУССКИЕ ПИРАТЫ

Введение

Первые труды по истории пиратства появились еще в античности. Пиратов проклинали и одновременно восхищались ими. А, собственно, кто такие пираты?

История показывает, что граница между действиями пиратов и военных флотов ведущих держав более чем расплывчата. Согласно писаным и неписаным морским законам военное или корсарское судно, потопив торговый корабль, было обязано принять к себе на борт команду и пассажиров. Иначе судно объявлялось пиратским, а командир и его экипаж подлежали военному суду. В начале XX века эта норма права стала анахронизмом – ни подводная лодка, ни торпедный катер, ни тем более самолет, потопив торговое судно, физически не могли спасти людей.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что военно-морское право придумали англичане, чтобы связывать руки противнику, а самим творить полнейший произвол. К примеру, англичане в 1854 г. бомбардировали с моря мирный купеческий город Одессу, где с самого основания города не было никаких военных объектов.

А когда в 1914–1915 гг. германские линейные крейсера обстреляли промышленные центры в Англии, британское правительство и пресса стали именовать германские суда «пиратами» и «детоубийцами».

Обратимся к XVIII тому «Военной энциклопедии», изданному в Петрограде в 1915 г. Там говорится: «Пиратство–морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину и с корыстной целью, против чужой собственности». А спустя шестьдесят лет в Большой советской энциклопедии приведена более широкая формулировка пиратства: «Незаконный захват, ограбление или потопление торговых или иных гражданских судов, совершаемое в открытом море частновладельческими или государственными судами». Причем главный упор в БСЭ делается именно на государственные суда. Так, единственные примеры, приведенные в статье, – это захваты советских судов кораблями франкистов в ходе гражданской войны в Испании и гоминьдановскими кораблями в 1954 г.

В Первую и Вторую мировые войны Англия и США считали пиратскими любые действия германских кораблей против торговых судов.

Все советские справочные издания приводят примеры пиратства только в зарубежных странах. «Военная энциклопедия» 1915 года тоже

говорит в основном о зарубежных пиратах, в том числе о походах норманнов, но только в Западной Европе. Отечественных пиратов касается лишь одна фраза: «Турки не без основания обвиняли Россию в поощрении морского разбоя Донских и Днепровских казаков. Пиратство казаков было прекращено при Екатерине II».

Далее следует: «Искусству мореплавания пиратство оказало большие услуги. Пираты были во многих случаях его пионерами, отваживаясь отправляться в такие моря, куда еще не решались идти торговые суда. В технике судостроения и особенно оснастки они также шли нередко впереди своего времени, т.к. успех рискованного ремесла зависел более всего от скорости хода и хорошего управления судами. Греческие мифы недаром обожествляют пиратов Средиземного моря, приписывая им высшую культуру, полезные изобретения, основания различных городов и колоний. Такие же плодотворные последствия имело пиратство норманнов, открывших в IX–X вв. Гренландию и Америку, колонизировавших западные и южные побережья Европы, принесших и нам начала более высокой культуры».

Я же буду считать пиратством разбой на море и в прибрежных областях, совершенный без санкции своего правительства, а также действия правительственных судов, которые резко нарушали статьи существовавшего на тот момент морского права.

А сколько шума было в США по поводу нарушения германскими подводными лодками правил ведения войны в 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.! Сами янки с 1942 г. применяли тактику сброса с торпедных катеров и эсминцев глубинных бомб вблизи тонущих японских судов, дабы столь «гуманным» способом облегчить страдания моряков, оказавшихся в воде.

Первый британский лорд Адмиралтейства адмирал Джон Фишер писал в своих мемуарах: «На первой мирной конференции в Гааге в 1899 г., когда я был британским делегатом, городили ужасную чушь о правилах ведения войны. Война не имеет правил... Суть войны – насилие. Самоограничение в войне – идиотизм. Бей первым, бей сильнее, бей без передышки».

По поводу начала Русско-японской войны тот же лорд писал своему приятелю Уильяму Мэю: «На войне все дозволено! Бить в живот или еще куда! Лучшим объявлением войны будет потопление вражеского флота! Это первое, что нужно знать о войне».

Многие британские аристократы имеют среди предков отъявленных пиратов, и никто не стесняется родства с ними.

В России молодежь в XIX и XX веках зачитывалась романами о

пиратах Роберта Стивенсона, Жюль Верна, Рафаэля Сабатини и многих других. Не отставали и наши авторы. Я в десять лет буквально «проглотил» роман Р. Штильмарка и В. Василевского «Наследник из Калькутты». А кто из старшего поколения не пел у костра: «Бьется по ветру “веселый Роджер”... В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...»? Да и нынешнее поколение в восторге от роскошных фильмов со спецэффектами типа «Пираты Карибского моря». Огромными тиражами расходятся компьютерные игры с пиратами.

Все сюжеты книг, фильмов и игр навеяны историями о западных пиратах – английских, американских, французских, голландских («морских гёзах») и т.д. Посмотрите сайт «Веселый Роджер» и не найдете там ни слова о русских пиратах. Как в 1990 году сказала одна мудрая дама: «А у нас секса нету!» В нашей военно-морской истории есть только благообразные адмиралы, увешанные орденами.

Я увлекся военно-морской историей еще в четвертом классе. Уже тогда глядеть на картинки с адмиралами и читать об их добродетелях мне было скучно. Я с детства не мог понять, как можно на праздниках распевать: «Сами взорвали “Кореец”, нами потоплен “Варяг”». Конечно, надо знать не только победы, но и поражения своего флота и учиться на них. Но петь песни о самотопах капитанов и адмиралах, ставить памятники затопленным кораблям?..

Позже, занимаясь историческими изысканиями, я обнаружил, что во все времена на Руси не переводились удальцы, воевавшие не числом, а умением, вопреки всем законам стратегии и тактики. Они не давали спуска врагам Руси и при этом, что греха таить, любили золото, вино и красивых девиц. И я решил попробовать рассказать о русских пиратах – умелых и отважных бойцах. Увы, они не поднимали «веселый Роджер», да и пиратами их не звали ни друзья, ни враги. Зато они могли дать много очков форы всем морганам, киддам, сюфренам и дрейкам. Я попытался показать их реальными людьми своего времени со всеми слабостями и недостатками, благо они не нуждаются ни в посмертных славословиях, ни в канонизации. Пусть читатель сам вынесет вердикт.

I. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Глава 1.

Явление русов

До 1917 г. история России во всех учебниках начиналась с пришествия варягов (от искаженного норманнского слова «Vaeriniar», норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισευατοι», означающего «союзники», точнее – наемные воины-союзники). Последуем их примеру и мы. Но не потому, что история нашего отечества началась в 862 г., этот год – удобная точка отсчета.

В лето 6370 года^[1] от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде».

Вот так описано становление Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика

нет, то по сему поводу отечественные историки уже третье столетие ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно стали звать анти-норманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что без европейцев русские не смогли бы создать своего государства. Но патриоты стояли на своем. История наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н.Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становясь князьями, графами и даже королями.

В землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика викинги чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и т.д. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

А кто же такие русы? Самое интересное, что еще до 862 г. арабские историки довольно много писали о руссах (ар-рус или ар-русийа). Первое упоминание арабов о руссах относится к 832 г. Любопытно, что с начала X

века арабы называют Черное море Русским морем (бахр ар-рус). Причем арабы не отождествляют русов с варягами – они именуют Балтийское море Варяжским (бахр варанк).

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

К варягам, двигавшимся по рекам России, не могло не приставать местное население. В результате образовывались смешанные дружины, передвигавшиеся на гребных судах, которые и назывались русами или русью. Вопрос, кого следует называть русами (росами), крайне деликатен и крайне политизирован. Поэтому здесь необходимы некоторые пояснения. В те далекие времена дорог на наших бескрайних лесных пространствах просто не было, и все перевозки осуществлялись по рекам и озерам. И соседи славян физически не могли видеть крестьян, а общались лишь с воинами и купцами, приходившими из славянских земель, их-то они и называли русами.

Норманны основали на территории Руси десятки городков – на Волхове, Днепре, Волге и других реках, что было подтверждено многочисленными раскопками XIX–XXI веков. Но те же раскопки подтвердили и смешанный норманно-славянский характер этих поселений. Наряду с предметами быта и захоронениями норманнов найдены и следы славян.

Конунгам нужны были воины для пополнения своих дружин, и к ним с удовольствием шли славянские парни. У прибывших норманнов не было женщин, за исключением нескольких принцесс, и они охотно женились на красавицах-славянках. В VIII–X веках норманны и славяне внешне были очень похожи, сходны были и их языческие верования, почти одинаков культурный уровень. Естественно, что норманны очень быстро ассимилировались. Как правило, уже второе поколение носило славянские имена, а родным языком считало славянский.

Кстати, подобную картину мы видим в XVI–XVIII веках на Руси, когда тысячи немцев, голландцев, англичан и других европейцев ассимилировались во втором поколении. Исключение составили лишь

прибалтийские немцы.

Таким образом, в дружинах русов, плававших на Черном и Каспийском морях в VIII–IX веках, постоянно уменьшался процент этнических норманнов (варягов). Но грозное и славное название – русы (русь) осталось и перешло в название земель.

Подобное нередко случалось и в истории других стран. Так, название Аргентина связано с добычей серебра в этой стране, а название Берег Слоновой Кости в пояснениях вообще не нуждается.

Персидские источники упоминают о нападениях русов на Дербент аж под 643 годом.

Большой поход русов на Каспий состоялся в годы правления эмира Алида ал-Хасана ибн Зайда (864–884 гг.): они решили захватить Абаскун на южном побережье Каспийского моря.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909–912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море...»

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х годов X века, сохранился у историка Ибн Мискавейха (ум. в 1030 г.).

Ибн Мискавейх сообщает, что в 332 г.х. (943/44 г.) отряд русов захватил богатый азербайджанский город Берда'а, расположенный близ реки Куры в армяно-грузинском приграничье. Русы быстро разбили стоявший в городе небольшой гарнизон правителя области Марзбаны, который сам в это время воевал в Сирии. Заняв город, русы заявили местным жителям, что готовы гарантировать их безопасность и свободу вероисповедания, если те будут подчиняться новым хозяевам. Но вылазки против захватчиков продолжались, поэтому русы истребили часть городского населения.

А тем временем Марзбаны подтянул к городу большое войско, но так и не смог выбить оттуда русов, хоть и изрядно потрепал их отряд. На счастье

русов, в южную часть Азербайджана вторглись войска мусульманского князя, и Марзбаны был вынужден перебросить туда свои основные силы, оставив у Берда'а лишь небольшой отряд.

Но русы были сильно ослаблены постоянными стычками с мусульманами и распространившейся среди них желудочной эпидемией и решили оставить город. Темной ночью они вышли из крепости, нагруженные добычей, добрались до своего лагеря на берегу Куры, сели там в ожидавшие их суда и отплыли домой.

Три арабских автора IX–X веков – ал-Йа'куба, Ибн Ха-укаль и ал-Мас'уди – упоминают о набегах русов в Испанию. В частности, «ар-рус» в 844 г. напали на город Севилью. Причем упоминается предводитель русов какой-то Ас-кольд аль-Дир.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее predetermined. А Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dug, Djug означает «зверь».

Через несколько лет Аскольд аль-Дир приходит в Киев и, судя по всему, занимает его без борьбы. Киевляне признают его своим князем. А позже русские летописцы, видимо, из-за какой-то описки в не дошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей – Аскольда и Дира. Причем летописи не могут сказать ничего ни о личности, ни о деяниях Дира, он лишь следует повсюду за Аскольдом, как тень.

И Аскольд, и его русы не любили сидеть без дела и уже весной 860 г. они из Киева отправляются в поход на Византию.

18 июня 860 г. Аскольд привел русскую дружину («россов», как писали византийцы) под Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византийский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, россов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ... посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство

девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»^[2]

Взять Константинополь тогда руссам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода россов. По одной из них к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии, разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии, византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей^[3] и тех победив...»

Июньским днем 862 г. к Киеву с севера подошел караван ладей с купцами-русами. Они причалили к берегу, и начался торг. Князь Аскольд (а по летописи, естественно, Аскольд и Дир) с небольшой свитой вышел посмотреть на товары и узнать новости. Внезапно из ладей выскочили варяги. После короткой стычки Аскольд (вместе со своей «тенью») был убит.

Изумленные горожане узнали, что перед ними не купцы, а дружина русов во главе с воеводой Олегом, который приходился каким-то родственником Рюрику и привез с собой из Новгорода Игоря – малолетнего сына Рюрика.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, не роду княжеского, а я роду княжеского, – и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: – Вот сын Рюриков».

Олег с честью похоронил князя Аскольда. В летописях и былинах есть упоминание об «аскольдовой могиле», при этом о «дировой могиле» никаких сведений нет.

О правлении Олега известно очень мало. Он совершил несколько походов на славянские племена. Где силой, где угрозами он заставил их платить дань Киеву. Начал он в 883 г. с древлян, на следующий год пошел на северян, затем почти двадцать лет ушло на покорение дулебов, хорватов и тиверцев, но кривичей покорить не удалось.

Князь Олег вошел в нашу историю знаменитым походом на Царьград (Константинополь), в который в 907 г., оставив Игоря в Киеве, он отправился. Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников – на судах. Согласно русской летописи, у Олега было 2000 судов, на каждом из которых размещалось по 40 человек. Таким образом, только морем шла восьмидесятитысячная рать. Это, естественно, многократное преувеличение летописца, но бесспорно, что число ратников было очень велико.

Когда в Босфор вошли сотни русских судов, греки «замкоша суд», то есть перекрыли вход в залив Золотой Рог в Константинополе боновыми заграждениями, состоявшими из бревен и цепей. Олег вытащил свои суда на берег, поставил на катки и, пользуясь попутным ветром, двинулся к столице, распустив паруса. Целесообразность этой операции представляется сомнительной. Князю значительно проще было оставить свои корабли на берегу, а не тащить их под стены столицы и лишать себя возможности быстрого отхода при изменении ситуации в пользу греков, например, при подходе большой армии из южных провинций Византии, как во время похода 860 г.

В ходе непродолжительной осады Константинополя часть русского войска рассеялась по окрестностям византийской столицы и разорила их. Согласно русской летописи, «много палат разбили и церквей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море».

В конце концов греки пообещали Олегу выплатить огромную контрибуцию – по 12 гривен на весло (по другим сведениям, на корабль).

Согласно летописи, «греки выслали ему кушанье и напитки с отравой, что Олег догадался о коварстве и не коснулся присланного и что тогда греки в испуге говорили: “Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас богом”». Приведенный рассказ замечателен по тому представлению, которое наши летописцы имели о характере греков и о характере вещего Олега: самый хитрый из народов не успел обмануть мудрого князя! Олег, продолжает летопись, отправил к императору послов – Карла, Фарлафа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще клады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи...

Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев – хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якори, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи приняли его условия с некоторыми изменениями.

Согласно легенде, именно в этом походе Олег демонстративно прибил свой щит к воротам Константинополя в знак покорения греков его воле.

После смерти Олега в июне 912 г. на киевский престол вступил сын Рюрика Игорь. О тридцатитрехлетнем правлении Игоря также известно крайне мало. В русских летописях отражены только пять эпизодов из его жизни.

Русские и советские историки утверждали, что «скандинавские источники не знают древнерусских князей до Владимира Святославича». Однако ряд современных авторов допускают возможность, что правивший в Альдейгьюборге (то есть в Ладоге) конунг Ингвар тождественен русскому князю Игорю. Но, увы, это остается лишь предположением.

Согласно русским летописям, в 903 г. Игорь женился на Ольге. О ней доподлинно известно только то, что она из Пскова, что дало широкое поле для фантазии наших историков и писателей. Они уже 200 лет выдумывают ее происхождение: то она славянка, то скандинавка, то из княжеского рода, то простая селянка и т.д.

Первой акцией нового князя стал поход на древлян – племя, жившее северо-западнее Киева. По версии летописца, «древляне, примученные Олегом, не хотели платить дани новому князю, затворились от него», то есть не пускали к себе за данью ни князя, ни его людей. Тогда Игорь с дружиной пошел на древлян войной, победил и наложил на них дань больше той, которую они платили прежде Олегу.

Через несколько лет Игорь захватил племя уличей, которые жили между реками Южный Буг и Днестр. Главный город уличей Пересечен выдержал трехлетнюю осаду, но в конце концов был взят дружиной Игоря.

Главным событием в княжение Игоря стал новый поход на Царьград. Тут нам на помощь приходят две византийские хроники X века. Вот выдержки из хроники Продолжателя Феофана:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта [941 г.] на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы... Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и

слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу^[4], патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт, неожиданно напал на них на Иероне. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре. И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestik схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (т.е. Босфора), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у русов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestика схола Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих русов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена».

Не менее любопытен и рассказ епископа Кремонского (город Кремона находился в Италии близ Мантуи) Лиуд-пранда, прибывшего в качестве посла в Константинополь в 949 г. Сам он не застал русских, но составил описание по рассказам очевидцев:

«Королем этого народа был [некто] по имени Игорь [Inger], который,

собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман (Роман I Лакапин. – А.Ш.), услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь флот его отправлен против сарацин и на защиту островов. После того как он провел немало бессонных ночей в раздумьях, а Игорь разорял все побережье, Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хелан-дий (тип галеры. – А.Ш.), брошенных их владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе калафатов, то есть корабельных плотников, и сказал им: “Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнеметные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того – даже по бортам”. Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытейших мужей и приказал им двинуться против кораблей Игоря. Наконец они прибыли. Завидев их, расположившихся в море, король Игорь повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, [сделал так, что] море стало спокойным и свободным от ветров – иначе грекам было бы неудобно стрелять огнем. Итак, расположившись посреди русского [флота], они принялись метать вокруг себя огонь. Увидев такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно, и их больше не видели, некоторые же державшиеся на плаву сгорали даже посреди морских волн. В тот день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не смогли сделать греческие хеландии из-за своей глубокой посадки. После этого Игорь в великом смятении ушел восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, ведя с собой многих оставшихся в живых (русских пленных. – А.Ш.), которых Роман повелел всех обезглавить в присутствии моего отчима (еще один возможный информатор Лиудпранда) короля Хуго (король Италии в 926–947 гг.)».

Тут надо сказать несколько слов о византийских и русских судах, а также о знаменитом «греческом огне».

Русские первоначально плавали на лодках, выдолбленных из одного цельного большого дерева, с набитыми по бортам веслами. Греки их называли моноксило. Однако греческие авторы, чтобы унижить «варваров», утверждали, что весь их флот состоял исключительно из однодревок. На самом деле у славян и скандинавов в X–XI веках были килевые и плоскодонные суда, построенные из досок. Это подтверждается и рядом

археологических раскопок. Так, в 70-х годах XX века в Старой Ладого в археологическом слое начала X века был обнаружен фрагмент борта плоскодонного судна длиной 14,3 м, состоявший из трех досок, скрепленных шпангоутами. Еще более крупные корабли викингов (варягов) найдены западными археологами. Так, в районе Усеберга найдено судно, построенное в 815–820 гг. Оно имело 30 весел, длину 21,4 м, наибольшую ширину 5,1 м. Высота от основания киля до поручней посреди судна составляла 1,58 м. На каждой стороне имелось по 15 бортовых досок. Штевни задраны высоко и закручены в красивые спирали, а заостренные концы штевней и верхние бортовые доски украшены звериной орнаментикой. В них имелось по 15 отверстий для весел с каждой стороны.

Еще два корабля найдены в районе Скульделевы (Дания). Один из них построен в 1030–1040 гг. и имел длину 17,4 м, а ширина его посредине судна составляла 2,6 м. У каждого борта имелось по 7 бортовых досок, и на самых верхних из них – по 12 отверстий для весел с каждой стороны. Верхние бортовые доски были взяты с какого-то другого корабля. На наружной стороне бортов имелся щитовой брус.

Другой корабль сохранился плохо, но тем не менее можно установить, что длина его была 28–29 м, а ширина около 4 м. На каждой стороне было более семи бортовых досок, однако верхней доски недостает. Число отверстий для весел, по всей вероятности, составляло 20–25 с каждой стороны. Таким образом, команда судна насчитывала по меньшей мере 40–50 человек. Дендрохронологический анализ показал, что судно было построено в Ирландии во второй половине XI века.

Возможно, таких больших кораблей у варягов и славян на Черном море не было, но, во всяком случае, во времена Олега и Игоря основной ударной силой русского флота были суда подобного типа, а не однодревки.

Секрет состава «греческого огня» был утерян еще в XV веке. Причем современные историки спорят не только о его составе, но и о его возможностях. Одни считают «греческий огонь» просто зажигательной смесью, другие – предшественником пороха, а устройства, метавшие «греческий огонь», – предшественниками огнестрельных орудий.

Согласно византийским хроникам, «греческий огонь» был изобретен в 673 г. архитектором из Гелиополя Калинником.

Для бросания «греческого огня» применялись механические метательные машины или специальные трубы. В первом случае горючее вещество помещали в сосуды, снабженные отверстиями, в которые вставлялись фитили. Во втором случае труба с «греческим огнем» функционировала подобно огнеметам первой половины XX века. По

свидетельствам современников, «греческий огонь» выбрасывался из труб струей. В этом случае его выброс происходил за счет энергии горящих газов.

Сведения об употреблении «греческого огня» можно найти в «Тактике...» императора Льва VI (886–912 гг.); там говорится: «Следуя обыкновению, должно всегда иметь на носу корабля трубу, выложенную медью, для бросания этого огня в неприятеля. Из двух гребцов на носу один должен быть трубником». Он также говорил о том, что «греческий огонь» выбрасывался из труб с большим грохотом.

«Греческий огонь» успешно применялся при осаде и обороне крепостей и еще более успешно – в войне на море. В 673 г. в битве при Кизике византийцы полностью уничтожили арабский флот, применив «греческий огонь». Та же судьба постигла и флотилию киевского князя Игоря в 941 г.

В 944 г. князь Игорь вновь идет походом на Царьград (ряд источников относят этот поход к 943 году). Он собрал большое войско из славян и варягов, причем даже нанял печенежские отряды, взяв на всякий случай в заложники детей их вождей. Традиционно часть рати Игоря шла посуху, а другая часть плыла на судах вдоль берега.

Византийский император Роман был заранее предупрежден греками, жившими в Крыму, о походе русских. В это время империя вела тяжелую войну с арабами, а в Константинополе зрел заговор знати против самого Романа. Поэтому император решил кончить дело миром и отправил к Игорю своих послов.

Византийские послы встретили русское войско уже в Болгарии. Согласно нашей летописи, они обратились к Игорю: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег, придам и еще к ней». Император послал и печенегам дорогие ткани и много золота. Игорь, дойдя до Дуная, созвал дружину и стал с ней советоваться, соглашаться ли на предложение императора. Мнение дружины было таково: «Если так говорит царь, то чего же нам еще больше? Не бившись, возьмем золото, серебро и паволоки^[5]! Как знать, кто одолеет, мы или они? Ведь с морем нельзя заранее уговориться, не по земле ходим, а по глубине морской, одна смерть всем». Игорю совет показался разумным, и он отпустил печенегов воевать болгарскую землю, а сам взял у греков золото и паволоки на себя и на все войско и пошел назад в Киев.

В подтверждение предварительной договоренности, достигнутой в

Болгарии, в следующем 945 году в Константинополе император Роман и его сыновья Константин и Стефан, а также русские послы подписали новый договор. Позже византийские послы посетили Киев, где князь Игорь и его бояре также поклялись исполнять договор. Замечу, что князь с боярами клялись перед послами на холме у статуи Перуна, а несколько бояр принесли клятву в церкви Святого Ильи в Киеве.

Договор 945 года установил право великого князя киевского и его бояр отправлять в византийские земли неограниченное количество судов с послами и купцами. В отличие от договора 911 г., по которому послы должны были представлять в Константинополь золотые, а купцы – серебряные печати, теперь устанавливался порядок представления и теми и другими соответствующего документа за подписью киевского князя. Договор обязывал русских купцов не только продавать привозимые ими товары, но и покупать византийские товары. Они были также обязаны не творить никаких бесчинств на землях императора. Их местопребыванием в византийской столице по-прежнему оставалось подворье в предместье вблизи церкви Св. Мамы. Послам и торговцам, приезжавшим в Константинополь, обеспечивалось содержание, а также продовольствие и снаряжение на обратный путь. Все торговые сделки, в отличие от договора 911 года, должны были облагаться пошлиной. Были установлены и ограничения на объемы закупок шелковых тканей и парчи. Зимовать в Константинополе русские купцы права не имели.

После похода на Царьград Игорь ведет несколько небольших войн с хазарами и печенегами.

«Повесть временных лет» красочно описывает смерть князя Игоря: «В год 6453 (945) сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда^[6] изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы”. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще”. И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадился волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало».

Древляне привязали Игоря за ноги к двум согнутым деревьям, а затем отпустили их.

После смерти князя Игоря власть в Киеве перешла к его вдове Ольге, ставшей регентшей при малолетнем князе Святославе. Большую роль в начале ее правления играли воевода Свенельд и воспитатель Святослава Асмуд. Еще один пример обрусения варягов – князь, этнический норманн, носит чисто славянское имя, хотя по-прежнему окружен людьми со скандинавскими именами.

После убийства Игоря древляне хотели помириться с Ольгой и даже предложили ей выйти за своего князя Мала. Однако Ольга обманным путем велела перебить древлянских послов, а через год собрала большое войско и отправилась в землю древлян. Оба войска сошлись недалеко от древлянской столицы Искоростень.

На Руси, как и в Скандинавии, существовал старинный обычай – битву должен был начинать князь (конунг). Чтобы воодушевить своих дружинников, Ольга приказала посадить трехлетнего (по другой версии – пятилетнего) Святослава на коня и дать ему легкое метательное копье. Мальчик метнул копье, оно пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу. Тут же Свенельд и Асмуд закричали: «Князь уже начал! Потяните, дружина, за князем!» Древляне были разбиты и бежали в Искоростень.

Ольгина дружина осадила город. Коростенцы отчаянно защищали стены, зная жестокость киевской княгини. Все лето простояла Ольгина дружина под Искоростенью, но не смогла ее взять.

Тогда Ольга пошла на хитрость. Она послала сказать в Искоростень: «И чего вы сидите? Все ваши города сдались мне, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатывают свои поля, а вы одни хотите лучше помереть голодом, чем согласиться на дань». Древляне отвечали: «Мы рады были б платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа?» Ольга велела им сказать: «Я уже отомстила за мужа не раз: в Киеве и здесь, на тризне, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу и, помирившись с вами, пойду прочь». Древляне спросили: «Чего же ты хочешь с нас? Рады давать медом и мехами». Ольга отвечала: «Теперь у вас нет ни меду, ни мехов, и потому требую от вас немного: дайте мне от двора по три голубя да по три воробья. Я не хочу накладывать на вас тяжелой дани, как делал мой муж, а прошу с вас мало, потому что вы изнемогли в осаде».

Древляне обрадовались, собрали со двора по три голубя и по три воробья и послали их с поклоном Ольге. Княгиня велела сказать им: «Вы уже покорились мне и моему дитяти, так ступайте в свой город, а я завтра

отступлю от него и пойду назад к себе домой».

Древляне охотно пошли в город, и все жители Искорос-теня очень обрадовались, узнав Ольгино намерение.

А княгиня раздала каждому из своих дружинников по голубю или воробью и велела, завернув в маленькие тряпочки серу с огнем, привязать к каждой птице и, как стемнеет, пустить их на волю. Отпущенные птицы полетели, естественно, в свои гнезда – голуби по голубятням, воробьи под стрехи домов. И вдруг одновременно запылали все дворы и дома в городе, испуганные жители бросились за городские стены, где их перехватывали воины Ольги. Город же весь был выжжен дотла.

Городских старейшин Ольга взяла себе, часть пленных раздала в рабы дружине, а остальных оставила на месте платить дань.

В 957 г. Ольга с большой свитой и охраной отправилась в Константинополь. Русская княгиня была принята императором Константином VII с большим почтением. Видимо, тогда был заключен новый договор русских с греками, но никаких сведений о нем не сохранилось.^[7]

В Константинополе княгиня Ольга приняла крещение и получила христианское имя Елена. После крещения в византийских источниках того времени русскую княгиню стали величать «архонтиссой» (титолом «архонт» в византийской литературе X–XI вв. обозначали обычно знатных людей, в том числе и некоторых чужеземных правителей. До этого при обращении к русским князьям византийцы использовали титул «светлый князь». «Архонтами» величали также болгарских царей, правителей венгров, пленных вождей кочевников) и «дочерью» императора, ставшего ее крестным отцом.

Число христиан после возвращения Ольги в Киев возросло, но большинство горожан оставалось язычниками. Не захотел принять христианства и ее сын Святослав. Молодой князь любил войну и дальние походы. Для начала он обрушился на хазар, совершавших частые набеги на Киевское государство. Дружина Святослава наголову разбила войско кагана и взяла штурмом главный хазарский город на Дону Белую Вежу (Саркел). Затем Святослав разгромил ясов и касогов, населявших Прикавказье. К 966 г. относят арабские писатели поход русов на волжских булгар, разграбление их главного города Булгара, который служил булгарам складом товаров, привозимых из других стран.

От Булгара Святослав на судах спустился вниз по Волге и взял город Казеран (местоположение этого города не ясно), а затем – города Итиль и Семендер (город Семендер находился на реке Терек между городом

Дербентом и рекой Волгой).

Примерно в 965–966 гг. Святослав присоединил к своему государству Тмутараканское княжество, расположенное на Керченском и Таманском полуостровах. Кстати, первую попытку захватить Тмутаракань предпринял еще князь Игорь в 944 г. Всего, по подсчетам историков, Святослав с дружиной за три-четыре года прошел 8–8,5 тысячи километров.

Весной 966 г. началась война Византии с Болгарией. Кроме того, в империи продолжались войны с арабами в Месопотамии и Сирии. Тогда император Никифор Фока решил прибегнуть к старому византийскому методу «побеждать варваров руками самих варваров» и натравить на болгар русов. С этой целью император послал в Киев патриция Калокира из Херсонеса с пятнадцатью кентинариями золота (то есть 1500 фунтов, или около 614 кг). Такая сумма, на мой взгляд, фантастична, но, без сомнения, золота было послано много. По сведениям греческих историков, Калокир подружился со Святославом и прельстил его подарками и обещаниями. И они уговорились: Святослав завоюет Болгарию, оставит ее за собой и поможет Калокиру в достижении императорского престола. А за это Калокир обещал Святославу несметные сокровища из императорской казны.

Так было или иначе, но летом 967 г. войско Святослава отправилось из Киева в поход. Численность его составляла, по византийским источникам, 60 тысяч человек, а по данным «Повести временных лет» – 10 тысяч.

Русские суда спустились по Днепру к Черному морю, а затем вдоль черноморского побережья достигли устья Дуная. Болгарский царь Петр был застигнут врасплох появлением войска Святослава. Он узнал о приближении противника в тот момент, когда русское войско уже находилось в водах Дуная, выбирая место для удобной высадки на берег. Петр спешно направил навстречу Святославу тридцатитысячное войско, которое попыталось помешать высадке русских. Однако русские витязи бросились в воду прямо с судов, подошедших близко к берегу, и стремительной атакой опрокинули болгар. Узнав о разгроме своего войска, царь Петр скончался от апоплексического удара.

После разгрома болгар планы Святослава кардинально изменились. Теперь речь шла не об обычном набеге и разграблении территории врага, а о закреплении за собой захваченных болгарских земель. Святослав публично заявил: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там *средина* земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов».

Присоединение Болгарии к Киевскому государству представляло для Византийской империи куда большую угрозу, чем притязания болгарских царьков на дань от Константинополя. В результате императору Никифору Фоке пришлось начать подготовку к войне со Святославом. Он повелел увеличить число тяжеловооруженных всадников, перекрыть цепными (боновыми) заграждениями залив Золотой Рог и т.д.

К печенегам были отправлены византийские послы, которые надоумили кочевников напасть на Киев. В результате этого осенью 968 г. Святославу с частью дружины пришлось отправиться на защиту родного Киева, где остались его мать и сын Ярополк.

Святослав прогнал печенегов, но зато услышал горькие упреки княгини Ольги и киевских бояр: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся, чуть-чуть нас не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?»

Но это не подействовало на князя-воина, и через несколько дней Святослав отправился в Болгарию. Через три дня после его отъезда умерла княгиня Ольга.

Тем временем в Византии произошел очередной переворот. В конце 969 г. Никифор Фока был убит, а на трон вступил знаменитый полководец Иоанн Цимисхий. Новый император дважды направлял послов в Переяславец, куда вернулся из Киева Святослав. Первому посольству Святослав предложил дилемму – либо огромный выкуп за захваченные земли, либо уход греков из всех европейских владений Византии. Принимая второе посольство, Святослав был настроен еще более воинственно. Он заявил послам, что его воины скоро будут у стен Константинополя. Византийский историк второй половины X века повествует, что Святослав сказал византийским послам: «Мы сами разобьем скоро свои шатры у ворот Византии и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он^[8] выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага».

Весной 970 г. войско Святослава перешло Балканы и начало опустошать Фракию. Теперь русские уже были не на болгарской, а на византийской территории. Они взяли Филиппополь (современный Пловдив) и дошли до Аркадиополя: «За малымъ бо бе не дошъл (Святослав – А.Ш.) Цесаряграда». До Царьграда оставалось всего лишь четыре

дневных перехода по равнине. В Константинополе началась паника.

Под Аркадиополем состоялось большое сражение, но печенеги и венгры, входившие в состав войска русов, дрогнули, и битва была проиграна. Затем было заключено перемирие, и византийцы выплатили русам значительную контрибуцию. Это может показаться парадоксом – победители платят дань! Но все объясняется просто: во-первых, русы сохранили основную часть войска, а во-вторых, в Византии начался мятеж, во главе которого стал Варда Фока, племянник убитого императора Никифора. Согласно условиям перемирия русы ушли в Болгарию.

Однако, подавив восстание Варды Фоки, император Цимисхий в начале 971 г. вероломно нарушил перемирие. Византийское войско скрытно прошло балканские перевалы и внезапно появилось под болгарским городом Великий Преслав. Византийцы штурмом овладели городом и перебили как гарнизон русов, так и местных жителей. Лишь небольшому отряду русов удалось пробиться к городу Доростолу на Дунае, где находился Святополк с главными силами.

В апреле 971 г. Цимисхий осадил Доростол. В Дунай вошла византийская флотилия численностью до 300 судов, часть из которых была оснащена «греческим огнем». Византийская флотилия отрезала судам русов выход в море. Осада Доростола продолжалась свыше двух месяцев. В день празднования Перуна (20 июля) русы вышли из Доростола и атаковали врага.

Результат сражения был ничейный, и русам пришлось вернуться в Доростол.

На обратном пути Святослав был убит печенегами на Днепровских порогах. Печенежский князь Куря приказал оковать золотом череп русского князя и сделать из него чашу.

Итак, название «рус» пошло от морских (речных) пиратов, состоявших из скандинавов и славян. Позже именно конунги русов основали Древнерусское государство, а их дружинники стали «правлящим классом».

В заключение стоит сказать, что о походах русов упоминают не только древние хроники франков и византийцев, труды арабских и персидских историков, но и археологические находки XIX–XX веков. Оружие, украшения, деньги и иные предметы скандинавского происхождения найдены в Старой Ладогe, рядом со Смоленском (Гнездовское городище), у Днепровских порогов и на всем протяжении Волги от Углича до Астрахани.

Глава 2.

Гроза Золотой Орды

После Батыева нашествия русские князья признали власть ордынских ханов, покорно платили дань и по первому окрику смиренно ехали в Орду на расправу. Польский историк XVI века Михалон Литвин писал: «Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их наряду с прочим раболепием выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв его коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов».

Православная церковь объявила татар «божьей карой», посланной за грехи русских людей. А можно ли было бороться с божьей карой? Православная церковь молилась и заставляла молиться верующих за здоровье «татарского царя».

Классической характеристикой Руси XIV века стали слова историка В.О. Ключевского: «...во всех русских нравах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала беспокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера».

С начала 60-х годов XIV века в русских деревнях и посадах стали появляться седые изможденные люди. В них крестьяне узнавали своих соседей, угнанных татарами, давно оплаканных родными и отпетых попами. Дивные вещи говорили полоняники. Мол, наехали на татар славные витязи, у рабов православных колодки посбивали, а басурман всех в расход вывели.

Кто смеялся над этими сказками, а кто толковал про воинство Михаила

Архангела – ведь кроме него с татарами сладить не мог никто.

Но стали появляться и «робятки молодые», ушедшие на промысел несколько лет назад с ватагой новгородцев. Приезжали они на добрых конях, в персидской броне, с тугими кошельками, набитыми дирхемами. Привозили и девок восточных размалеванных, с нежными пальцами, не привыкшими к труду крестьянскому. Мужики смотрели, выпучив глаза, а бабы ругали на чем свет стоит блудниц басурманских.

«Откуда все это добро? – вопрошали добрых молодцев. – Может, много меха в краях полуночных добыли?» – «Да нет, – смеялись молодцы, – мы татар бьем». – «Как на татар руку поднять, то ж батог божий!» – «Да брось, дядя, то дело нехитрое. Кто белку бьет, кто – соболя, а мы, ушкуйники, татар бьем. Ну, пойми ж, бестолочь, промысел у нас такой!»

И действительно, лихие ватаги ушкуйников стали постоянно громить Орду в виде промысла.

Что же это за грозная сила – ушкуйники? Может, народ какой? Да просто мужики новгородские, люди вольные. Слава о новгородской вольнице давно шла по Руси. Былинный герой Василий Буслаев был популярен не меньше богатыря Ильи Муромца.

Как писал академик Б.А.Рыбаков: «Былинный жанр на новгородском Севере стал жить новой жизнью. Из собственных новгородских дел, достойных былинного воспевания, народ отобрал знаменитые походы новгородских ушкуйников. По историческим документам наиболее известны ушкуйные походы 1360–1370 гг., когда новгородские удалцы с боями проходили по всей Волге и доходили до самого Сарая, столицы Золотой Орды. Эти походы и отразились в былинах о Ваське Буслаеве, озорном предводителе новгородской вольницы, не верившем “ни в сон, ни в чох” и пренебрегавшем как реальной опасностью, так и суеверными предсказаниями...

...Вторая былина о поездке атамана Василия Буслаева “на богомолье” отражает волжские походы ушкуйников: новгородцы плывут к Каспийскому морю и высаживаются на острове у высокой горы “Сарочинской” (Сары-Тинской – “Цирицынской”), распугивая “заставу корабельную”. В одной из поездок Василий Буслаев погибает на “Сарочинской” горе. Возможно, здесь отразились известные нам события 1375 г., когда новгородцы, пройдя на своих ушкуях по всей Волге и по Нижней Каме, побывав и у Сарая, “избиени быша без милости” близ Каспийского моря на островах волжской дельты».^[9]

В 1453 г. московский князь Иван Васильевич путешествовал на ушкуях по Волге от Вязовых гор до Нижнего Новгорода. Последнее

упоминание об ушкуях содержится в Псковской летописи под 1473 г. В летописях ушкуи считались более крупными судами, чем ладьи.

Обычно ушкуи строились из сосны. Киль ушкуя вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась широкая доска, которая служила основанием для поясов наружной обшивки.

Ушкуи использовались как военные и торговые суда. Но в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы – ушкуйников.

Походы ушкуйников начались в конце XIII века. Первый же их большой поход датируется 1320 годом во время войны Господина Великого Новгорода со шведами. Дружина Луки Варфоломеевича на морских ушкуях прошла Северной Двиной, вышла в Белое море, а затем в Северный Ледовитый океан и разорила область Финмарнен, расположенную от южного берега Варангер-Фьорда до района г. Тромсе.

В 1323 г. ушкуйники, пройдя тот же путь, напали на соседнюю с Финмарненом северонорвежскую область Халогаланд. Походы ушкуйников внесли свою лепту в войну, и в 1323 г. шведы заключили с Новгородом компромиссный Ореховецкий мир.

В 1348 г. шведы вновь напали на Новгородскую республику. В ответ в 1349 г. последовал морской поход ушкуйников на провинцию Халогаланд, в ходе которого был взят сильно укрепленный замок Бьаркей.

Поход короля Магнуса стал последним из «крестовых походов» шведских рыцарей на земли Великого Новгорода. Затем свыше 100 лет на севере Руси не было серьезных военных действий. Ушкуйники же обратили свои взоры на юго-восток, на Золотую Орду.

Можно ли представить, что добрые молодцы-ушкуйники повезли бы свою добычу в виде дани в Орду, наперегонки поползли бы к ханскому трону с доносами друг на друга, как это делали нижегородские, московские, рязанские и другие князья?

В жилах новгородцев текла кровь русских и варягов, которым при Игоре и Олеге платил дань византийский император, а при Святославе покорились вся Волга и Каспий. И ушкуйники решили впредь не мелочиться с нищими норвежцами, а заставить платить дань... Золотую Орду. Логика проста: раз Орда такая большая – от Днепра до Енисея, да еще и Золотой зовется, значит, у них должны быть деньги, и, видимо, немалые.

Первый крупный поход на татар ушкуйники предприняли в 1360 г. С боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау, близ современного города

Чистополя). Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись назад и начали «пропивать зипуны» в городе Костроме. Но хан Золотой Орды Хидырбек отправил послов к русским князьям с требованием выдачи ушкуйников. Перетрусившие князья (суздальский, нижегородский и ростовский) тайно подошли к Костроме и с помощью части ее жителей захватили ничего не подозревавших ушкуйников. Князья поспешили выдать ушкуйников на расправу хану. Затмил страх перед татарами князьям не только совесть, но и разум. Ведь такие вещи ушкуйники не спускают. Взяли они и сожгли Нижний Новгород, а Кострому стали грабить почти каждый раз, как проплывали мимо.

Но эти карательные меры не отвлекали ушкуйников от основной задачи – борьбы с Ордой.

В 1363 г. ушкуйники во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой вышли к реке Оби. Здесь их рать разделилась – одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая пошла гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят и Афанасию Никитину.

Вернувшись с добычей, ушкуйники не уgomонились. В 1366 г. они с тем же воеводой Александром Абакуновичем уже на среднем течении Волги. Опять летит ханская жалоба московскому князю. Димитрий шлет грозную грамоту в Новгород. А новгородские бояре хитры, отвечают, как ведется на Руси, отпиской: «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман было дело житейское, а насчет своей непричастности бояре слукавили. Действительно, основную массу ушкуйников составляла новгородская голытьба и пришельцы снизу (Смоленск, Ярославль, Тверь), но в большинстве случаев ими руководили опытные новгородские воеводы Осип Варфоломеевич, Василий Федорович, тот же Абакунович и др. Оружием и деньгами ушкуйников снабжали богатые новгородские купцы, причем не безвозмездно – вернувшись, ушкуйники щедро делились добычей.

Надо отметить, что ушкуйники имели первоклассное вооружение, и не стоит их представлять толпой крестьян в зипунах с топорами да рогатинами. Это были профессиональные бойцы, умело действовавшие как в пешем, так и в конном строю. Ушкуйники имели панцири, чаще всего кольчуги или байраны (боданы) (кольчуги из плоских, рубленных из стального листа колец), были и композитные панцири (бахтерец), в которых в кольчужное плетение вплетались стальные пластины. Кстати,

ушкуйникам противостояли не воины Чингисхана, не имевшие панцирей, а отборные ханские отряды в тяжелом защитном вооружении. Ушкуйники имели также и традиционный набор наступательного вооружения – копья, мечи, сабли; причем саблям отдавали предпочтение. Из метательного оружия были луки и арбалеты, в том числе и стационарные (корабельные), стрелявшие тяжелыми стальными стрелами – болтами.

С 1360 по 1375 год ушкуйники совершили восемь больших походов на Среднюю Волгу, не считая малых налетов.

В 1374 г. ушкуйники в третий раз взяли город Болгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай – столицу Золотой Орды.

В 1375 г. новгородцы на семидесяти ушкуях под началом воевод Прокопа и Смолянина явились под Костромой. Московский воевода Александр Плещеев с пятью тысячами рати вышел навстречу им. У Прокопа было всего полторы тысячи ушкуйников, но он их разделил на две части: с одной вступил в бой с московской ратью, а другую отправил тайно в лес в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву решил дело. Москвичи разбежались, а ушкуйники в очередной раз взяли Кострому. Отдохнув пару недель в Костроме, ушкуйники двинулись вниз по Волге. По традиции они нанесли «визит» в города Болгар и Сарай-Берке. Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай-Берке была взята штурмом и разграблена.

Паника охватывала татар при одной вести о приближении ушкуйников. Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили головы ушкуйникам. Они двинулись еще дальше, к Каспию. Согласно Новгородской летописи, когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салчей (внук ордынского хана Джаннибека и сын Амата), правивший Хазтороканью (Хаджи-Тарханом), и немедленно заплатил дань, затребованную Прокопом. Там же, в Хазторокани, ушкуйники продали в рабство пленников, взятых в Сарае. В честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие ушкуйники совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них набросилась толпа вооруженных татар. Так погибли Прокоп, Смолянин и их дружина, лишь немногие удалцы вернулись на Русь. Но подробности этой трагедии скорее подчеркивают силу ушкуйников, чем их слабость. Татары даже не попытались одолеть их в открытом бою, Хазторокань была не первым, а очередным городом, где ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое.

Существует и другая версия гибели Прокопа, основанная на «Сказании о холопьем войне», включенном в хронограф московского историка и

литератора Тимофея Каменевича-Рвовского, жившего в XVII веке. Сам Прокоп в «Сказании...» не упомянут, но поход «холопий» вниз по Волге и нападение на «царство Тмотороканское» может быть отождествлен лишь с походом на Астрахань. Согласно «Сказанию...», ушкуйники ночью напали на тмутараканского царя и захватили его город. Самому царю удалось бежать в степь. В захваченном городе новгородцы четыре дня «воевали с Бахусом», а тем временем царь собрал войско и внезапно захватил город. Победа над новгородцами была ознаменована переименованием «царства»: вместо Тмуторокани оно стало называться по имени этого «царя» Аз-Таракана Азь-Тараканское.

По мнению автора, последняя версия более похожа на тактику ушкуйников. Другой вопрос, что есть небольшая вероятность того, что в «Сказании...» речь шла о другом, нам не известном, походе ушкуйников на Астрахань.

В любом случае гибель войска Прокопа была самым большим поражением ушкуйников в XIV веке.

Так как же, скажет читатель, символ веры наших историков – «Куликовская битва переломила хребет Золотой Орде» – неверен? Что ж, выходит, ушкуйники перебили хребет Орде? За два десятилетия ушкуйники убили куда больше татар, чем войско Дмитрия на Куликовом поле. Но в условиях полигамии в Орде за 1380 г. родилось на два порядка больше мальчиков, чем было убито в боях с русскими с 1360 по 1380 годы. Так что ни Дмитрий, ни Прокоп физически не могли сломить хребет Золотой Орде.

Другой вопрос – об огромной моральной победе русского народа. Переломили наши молодцы о колено страшный «батог божий». Не Русь, а Орда Руси стала платить дань.

Были ли ушкуйники вместе с князем Дмитрием на реке Непрядве в 1380 году? Скорее всего, нет – не любила вольница московских князей. Но зато каждый ратник в московском войске знал, что идет он не на непобедимую Батыеву или Дюденеву рать, а на войско, не сумевшее дважды за десять лет защитить свою столицу.

Отношение московских князей к ушкуйникам разоблачает миф официальных историков о том, что-де Иван Калита и его потомки действовали в интересах всей Русской земли и мечтали освободить ее от татарского ига. В этом случае они должны были помогать ушкуйникам хотя бы тайно – ведь при надлежащей поддержке ушкуйники могли бы если и не совсем разорить Орду, то, во всяком случае, создать ей такие проблемы, что золотоордынским ханам стало бы совсем не до Руси.

Но полное разорение Орды в XIV веке стало бы страшным бедствием

для... Москвы. Еще ни один историк не попытался хотя бы приблизительно посчитать, сколько Калита и сотоварищи содрали в виде дани с Руси, сколько выплатила в Орду и сколько прилипло к рукам жадных московских князей. В любом случае, суммы огромные. Зачем ломать батог, возвышающий Москву? Я уж не говорю о том, что успехи ушкуйников усиливали Господин Великий Новгород, на который постоянно, начиная с Ивана Даниловича, покушались московские князья.

Москва не столько по окрику из Орды, сколько по своей инициативе начала борьбу не на жизнь, а на смерть с ушкуйниками. Причем сладить с их дружинами московским воеводам было не под силу, и они действовали в стиле современных рэкетиров. Устроят ушкуйники погром в Орде, а москвичи схватят во Владимирской Руси какого-нибудь новгородского боярина или богатого купца и требуют выкуп, а то и пойдут в новгородские земли грабить мирных жителей.

Вот, к примеру, в 1386 г. Дмитрий Донской решил наказать Новгород за очередные походы ушкуйников на Волгу и Каму, а заодно пополнить свою казну, и пошел на Новгород войной. Большая рать подошла к Новгороду и стала грабить окрестности, «много было убытку новгородцам и монашескому чину, – говорит летописец, – кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву». Дело кончилось тем, что новгородцы выплатили Дмитрию 8 тысяч рублей.

Естественно, что такие бандитские меры резко уменьшали, по крайней мере на время, активность ушкуйников.

Новгород погубила близорукость его бояр и богатых купцов – лучше откупиться, пронесло сегодня, и ладно. Не поняли они простой истины, что если волк узнал дорогу в овчарню, то он не успокоится, пока не перетаскает всех ягнят. Чем платить очередные 8 тысяч Дмитрию, не проще ли было нанять германских или французских ландскнехтов, от одной вести о приближении которых Дмитрий поехал бы по делам не в Кострому, как при Тохтамышше, а побежал бы до Сарая, а то и до Астрахани. Причем 8 тысяч рублей – это был бы аванс ландскнехтам, а остальное они вместе с ушкуйниками получили бы в Москве. Но история, как говорится, не терпит сослагательного наклонения.

Тем не менее, несмотря на козни московских князей, ушкуйники продолжали свои походы. В 1392 г. они опять взяли Жукотин и Казань. В 1409 г. воевода Анфал повел 250 ушкуев на Волгу и Каму...

Между тем в начале 70-х годов XIV века опорным пунктом ушкуйников сделался Хлынов^[10] – крепость на реке Вятке. Высшая власть

в Хлынове принадлежала вече. В отличие от Новгорода и Пскова хлыновское вече никогда не приглашало к себе служилых князей. Для командования войском вече выбирало атаманов (ватманов). Географическое положение Хлынова облегчало его жителям походы как в Предуралье и за Урал, так и на болгар и Золотую Орду.

«Малочисленный народ Вятки, – писал Карамзин, – управляемый законами *демократии*, сделался ужасен своими дерзкими разбоями; не щадя и самих единоплеменников, за то, что стяжал себе не особенно почетное название – хлынские воры».

Надо ли говорить, что золотоордынские ханы мечтали стереть Хлынов с лица земли. В 1391 г. по приказу хана Тохтамыша царевич Бекбут разорил вятские земли и осадил Хлынов. По уходу татар новгородские ушкуйники вместе с устюжанами напали на принадлежавшие татарам болгарские города – Казань и Жукотин и разорили их. Следствием этого стало новое нападение татар на Хлынов.

Посылаемых на Вятку с ратью московских воевод вятчане старались подкупить добрыми поминками, давая в то же время крестное целование быть на всей воле московских князей, но это крестное целование им было нипочем: они не раз ему изменяли.

Поскольку московские воеводы не могли покорить Хлынов, то в дело шли московские митрополиты, которые слали в Хлынов грозные послания, где пугали вятичей геенной огненной, бесами и прочей нечистью. Но напугать ушкуйников было непросто.

Окончательно покончить с Хлыновым Москве удалось лишь в 1489 г., когда Иван III двинул на Вятку 64-тысячное войско под началом воевод Данилы Щени и Григория Морозова. Были в войске и казанские татары под предводительством князя Урака. 16 августа московская сила появилась под Хлыновым. Сопротивляться было невозможно. Вятчане попробовали прибегнуть к прежнему средству – подкупить воевод и заискать их милость. С этой целью они выслали воеводам хорошие поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали лишь день отсрочки штурма города.

Уже после начала штурма вятчане вступили в переговоры о капитуляции. Это позволило бежать значительной части осажденных. По приказу Ивана III с Хлыновым поступили, как раньше с Новгородом: большая часть жителей была перевезена в московские города, вместо них поселены жители московских городов, а главных «крамольников» казнили.

1 сентября повезли пленное население Хлынова в московские пределы. Великий князь велел их расселить в Боровске, Алексине и Кременце, где им были даны усадьбы и земли, торговых же людей

поселили в Дмитрове.

Часть вятчан была размещена даже в подмосковной слободе: нынешнее московское село Хлыново свидетельствует об этом поселении.

А куда делись хлыновцы, которым удалось бежать от московских воевод? Бежали на север – в Заполярье или «за Камень», то есть за Уральский хребет? Вряд ли – места дикие и необжитые. Оставался единственный путь – по Каме на Среднюю Волгу. И тут мы подходим к весьма любопытному вопросу – откуда взялись донские и волжские казаки?

Происхождение донских казаков давно хорошо описано советскими историками: крестьяне южных губерний, спасаясь от непосильного гнета помещиков, бежали на Дон. Так действительно было при царе Петре, при Алексее Михайловиче. А как мог крестьянин, пусть даже сотня крестьян, бежать на Дон при Иване IV или Василии III? Ведь в XV – начале XVII веков южнее Белева, Одоева, Тулы и Рязани начиналась Дикая степь, а от Тулы до Нижнего Дона свыше 750 километров! Что есть, что пить и как уберечься от татарской конницы?

Что же касается волжского казачества, то создается впечатление, что его возникновение вообще не интересовало наших историков. А ведь Иван IV, взяв Казань, уже через год послал отряды вниз по Волге для борьбы с казаками.

Большой знаток истории XV–XVII веков Руслан Скрынников пишет: «После занятия Казани московские власти уведомили властителей Ногайской Орды князей Юсуфа и Измаила, что намерены пресечь разбойные нападения волжских казаков и обеспечить свободный путь из России в Орду. Посол Н.Бровцын заявил ногайцам: “А которые казаки на Волге гостей ваших грабили и били, и мы тех казаков перед вашими послы велели казнить, а которые вперед учнут на Волге стояти и послам и гостем лихо делать, а мы тех также вели казнить”».

Тут же сказано и о волжских казаках: «В 1556 г. воевода Л. Мансуров бежал от татар в казачью станицу Зимьево. В 1569 г. царский посланник С. Мальцев видел два казачьих городка на Волге “добре блиско” к Переволоке...

В мае 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Персию и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть напавших на них людей, но отбить их яростный натиск так и не смогли. Капитан и команда сдали корабль с грузом и были отпущены в Астрахань. Царские воеводы догнали и разгромили отряд “воровских” казаков. Многие из тех, кто участвовал в нападении на англичан, поплатились жизнью».

Но Скрынников лишь констатирует факт наличия казаков на Волге в середине XVI века. Ни у него, ни у других историков нет и предположения о том, что волжские казаки имели тюркское происхождение. Да и волжские казаки Ермака Тимофеевича были русскими.

Мы мало что знаем о том, что происходило на Средней и Нижней Волге между 1489 и 1552 годами. Известны только перемещения больших орд. Так что мы никогда не узнаем подробностей появления хлыновских ушкуйников на Средней Волге в 1489–1491 гг. Но могу с уверенностью сказать, они появлялись там. Нетрудно догадаться, что, нуждаясь в пополнении своих рядов, хлыновцы освобождали православных рабов в Орде и вместе с ними составили костяк волжского казачества. А с Переволоки на Волге 70 километров и до Дона!

Любопытную деталь я обнаружил в книге саратовских краеведов В.М. Цыбина и Е.А. Ашанина. На 24-й странице они утверждают, что в 80-х годах XVI века царские стрельцы поселились на месте, где в 1590 г. будет основан Саратов, и разгромили «татарское селенье Увек». Но ордынский город Увек, находящийся сейчас в черте города Саратова, по данным археологов, прекратил свое существование в конце XV века, и больше там никто не селился. Авторы об этом не знали – зато они хорошо изучили предания волжских казаков. Возникает вопрос: а может, это смещенный в хронологии рассказ о разгроме ушкуйниками Увека в XV веке? В нашем эпосе подобное бывало не раз. Вспомним, как в былинах об Илье Муромце князь Владимир Ясное Солнышко сражается со злыми татарами. Тут смещение на два с половиной века, а в случае с Увеком – всего на век – полтора.

Замечу, что я не первый пишу о связи ушкуйников с волжскими и донскими казаками. Так, еще в 1915 г. известный историк казачества Е.П.Савельев писал: «Вот в этих-то местах, согласно памяти народной, выраженной в песне волжско-донской вольницы – “Как пониже-то, братцы, было города Саратова, а повыше-то было города Камышина, протекала Камышинка река...” и нужно искать первые становища хлыновцев, бежавших от порабощения московских князей. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать “зипуны”, а пограничные городки враждебных Москве рязанцев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую новгородцы могли получать хлеб и порох.

Иван III, зная предприимчивый характер этой удалой вольницы, поселившейся за пределами его владений, вблизи окраин враждебного ему княжества Рязанского, зорко следил за движениями этой горсти людей, не пожелавших ему подчиниться. Чтобы предупредить сношения рязанцев с

этой вольницей, Иван III напоминал своей сестре, вдовствующей рязанской княгине Агриппине, не пускать ратных людей дальше Рясской переволоки, “а ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в *молодечество*, их бы ты, Агриппина, велела казнити”...

При движении на Дон с Днепра черкасов, белгородских и старых азовских казаков новгородцы спустились вниз по этой реке до самого Азова, смешались с другими казацкими общинами и таким образом положили основание Всевеликому войску Донскому, с его древним вечевым управлением.

Казаки-новгородцы на Дону – самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казаки этого типа высоки на ногах, рослы, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темно-русых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые. Казаки этого типа идут в гвардию и артиллерию.

Говор современных новгородцев, в особенности коренных древних поселений, во многом сходен с донским, жителей 1-го и 2-го Донских округов. Как те, так и другие звук «щ» не выговаривают, а заменяют его двойным «ш», например, ишшо, ишшо бы, пешшаный, пешшинка, што (что), пишша и пишта (пища) и проч. Вместо «жд» всегда почти употребляют: Рожество, одежда, надежа (надежда), дож и проч. Вместо «к» всегда «х», в словах: хрешшенье, дохтур и др. Также: скусно, свиток и твиток (цветок), сумлеваться, сусел, укунуться, анагдась, глыбоко, быдто, кружовник, ослобонить, некрут, антиллерия, дака (дай-ка), ухи, польга (польза), слухать, верьх и верьхи (верхом), молонья (молния), женьшина, болеть, ужась, жисть, скупердяй, панафида (панихида), трухмал, лясы точить, нуте к ляду, сиверка, сивер, исть (есть) и др. Новгородцы лучше, чем москвичи, знали древние сказания о начале Руси и ее славных витязях-богатырях. Язык их деловых бумаг, как и старых донских казаков, чище московского и отличается от последнего как чистотой, так и образностью выражений.

Новгородцы также занесли на Дон названия: атаман, стан, ватага, ильмень (общее название большого чистого озера) и др.».

В XIV–XV веках московские летописцы пытались всячески очернить ушкуйников и новгородцев вообще, называли их разбойниками, крамольниками и т.д. А вот потом о деяниях ушкуйников было велено просто забыть. Упоминаний о них нет ни в школьных, ни в университетских учебниках XIX–XX веков. Тот же С.М. Соловьев в своем

огромном труде «История России с древнейших времен» отводит ушкуйникам лишь несколько абзацев, и без всяких комментариев. Авторы множества романов о временах Дмитрия Донского, как например Ю. Лощиц, М. Каратаев, зло и оскорбительно отзываются об ушкуйниках, мол, мешали генеральной и прогрессивной линии товарища Ивана Калиты и его героического внука.

Но вот в 1924 г. об ушкуйниках вспомнили организаторы русского эмигрантского движения. В Англии и США часть скаутов стали называть себя роверами. В английской традиции этим словом обозначали пиратов, корсаров, отличавшихся своей лихостью и предприимчивостью. Тогда наши эмигранты решили называть русских скаутов ушкуйниками. Этот термин использовался несколько лет в 1920-х годах, а затем исчез.

Итак, на Руси ушкуйники были забыты окончательно. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий в адрес ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями ушкуйниками. Вот, например, монография Альфреда Хасановича Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария», Академия наук Татарстана, Казань, 1994). Не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например, в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг.», «1391–1392 гг. – массивный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

«Грабительские походы русских ушкуйников, начиная с 1359 года постоянно снаряжаемые против Булгарского улуса, привели болгарские земли на грань опустошения и разорения. Так, на надгробии 55-летнего Инука, найденном в Булгаре, хотя и невозможно разобрать, от чьей руки он погиб, но вряд ли вызывает сомнение, что это были ушкуйники. Такие камни характерны и для времен Казанского ханства, там прямо указано, что покойник был убит во время “нашествия русских”».^[11]

II. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВОЛЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Глава 1.

Похождения казаков на «Турецком озере»

29 мая 1453 г. пал Второй Рим – Константинополь. Три дня и три ночи длился страшный разгром Константинополя. Последний император Византии Константин XI Палеолог погиб в бою. Мехмед II повелел отрубить голову василевса и выставить ее на высокой колонне в центре Константинополя.

Несколько сот жителей города было убито внутри храма С. Софии, где они искали убежища. Мехмед II прямо по трупам въехал на коне в храм и приказал обратить его в мечеть.

Крымские ханы стали вассалами турецких султанов, и Черное море на три с лишним века стало Турецким озером. Кстати, именно турецкий султан приказал переименовать Русское море в Черное, а Эгейское – в Белое. Замечу, что даже в России до второй четверти XIX века был в ходу термин Белое море.

Но безопасности для своих судов на своем «озере» турки не имели даже в XV веке. До нас дошла грамота великого князя литовского Александра крымскому хану Менгли-Гирею, датированная 1492 годом. В ней говорится: «...кияне и черкасцы, пришедши Днепром под Тягинею, корабль твой разбили».

Это первый известный случай пиратских действий запорожских казаков на Черном море. Естественно, этот случай не был единичным в XV веке, но об остальных мы никогда не узнаем. Запорожские казаки, равно как русы и ушкуйники, не вели отчетности.

Сразу оговорюсь, называю казаков пиратами, а если бы их действия рассматривал современный суд, то он бы однозначно квалифицировал их как необходимую самооборону.

С конца XV до середины XVIII века крымские татары были бичом Московского государства, Великого княжества Литовского и Польши (позже Речи Посполитой).

Марксисты утверждают, что в Средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и его сподвижники, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т.п.,

автоматически подразумевается, что основной способ производства соответственно – феодальный, капиталистический или социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веках вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т.п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовало лет 50 мира, а то и 100–200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например, у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Стратегической и тактической целью нападений было награть и благополучно увезти нагрябленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яворницкий, «недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления».

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек из них 280 тысяч мужчин. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет-Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Для Крымского ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы «Гирей и К°». Не будь Османской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или, по крайней мере, в XVII веке.

Сохранилось несколько посланий турецких султанов к крымским ханам с приказанием временно (на год или два) воздержаться от походов на Московское государство или на Речь Посполитую. Связано это было, конечно, не с человеколюбием султанов. Просто на тот момент Турция вела тяжелую войну на Дунае или на персидской границе, и султаны были заинтересованы в нейтралитете России и Польши. Во всех случаях Гирей давали султанам простодушный ответ: «А чем я буду кормить своих подданных?»

В 1616 г. после очередного набега на Подолию хан Дженибек-Гирей писал польскому королю Владиславу, похваляясь, что его орда уничтожила на сей раз двести сел и местечек и что «каждый татарин захватил по семи и больше невольников, а о числе скота угнанного никто не знает... Воевать государства – это наш удел, унаследованный нами от отцов, а вам где взяться за войну? Это не ваше дело».

Наши историки утверждают, что Русь с 1480 г. не платила дань татарам. Увы, это справедливо лишь в отношении Золотой Орды, а вот Крымскому ханству пришлось платить дань вплоть до вступления на престол Екатерины II. Другой вопрос, что великие князья и цари стеснялись говорить о дани и называли ее поминками, то есть подарками Гиреям. За первую половину XVII века на эти поминки было израсходовано из московской казны около миллиона рублей, то есть в среднем по 26 тысяч рублей в год. Деньги по тем временам огромные – на них можно было построить четыре новых города. Какие уж тут подарки!

Но и дань не спасала Русь от татарских набегов. Западные историки ввели термин «бахчисарайский аукцион». Дело в том, что если ляхи платили больше, татарская конница в это лето шла на Русь, если платили больше москаль, то уже горели польские и малороссийские городки и села.

Надо ли говорить, что пиратство казаков на суше и на море явилось лишь естественной реакцией на дикое зверство турок и татар. Ведь даже в конце XIX века у стариков на юге Украины самым страшным ругательством было: «Чтоб тебя крымская сабля посекала...»

Говоря о запорожских казаках, следует сказать и об их национальности

– они сейчас стали козырной картой киевских и львовских националистов.

В XX веке и советские, и националистические историки исказили историю казачества. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, так и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года.

Как видим, цели были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Замечу, что и сейчас кое-кто пытается объявить донских казаков особым народом. С тем же успехом можно объявить народом и поморов и потребовать для них государственного суверенитета. Но на самом деле в XV–XVIII веках запорожские казаки сами считали себя русскими, говорили и писали по-русски с небольшими вкраплениями местных выражений, то есть можно говорить о диалекте запорожцев. Если сравнить подлинные запорожские грамоты XVI–XVII веков, то они куда ближе к современному русскому языку, нежели к украинскому образца 2006 года. Запорожские казаки часто ходили на Дон, а донские – на Днепр, и никто никого не считал иностранцами.

Создание Запорожской Сечи ряд историков приписывают черкасскому и каневскому старосте Евстафию Дашкевичу. По преданию, он родился в 1455 г. в городе Овруч в семье обывателя. Он выбрал военную карьеру и стал известным кондотьером. В конце XV века Евстафий поступил на службу к великому князю московскому Ивану III. В 1508 г. был послан Василием III воевать с поляками. Позже поступил на службу к королю Сигизмунду I. В 1526 г. Дашкевич вместе с запорожскими казаками опустошает Крым и атакует турецкую крепость Очаков с суши и моря. Очаков был разграблен и сожжен казаками.

Турки пытались закрыть для казаков устья Днепра и Дона. На Дону они построили крепость Азов, а в Днепро-Бугском лимане – Очаков. Кроме того, выше по Днепру и Дону были построены малые крепости Кызы-Кермен, Тавань и Аслан. Однако это не остановило казаков. Часто они прорывались мимо крепостей, часто перетаскивали чайки (малые гребные суда) по суше в обход. Кроме того, запорожцы поднимались вверх по левому притоку Днепра – реке Самаре, потом шли по одному из ее притоков, от которого начинался волок. Отсюда чайки попадали в одну из рек, впадающих в Азовское море. Скорее всего, это была река Кальмиус, впадающая в Азовское море у современного Мариуполя. А донские казаки использовали реку Миус. Они поднимались вверх по Дону, перетаскивали

струи в Миус и выходили в море, минуя Азов.

Начало 50-х годов XVI века отмечено ежегодными походами крымских орд на Литву и на Московское государство. Татары доходили до Тулы и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий^[12] посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынского и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

Летом 1556 г. Вишневецкий построил мощную крепость на острове Хортица, там, где впоследствии была знаменитая Запорожская Сечь. Крепость на острове находилась вне территории польско-литовского государства и была хорошей базой для борьбы с татарами. Отряды Вишневецкого, преследуя татар, доходили до Перекопа и Очакова.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить».

Предложение Вишневецкого открывало широкие перспективы перед Иваном IV. Ведь в подданство Вишневецкий просился не один, он владел всеми землями от Киева до Дикой степи. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере Южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождалась насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. России было жизненно необходимо прорубить окно в Европу. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, двадцать лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Иван IV, начиная Ливонскую войну, явно переоценил свои силы. Предложение Вишневецкого было отвергнуто царем. Русская дипломатия

начала действовать в диаметрально противоположном направлении, вступив в переговоры о мире с Польшей и Крымским ханством.

В итоге Иван Грозный упустил великолепный исторический шанс воссоединить Малую и Великую Россию. Царь приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму – 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

В 1558 г. начинается Ливонская война, и 100 тысяч татар, забыв обо всех мирных договорах, идут на Рязань и Тулу. Но узнав, что значительная часть русских войск еще не ушла в Ливонию, татары повернули назад. Так рухнули дипломатические усилия Грозного обеспечить безопасность России на юге в ходе войны за выход к Балтике. В ответ царь отправил против крымского хана два отряда: восьмитысячный под командованием окольного Данилы Адашева вниз по Днепру и пяти тысячный под командованием Вишневецкого вниз по Дону. Адашев захватил в устье Днепра два турецких корабля, а затем высадился в Западном Крыму близ современной Евпатории. Русские разорили несколько улусов, освободили сотни русских рабов и благополучно вернулись по Днепру домой. Вишневецкий разбил на Дону отряд крымских татар, шедших к Казани, а затем осадил турецкую крепость Азов. Крепость спасло лишь появление большого турецкого флота адмирала Али Рейса. Атакованный с двух сторон крымский хан вновь вступил в переговоры с Москвой.

Дмитрию Вишневецкому не улыбалось закончить жизнь белевским помещиком, и он покинул царскую службу. В 1564 г. с четырьмя тысячами казаков Дмитрий Вишневецкий отправился воевать с турками в Молдавию. Там он был обманом схвачен, привезен в Константинополь и повешен за ребро на крюке.

В украинский эпос Дмитрий Вишневецкий вошел как казак Байда. В одной из песен султан предлагал православному казаку Байде поменять веру и взять в жены султанову дочь, но гордый казак ответил: «Твоя віра проклятая, твоя дочка поганая».

В 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккер-ман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не

сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов. Судя по всему, поход донцов был согласован с запорожцами.

В том же году в плен к туркам попал казацкий атаман Самойло Кошка. Он на нескольких чайках пиратствовал в Черном море, не подчиняясь казачьим властям. Турки отправили Кошку на галеры, где он пробыл 25 лет.

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Обычно после набега на Крым казаки возвращались домой на Днепр и Дон, но тут Ружинский рискнул пересечь Черное море и захватить порт Трапезунд, а потом Синоп. Причем, Синоп был разрушен до основания. Дальше казаки отправились к Босфору и основательно пограбили окрестности Стамбула. На обратном пути Ружинский осадил турецкую крепость Ислам-Кермен. Казаки устроили подкоп под стены крепости, но с количеством бочек пороха они явно переусердствовали. Взрыв оказался сильнее, чем рассчитывали, стены и башня рухнули, но при этом погибло несколько казаков, включая Ружинского.

Через несколько лет после Ружинского в море на чайках вышел атаман Демьян Скалозуб с пятью тысячами казаков. Казаки сумели скрытно пройти мимо Ислам-Кермена и Очакова. Затем флотилия разделилась – часть казаков во главе с войсковым писарем Богуславцем напала на Кафу, а другая, возглавляемая Скалозубом, ушла к Керчи. В Керченском проливе казацкие чайки столкнулись с турецкими галерами и были разбиты, Скалозуб попал в плен и был уморен голодом в Стамбуле. Богуславец также оказался в плену, но, по некоторым данным, жена турецкого паши Семира освободила писаря и бежала вместе с ним на Украину. Вернувшись домой, Богуславец крестил свою спасительницу и женился на ней.

Летом 1588 г. флотилия чаек с 1500 казаками ограбила побережье Крыма между Гезлевым и Перекопом. В том месте из-за мелководья чайки были практически недосыгаемы для османских кораблей.

Следующим летом атаман Захар Кулага с 800 запорожцами вновь появился в Гезлеве. В море им удалось захватить большой турецкий корабль. Используя этот корабль, казаки захватили Гезлев. В самый разгар грабежа на них напал отряд татар во главе с Фети-Гиреем. Во время боя 30 казаков попали в плен, сам Кулага был убит, остальным же удалось уйти на чайках в море. Однако казаки, разгоряченные грабежом и раздосадованные неудачным боем, и не думали возвращаться домой. Часть их ушла грабить Белгород, а остальные отправились вокруг Крыма к Азову, где им

улыбнулась удача – казаки захватили бухарский караван и взяли в плен 300 человек.

Несколько слов стоит сказать и о пиратских судах – чайках. Французский инженер Боплан, побывавший у запорожцев, так описал их: «Лодка строится за две недели. Основой служит ивовый или липовый челн длиной в 45 футов (13,7 м), на него набивают из досок борты так, что получается лодка в 60 футов (18,3 м) длины, 10–12 футов (3–3,7 м) ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устраивают два руля, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10–12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся наполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5–6 тысяч казаков могут изготовить от 80 до 100.

В каждую лодку садится 50–70 человек. На бортах лодки укрепляются 4–6 небольших пушек. В каждой лодке квадрант (для определения направления пути). В бочках провиант – сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру; впереди атаман с флагом на мачте. Лодки идут так тесно, что почти касаются одна другой.

В устье Днепра обыкновенно держат свои галеры турки, чтобы не пропустить казаков, но последние выбирают темную ночь во время новолуния и прокрадываются через камышовые заросли. Если турки заметят их, начинается переполох по всем землям, до самого Константинополя; султан рассылает гонцов по прибрежным местностям, предостерегая население, но это помогает мало, так как через 36–40 часов казаки оказываются уже в Анатолии (на малоазиатском побережье). Пристав к берегу, они оставляют около каждой лодки на страже двух казаков и двух помощников («джур»), а сами нападают на города, завоевывают их, грабят, жгут, удаляясь от берега на целую милю, и с добычей возвращаются домой.

Если случится им встретить галеры или другие корабли, они поступают так. Чайки их поднимаются над водой только на 2,5 фута (0,75 м), поэтому они всегда раньше замечают корабль противников, чем те заметят их. Увидев, они опускают мачту, заходят с запада и стоят так до полночи, стараясь только не упустить из виду корабля. В полночь гребут изо всей силы к кораблям, и половина их готовится к бою, чтобы, причалив к кораблю, броситься на абордаж.

Неприятели видят, как их внезапно окружают 80–100 лодок, казаки быстро наполняют и захватывают корабль. Завладев им, они забирают деньги и удобоперевозимые вещи, также пушки и все, что не боится воды, а

сами корабли вместе с людьми топят».

Глава 2.

«Бунташный» XVII век

Мне бы не хотелось, чтобы хоть часть читателей представляла себе запорожцев как рыцарей без страха и упрека, жизнь которых составляли исключительно войны с басурманами. Казаки были людьми своего времени и довольно часто меняли фронт и союзников. Как казаки относились к ляхам – общеизвестно. Не было ни одного восстания в Малороссии, в котором бы не участвовали запорожцы. Но надо честно сказать, что казаки периодически хаживали грабить и Московское государство. Тот же Евстафий Дашкевич вместе с крымскими татарами в 1521 г. совершил крупный набег на Русь и дошел до Оки. Запорожцы и донцы громили не только мечети и костелы, но и православные храмы, зато потом, на склоне лет, часто жертвовали все свое состояние на строительство церквей и делали большие вклады в монастыри, а иной раз и постригались сами.

Активно действовали запорожцы и донцы на стороне самозванцев во время великой Смуты начала XVII века. После капитуляции польских гарнизонов в Москве в октябре 1612 г. отряды запорожцев ушли на север и разграбили Вологду, Тотьму, Сольвычегорск, Архангельск, Холмогоры и Олонец. Согласно предположению историка А.Л. Станиславского, именно отряд из 400 запорожцев и был тем мифическим польским войском, жертвой которого стал Иван Сусанин. Как явствует из документов, никаких польских войск в районе Костромы в первой половине 1613 г. не было. Польские историки, проследившие судьбу практически всех панов, воевавших в России, не отмечают исчезновения кого-либо из них в заснеженных костромских лесах.

Но все деяния казаков, как в Речи Посполитой, так и в Московии, выходят за рамки нашего повествования, и мы вновь возвращаемся на Черное море.

В мае 1602 г. запорожцы на 30 чайках и галерах, захваченных у турок, вышли в море и захватили под Килией несколько купеческих кораблей.

В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну. В Варне запорожцы взяли добычи больше чем на 180 тысяч золотых рублей.^[13] Об этом в Малороссии была даже сложена песня:

Була Варна здавна славна.

Славнішії козаченьки,
Що тої Варни дітали
І в ній турків забрали.

В 1613 г. казаки дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки выслали отряд гребных судов под Очаков – к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

В начале весны 1614 г. казаки снова предприняли поход на Черное море, но на этот раз им не повезло. На море поднялась буря и разнесла их в разные стороны. Многие чайки потонули, а остальные выбросило на берег, но там казаков изловили турки и всех перебили.

Несмотря на неудачу, летом того же года до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени славившемуся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом и потому называемому «городом любовников».

С помощью потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.

Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только внял мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велел лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

С приказанием же преградить казакам путь домой и истребить их всех до единого султан послал румелийского беглербека Ахмет-пашу. Тот с огромным войском, в котором только янычар насчитывалось до четырех

тысяч, отправился к устью Днепра и расположился на урочище Газилер-Гермих (Переправе воинов). Но казаки обнаружили турецкую засаду и причалили к берегу Днепра ниже Переправы, вытянули чайки и попытались волоком перетащить их мимо турок, поскольку в этом месте Днепр делал большой изгиб.

Однако турки узнали об этом и напали на казаков. Из 2000 запорожцев им удалось убить только 200 и 20 взять в плен. Остальные же, побросав большую часть своей добычи в воду и взяв лишь самое ценное, успели сесть в чайки и уйти от турок. А плененных казаков доставили в Константинополь и там в присутствии жителей Синопа, приехавших с известием о разорении их города, предали мучительной казни.

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море. Восемьдесят чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег ввиду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул. Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.

А казаки между тем продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смятение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на abordаж. Метая ручные зажигательные снаряды – паклю со смолой, им удалось поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на abordаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и в виду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры.

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного и опытных старшин – есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а пятнадцать галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами. Затем казаки направились

к крепости Кафа. Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, под командой Свиридовича и Бородавки, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана – с моря. Казакам удалось под покровом темноты ворваться в город – ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу – проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казацком погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII века Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю и в 1616 г. и 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII века Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий визирь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Несмотря на столь блестящий успех Сагайдачного, запорожцы согнали его с гетманства и выбрали Дмитрия Богдановича Барабаша. Новый гетман весной 1617 г. повел флотилию чаек в очередной поход. На сей раз разграблению подверглись окрестности Стамбула. Как утверждали европейские купцы, «казаки мигали своими походными огнями в окна самого сераля».

В 1620 г. запорожцы на 150 чайках под началом Якова Бородавки погуляли у берегов Болгарии, в очередной раз была взята и сожжена Варна.

В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец пашы, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-пашы Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклавы), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 километров до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

В июле того же года сто запорожских чаек прорвались мимо Очакова в Черное море. В это время у Кафы стояла турецкая эскадра с капудан-пашой во главе. Эскадра должна была способствовать смене власти в Бахчисарае – турки вместо Мухаммеда-Гирея II хотели сделать ханом Джанибе-ка-Гирея. Появление казацкой флотилии у стен Кафы склонило чашу весов на сторону Мухаммеда-Гирея.

От Кафы казаки отправились к Босфору. Весь день 21 июля чайки простояли в виду османской столицы, наводя страх на ее жителей, а потом

повернули обратно. Однако через несколько дней казаки возвратились и на этот раз сожгли босфорский маяк, разорили несколько прибрежных селений и снова отошли в открытое море.

Но казаки на этом не успокоились, и 7 октября их чайки опять появились ввиду Константинополя. Они ворвались в Босфор, разгромили на его берегу селение Еником и благополучно возвратились домой.

В июле 1622 г. французский посол сообщал в Париж, что казаки на 30 чайках разорили анатолийское побережье и нагнали страху на жителей Стамбула, вызвав у них настоящую панику. По этому поводу посол писал: «Слухи о четырех чайках в Черном море пугают турок больше, чем чума в Морее или Берберии – так напуганы они с этой стороны».

В июне 1624 г. около 150 чаек опять прорвались в Черное море. Через три недели чайки вошли в Босфор и двинулись к Константинополю. Турки срочно отремонтировали большую железную цепь, сделанную еще византийцами, и заперли ею залив Золотой Рог. Казаки сожгли Буюк-Дере, Зенике и Сдегну, а затем уплыли обратно.

В следующем году 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу. Каждая чайка несла по 3–4 фальконета. На западном берегу моря при Карагмане с ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

Монах-доминиканец Э. д'Асколи, побывавший в Крыму в 1634 г., писал, что казаки в 20–30-х годах XVII века неоднократно штурмовали турецкую крепость в Керчи, но взять ее не смогли. Зато Судакская долина стала необитаемой из-за казачьих набегов. Д'Асколи посетил город Инкерман (район нынешнего Севастополя), до основания разрушенный казаками.

Походы казаков происходили почти каждый год, и обо всех просто нет возможности упомянуть.

В 1628 г. донские казаки захватили Балаклаву, затем поднялись в горы и напали на город Карасубазар. Не имея возможности унять донцов, крымский хан написал клязу в Москву: «Казаки их крымские улусы повоевали и деревни пожгли и лутчей город Карасов (Карасубазар. – А.Ш.) выжгли, и ныне-де казаки стоят в крымских улусах и шкоды людям их чинят».

В 1631 г. полторы тысячи донцов и запорожцев высадились в Крыму в

Ахтиарской бухте, то есть будущем Севастополе, и двинулись вглубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове, а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой совершали набеги и опустошали окрестности.

16 августа у Мангупа казаки встретились с войском хана Джанибек-Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

Казацкие походы серьезно ослабили военный и экономический потенциал крымских ханов, да и самой Турции. Поэтому Москва со времен Ивана Грозного помогала донским и запорожским казакам, посылая им деньги, оружие и продовольствие. Особенно казаки ценили порох и пушки. Другой вопрос, что делалось это с перебоями и не удовлетворяло нужды казаков.

Серьезный ущерб взаимоотношениям казаков и Московского государства наносило непонимание русскими царями, начиная с Ивана Грозного, сути Крымского ханства. Цари путали Крым с Австрией, Швецией или Данией, посылали посольства, пытались заключать договоры в надежде получить мир на южных рубежах. Все эти планы проваливались, татары вопреки всем договорам вновь и вновь нападали на Русь. После очередного набега в Крым с поминками тащились московские послы. При этом в качестве разменной монеты на «бахчисарайском аукционе» царские дипломаты использовали казаков. Казаки собрались в поход, и вдруг из Москвы грамота – сидеть смирно, даже если татары нападут, ответных набегов не делать. В отдельных случаях казаки терпели, слушались Москву, а в большинстве случаев – нет. В ответ Москва прекращала поставки денег и оружия и запрещала купцам торговать с Сечью или Доном, то есть попросту вводила блокаду. Доходило до вооруженных конфликтов казаков и царских войск на радость басурманам. Хорошим примером непоследовательной политики Москвы стало знаменитое «Азовское сидение».

В начале 30-х годов XVII века из Москвы на Дон пришло немало грамот с требованием «не задирать» турок, на море не ходить, городам Азову и Кафе «дурного не чинить». Донцы ворчали и терпели. Запорожцы же к этому времени не имели почти никаких связей с Москвой, и в 1634 г. гетман Войска Запорожского Сулима вышел по Днепру в Черное море, а далее через Керченский пролив прошел в Азовское море и осадил Азов. К

запорожцам в инициативном порядке подошло несколько сотен донцов с пушками. Осада крепости длилась две недели и была снята из-за внезапного нападения ногайских татар.

В марте 1637 г. четыре тысячи запорожцев под началом Михаила Татаринова пришли на Дон. К ним присоединилось три тысячи донцов, и они вместе двинулись к Азову. Часть казаков плыла на стругах, а конница шла берегом. 24 апреля казаки осадили Азов.

Азов представлял собой сильную крепость, а у казаков не было осадной артиллерии. Но среди казаков оказался хорошо знающий осадное дело немец, при переходе в православие принявший имя Иван. Кстати, среди запорожцев и донцов встречались немцы, французы и представители других европейских стран. Правда, чтобы вступить в товарищество, им приходилось принимать православие. Немец Иван подвел подкоп под стены Азова. В «Повести о взятии Азова» говорилось: «В день воскресенья, в четвертом часу дни (примерно в пять часов утра) месяца июня по 18 день тот мастер Иван по повелению атаманов и казаков в подкопе порох запалил. И ту градную стену вырвало и многих бусурманов за град с камением метало. И бысть аки молния великая от того порохового дыму».

Донцы и запорожцы пошли на штурм. Азов был взят. Все мусульмане, включая мирных жителей, перебиты, русские невольники освобождены, а греки, жившие в Азове, отпущены восвояси. В Азове казаки захватили 200 турецких орудий. Донские казаки остались в Азове, а запорожцы с добычей удалились в Сечь.

Узнав о взятии Азова, царь Михаил очень напугался и отправил грамоту турецкому султану, где утверждалось, что казаки взяли Азов «воровством», донские-де казаки издавна воры, беглые холопы и царских приказаний не слушают, а войско посылать на них нельзя, потому что живут они в дальних местах: «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим».

Тем не менее «воровское» взятие Азова существенно изменило обстановку в регионе. Прекратились набеги крымцев на русские земли. Крымского хана начали покидать ногайские мурзы и откочевывать обратно к Волге, «под руку» русского государя. Всего на русскую сторону Дона перешло 30 тысяч «черных улусных людей». Ногайский мурза Янмаметь с семьей и отрядом в 1200 всадников бежал из Крыма прямо в Азов. Часть

ногайцев расположилась кочевьями вблизи Азова, принеся «шерть» (клятву на верность) русскому царю, остальные пошли дальше, к Астрахани.

Первоначально гарнизон Азова составлял 4 тысячи донских казаков, многие из которых перевезли в город свои семьи. Вскоре прибыло на «житьё» 700 запорожцев. Появились купцы, открылись лавки. Турецкий же султан увяз в войне с Персией и не мог отправить против казаков больших сил.

Персидская война закончилась в 1639 г., и султан Мурад IV начал готовиться к походу на Азов, но в 1640 г. он умер. Новый султан Ибрагим сумел начать поход лишь в мае 1641 г. По разным сведениям, султан отправил к Азову от 100 до 240 тысяч турок и татар. В городе же было 5367 казаков и 800 женщин.

В июне 1641 г. началась осада города. Турки доставили под Азов 120 осадных («ломовых») пушек и 32 мортиры. Туркам удалось захватить земляной город, но осажденные укрылись в цитадели, взять которую турки так и не смогли. Между тем наступила осень. Зимой Азовское море замерзает, и турки могли лишиться подвоза продовольствия. Кроме того, неизвестно откуда в турецком лагере возник слух, что к Азову идет царь Михаил с большим войском. В итоге 26 сентября 1641 г. турки сняли осаду и уплыли обратно, а татарская конница ушла в Крым. Потери турок и татар под Азовом превысили 20 тысяч человек. Султан Ибрагим был взбешен. Командующий осадной армией Гуссейн-паша скончался на обратном пути, но другие военачальники турецкой армии были казнены в Стамбуле.

Победа нелегко досталась казакам. Судьба Азова буквально висела на волоске. Теперь казакам стало ясно, что в следующий раз без помощи царских войск им город не удержать. Приход же на Дон московских воевод мог положить конец казацкой вольности. Тем не менее казацкий круг решил отправить послов к царю с просьбой «взять Азов под свою руку».

Казацье посольство возглавили атаман Наум Васильев и есаул Федор Порошин. С ними было 24 человека «лучших казаков». 28 октября 1641 г. казаки приехали в Москву.

Донские послы доложили государю московскому о том, что казаки «от турских и крымских и многих людей город Азов отсидели», но понесли большие потери, и гарнизон Азова находится теперь в крайне плачевном состоянии. Казаки попросили царя: «Чтоб велел государь у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов город».

Царь Михаил и его бояре долго колебались. В конце концов Михаил собрал 3 января 1642 г. Земский собор, которому поручил решить вопрос об Азове. Мера эта формально была демократической, а на самом деле –

глупейшей. Почти никто из делегатов Собора ранее не слышал вообще об Азове. Просто Михаилу не хотелось, чтобы инициатива отказа от Азова принадлежала ему, а с Земского собора какой спрос – «партия никогда не ошибается». Дьяки насчитали фантастическую сумму – 221 тысячу рублей, которая понадобилась бы на занятие Азова. И никому не пришло в голову спросить, как это казаки удерживали Азов несколько лет «своим коштом», то есть на средства Войска Донского.

30 апреля 1642 г. в Азов была отправлена царская грамота, окончательно поставившая точку в азовском сидении. В грамоте говорилось: «...вам, атаманам и казакам, Азова города держать некем; а только принять не велим, а вам его покинуть и идти по старым своим куреням».

Делать было нечего, казаки вывезли из Азова все пушки и припасы, крепость была разрушена до основания.

Летом 1642 г. турецкие войска вновь подошли к Азову и немедленно приступили к строительству новой крепости. Крепость построили из камня, придав ей форму правильного четырехугольника. Крепость имела бастионы и внутренний замок-цитадель. Стены окружали земляной вал и глубокий ров. Выше по реке на обоих берегах турки выстроили две башни, так называемые каланчи, между которыми протянули железную цепь, чтобы перекрыть дорогу казачьим судам. В «каланчах» были установлены пушки и постоянно находилось 20–50 янычар. На одном из рукавов Дона, Мертвом Донце, в 10 км к северу от Азова, был построен каменный замок-форт Лютик, он прикрывал дальние подступы к крепости.

Расчеты московских бояр и царя на замирение с султаном не оправдались. 22 апреля 1643 г. большое турецкое войско внезапно напало на казачий городок Маныч, разорило и сожгло его. Всех оставшихся в живых казаков увели в плен в Азов. Через неделю турецкое войско напало на городки Черкасск и Монастырский Яр, разорило и разрушило их. В июне большое турецкое войско осадило Раздоры. Однако донцам удалось отстоять Раздоры, а в апреле 1644 г. они вернули Черкасск. В мае 4,5 тысячи казаков приходили под Азов. Летом турки перешли в контрнаступление.

В октябре 1643 г. донские атаманы жаловались царю, что турки «взяли и выжгли городок Кагальник и казаков многих порубили, а иных поймали». Но и теперь Михаил побоялся послать войска на Дон. Вместо этого казачьим атаманам было разрешено вербовать в Московском государстве «вольных людей». К 1645 г. на Дон отправилось не менее 10 тысяч «вольных людей». Но для отражения турецкой экспансии и этого было

мало.

В мае 1646 г. в Черкасск пришел из Астрахани воевода Семен Романович Пожарский с отрядом из 1700 стрельцов и 2500 ногайцев. Туда же из Воронежа пришел воевода Кондырев с тремя тысячами «вольных людей», набранных в Малороссии. Московские воеводы и казаки в 1646 г. ходили под Азов, но взять его не смогли. Раньше думать надо было!

Теперь турки сделали Азов неприступной крепостью. Однако азовский гарнизон не мог помешать морским походам донских казаков. В кампании 1646 и 1647 годов казакам пришлось вернуться обратно из-за сильных штормов на Азовском море. Зато в 1651 г. донцы вновь ограбили окрестности Синопа, взяв 600 пленных, а на обратном пути захватили три торговых турецких судна.

В 1652 г. тысяча донских казаков под предводительством атамана Ивана Богатого подошла к окрестностям Стамбула. Возвращались донцы домой с большой добычей и на обратном пути выиграли бой с десятью турецкими галерами.

В 1653 г. донцы в течение трех месяцев опустошали южный берег Крыма от Судака до Балаклавы, а затем спалили Трапезунд.

В 1655 г. две тысячи донских и 700 запорожских казаков взяли штурмом Тамань и два месяца держали в страхе весь Крым. В том же году другой отряд казаков захватил Судак и Кафу. Казаки также пытались занять окрестности Батума, но неудачно. Турецкий путешественник XVII века Эвлия-Эффенди писал, что казаки взяли крепость Гунию вблизи Батума. Но туда пришел Гази-Сиди-Ахмед-паша с большим войском и внезапно напал на казаков. Турки захватили казацкие чайки и 200 пленных. Остальным удалось укрыться в крепости. Паша осадил крепость и целый день безуспешно пытался взять ее штурмом. К вечеру на помощь туркам подошло несколько тысяч местных горцев. Имея многократное превосходство в силах, нападающие завалили ров и стены фашинами, под прикрытием огня своей артиллерии ворвались в крепость и перебили казаков.

В 60–70-х годах XVII века несколько походов на басурман предпринял запорожский атаман Иван Дмитриевич Сирко. В 1660 г. он совершает морские походы на Очаков и Крым. Зимой и осенью 1663 г. казаки под его началом напали на Перекоп и разрушили крепость.

Осенью 1675 г. атаман Сирко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольным Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым. К ним присоединился и отряд калмыцкого мурзы Мазана.

У Перекопа Сирко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим-Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решили остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Сирко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Сирко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до Страшного суда Господня, вместо того чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощенья погибель».

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о невольниках, скажу, что запорожцы захватывали на порядок меньше пленных, чем крымские татары. При этом пленников, особенно женщин, не продавали в другие страны, как в Крыму. Пленницы становились рабынями, наложницами и даже женами казаков. В самой Сечи действительно женщин не было. Рядом в поманках (поселках) жили тысячи казаков, а запорожские старшины владели большими поместьями в Малороссии. Пленные тюркского происхождения существенно изменили этнический состав в Малороссии. Севастопольские историки Л.Т. Артеменко и Е.В. Веникеев писали: «Особенно ценились молодые девушки и женщины – как, впрочем, и везде на свете. Их охотно брали для домашней работы. И случалось, что турчанки и татарки становились женами украинцев и поляков. И бегали потом по украинским селам чернобровые мальчики и девочки, сверкая восточными глазенками. В наше время трудно и представить, что когда-то украинцы были пшеничноволосы и голубоглазы».^[14] Зато именно «самостийники» с «чувством глубокого удовлетворения» называют русских потомками угрофиннов и татар.

Поход русских и калмыков на Крым привел в бешенство султана Мехмеда IV. И вот по совету Ахмета Кепрюлю султан осенью 1675 г. послал в Крым из Константинополя на кораблях 15 тысяч отборных стамбульских янычар и велел крымскому хану Эльхадж-Селим-Гирею со всей крымской ордой с наступлением зимы перебить всех запорожцев, а саму Сечь разорить до основания.

Крымский хан решил расправиться с запорожцами на святках

Рождества Господня, когда все запорожское войско хорошо гуляло и крепко выпивало. Происшедшее далее весьма колоритно описано у Д.И. Яворницкого, который пользовался свидетельствами очевидцев: «...как скоро тогдашняя зима, через майстерство крепких морозов своих, замуровала днепровские глубины и речки полевые твердыми льдами и придела достаточными снегами, тогда крымский хан тот же час приказал сорока тысячам крымской орды быть готовыми для военного похода, а пятнадцати тысячам янычар велел дать лошадей, не объявляя никому, куда именно он поведет их в поход. Когда кончился Филиппов пост, тогда сам хан, снявшись из Крыма со всем названным войском своим, пошел по направлению к запорожской Сичи, стараясь держаться в нескольких милях от берега Днепра, чтобы не быть замеченным запорожцами, зимовавшими по днепровским островам и веткам, и чтобы все войско запорожское низовое каким-нибудь способом не узнало о том. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, в самую полночь, хан, приблизившись к Сичи, захватил сичевую стражу, стоявшую в версте или в двух верстах от Сичи на известном месте, и от этой стражи узнал, что войско пьяное спит беспечно по куреням и что другой стражи нет ни около, ни в самой Сичи; хан очень обрадовался этому и сейчас же, выбравши самого лучшего из пойманных сторожевых и пообещав ему свободу и большую награду, приказал ему провести пехотных янычар вовнутрь запорожской Сичи через ту форточку (калитку. – А.Ш.), которая, по показанию самих сторожевых, не была заперта на ту пору. Итак, отправивши всех янычар в Сичу с названным запорожским сторожевым, хан приказал им, вошедши в нее, “чинить належитый военный над пьяноспящими запорожцами промысел”. Сам же между тем, объехавши с ордой вокруг Сичь и густо обступивши ее, стоял неподалеку наготове, чтобы не выпустить и “духа имеющих утекать” запорожцев. Но на этот раз над турками и татарами сбылась старая пословица: “Що чоловік собі обще, тоє Бог ницує”: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Кош не осуществилась. Хотя хан и знал, что войско запорожское привыкло в праздничные дни подливать и беспечно спать, но не припомнил того, что множество этого же самого войска имело обыкновение собираться в праздник Рождества Христова до Сичи со всех низовых днепровских лугов и что большинство из этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вот настал “полуночный час”. Все войско, не слыша ни о какой тревоге и не имея вести о намерении бусурман, “зашпунтовав-шись” в куренях, беспечно опочивало... Когда же повернуло с полночи и Бог Вседержитель благословил соблюсти в целости то православное и преславное низовое

запорожское войско, тогда он отогнал сон некоему Шевчику, коза-ку одного курения; этот Шевчик, вставши для своего дела и отворивши кватерку (польски означает четвертую часть окна, т.е. форточку. – А.Ш.), начал в оконную щель присматриваться, рано ли еще или нет, и неожиданно увидел людей, неприятелей-турок, всю улицу заполнивших собой. Шевчик пришел в ужас; однако тот же час тихо засветил несколько свечей в своей курене, сообщил знаками пятерым или шестерым товарищам своим, еще не ложившимся спать, но сидевшим в углу куреня, закрывшимся там и игравшим в карты. Товарищи, услышав слова Шевчика и побросав карты, зараз бросились тихонько ко всем окнам куреня своего и, не отворяя их, стали присматриваться в оконные щели, чтобы убедиться, правда ли то, что сказал Шевчик. Когда же и сами увидели, что Сичь их наполнена неприятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всех товарищей своего куреня, которых было до полутора человека, и сообщили им о грозившей беде. Товарищи быстро повставали, тихо поодевались, осторожно забрали в руки оружие и потом, после совета с куренным атаманом, решили устроить следующее: поставить к каждому окну по несколько человек лучших стрельцов, чтобы они беспрестанно стреляли, а другие чтобы только заряжали ружья и первым подавали. Устроивши все это без великого шума и помолвившись Богу, казаки сразу поотворяли все окна и оконницы и начали густо и беспрестанно стрелять в самое скопище янычар, сильно поражая их. Тогда другие курени, услышав выстрелы и увидевши неприятеля, тот же час открыли со всех сторон через окна густой и беспрестанный мушкетный огонь и как бы молнией осветили темную ночь в Сичи, тяжело поражая турок, кои от одного выстрела падали по двое и по трое человек... На самом рассвете дня они покончили с турками, и всю Сичь и все курени со всех сторон, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровью, а все сичевые улицы и переулки неприятельскими трупами завалили. Трупы те лежали, облитые их же собственной кровью, склеенные и замороженные сильным морозом, бывшим в то время. Так велико было их число, видно из того, что из пятнадцати тысяч янычар едва полторы тысячи ушло из Сичи и спасено татарами на лошадях. А между тем хан, стоявший около Сичи в ожидании конца задуманной облавы, увидя несчастный конец неудавшегося замысла, взвыл, как волк, подобно древнему Мамаю, побежденному русскими на Куликовом поле».

Крымский хан Эльхадж-Селим-Гирей бежал в Крым так быстро, что отряд запорожцев в две тысячи человек так и не смог догнать остатки татар и турок. В ходе этой «заварухи» было убито 50 и ранено около 80 казаков.

Своих убитых запорожцы предали земле «честным и знаменитым погребением», а сотни турецких и татарских трупов спускали под лед. О количестве убитых басурман можно судить по тому, что, сделав шесть прорубей в Днепре, казаки занимались этим неприятным делом целых два дня.

Утром после боя казаки обнаружили 150 спрятавшихся татар, из которых было четыре аги (офицера). За них крымский хан прислал «двенадцать тысяч киндяков^[15] и шесть больших бут доброго крымского вина», а за каждого агу еще по две тысячи левов. Казаки не смогли устоять и уступили пленных с миром.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лицарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты – шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты с черту лицарь?» Замечу, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошом запорожским».

Глава 3.

Как и почему Стенька княжну утопил

Описание крестьянской войны Степана Разина в целом выходит за рамки нашей работы, но его персидский поход представляет классический случай пиратства. И надо сказать, что по масштабам действий в Персии Стенька явно превосходит своих современников Генри Моргана, Вильяма Кидда и Жана Барта.

В 1667 г. около двух тысяч донских казаков во главе с выборным атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным явились на Волге вблизи Царицына и построили на берегу укрепленный городок. Для начала Стенька ограбил большой караван судов в Астрахани. Царские стрельцы, сопровождавшие караван, сдались без боя. Колодники, которых везли в ссылку в Астрахань, а также несколько десятков гребцов присоединились к казакам. Торговых же людей казаки после пыток перевешали или утопили.

Так началась карьера славного атамана. Разинцам через протоку Бузан удалось обойти Астрахань и прорваться в Каспий.

Вскоре казацкие струги дошли до устья реки Яик (Урал). Поднявшись до Яицкого городка (с 1775 г. город Уральск), Разин обманом захватил крепость и перебил стрелецкий гарнизон. Атаман решил сделать Яицкий городок своей операционной базой. Оттуда казаки выходили грабить рыбные промыслы русских купцов в дельте Волги, периодически нападали на соседей-калмыков.

С берегов Яика Разин рассылает «прелестные» письма к казакам на Дон и в Малороссию. Гетман Дорошенко ласково принял посланцев Стеньки, но начинать войну с Москвой не пожелал. Не хотели ссориться с Алексеем Михайловичем и зажиточные казаки на Дону. Лишь 800 человек гольтыбы во главе с атаманом Сережей Кривым явились в Яицкий городок.

Но дальше оставаться в городке Разину становилось опасно. Калмыки объединились и начали бить разбойников-казаков, а главное, рано или поздно следовало ждать прихода большого государева войска.

И вот весной 1668 г. казаки покидают Яицкий городок, спускаются по Яику, а дальше морем идут на юг. Разинцы страшно разорили персидское побережье от Дербента до Баку. Советские историки доказывали, что Стенька в Персии строго соблюдал классовый подход – грабил только богатых, а бедных, наоборот, защищал. Вот как описывает деяния Разина советский писатель А.Н. Сахаров: «Грозой шли казаки по взморью,

врывались в селения, рассыпались с гиканьем и свистом по домам, рубили саблями, били кистенями шаховых солдат, тащили из домов персиянок за длинные черные волосы, хватали ковры, оружие, посуду, ткани, подталкивали пиками к стругам пленных мужчин, на ходу обряжались в дорогие халаты, увешивали шею золотыми и жемчужными ожерельями, напяливали на загрубевшие, не гнувшиеся от долгой гребли пальцы дорогие перстни.

Бедноту Разин строго-настрого наказал не трогать, не грабить и в ясырь не волочь: к бедным избам, к земляным лачугам не подходить, зато богатых купчин, шаховых приказных людей, местных князей, домовитых крестьян шарпай сколько хочешь. А когда грабили казаки невзначай или с умыслом здешних “голых” людей – зверел атаман, кидался с чеканом на обидчика, кричал: “Мы не разбойники и не воры! Мы честные казаки! Зачем же ты, б...й сын, мараешь доброе казацкое имя? Мало тебе купцов и князей, на «голых» людей руку поднял, забыл, кто ты сам-то есть, ах ты, собака!..”».

Увы, казаки грабили и убивали всех подряд. А женщин насиловали, выбирая их, ориентируясь не на социальную принадлежность жертвы, а на ее внешность и исходя из своих возможностей.

Между тем у царя с шахом Аббасом II были вполне дружеские отношения, они «дружили» против Оттоманской империи. Узнав о проделках Стеньки, Алексей Михайлович отправил к шаху специального посланца – немца на русской службе, полковника Пальмара. В царевой грамоте говорилось, что после заключения в 1667 г. Андрусовского мира с польским королем объявились в понизовых местах разные воровские люди и против них царь послал свое войско, чтобы побить их и разорить. «И ныне после бою и разоренья достальные воровские люди от устья Волги-реки на Хвалынское море побежали, избывая своей смерти, где бы от наших ратных людей укрытца. А наши царского величества ратные люди за ними вслед неотступно промысл чинят, и чтоб тех воров искоренить и негде б их не было. А вам бы, брату нашему Аббас шахову величеству, своей персидцкой области околь моря Хвалынского велеть остереганье учинить, и таким воровским людям пристани бы никто не давал и с ними не дружился, а побивали бы их везде и смертью уморили без пощады».

Весь июнь 1668 г. казаки провели на побережье между Дербентом и Баку, однако ни одной крепости им взять не удалось. Разинцы обошли Дербент, Шемаху и Баку. В июле казаки дошли до Гилянского залива и начали грабить богатую область Мазандеран. От успехов у атамана закружилась голова, и он повел свое воинство на крупный город Решт. Но

тут казаки нарвались на войско местного губернатора Будар-хана. Как позже показали свидетели – астраханские купцы Никита Мусорин и Таршка Павлов: «Те воровские казаки приехали под шахов же город Ряш и стали стругами у берега. И ряшский-де хан выслал против их шаховых служилых людей з боем, и те-де шаховы люди их, воровских казаков, побили с 400 человек. А атаман-де Стенька Разин с товарищи говорили шаховым служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве, и они б с ними не бились».

Действительно, Степан Тимофеевич действовал классически, по «варяжскому рецепту» – получив отпор, нанимался кондотьером на службу.

Будар-хан согласился, но потребовал, чтобы казаки сдали персам все свои струги и пушки, а им в свою очередь будет разрешено отправить посланцев в Исфагань к шаху, который и должен был решить судьбу разинцев. А пока суд да дело, пять дней казаки торговали и пьянствовали в Реште. Согласно преданию, Степан Тимофеевич, будучи сильно во хмелю, затеял драку с горожанами, которая переросла в большое сражение. С трудом казаки пробились к морю и отбили у персидской стражи собственные струги. Выйдя в море, Разин приказал идти вдоль побережья на восток, а затем высадиться на пустынном берегу.

А шах Аббас II поначалу милостиво принял русских посланцев, но тут наконец прибыл полковник Пальмар, и шах понял, с кем он имеет дело. Немедленно разинских посланцев заковали в кандалы, а воеводе Мехмету было приказано с большим войском идти на казаков.

Приведя в порядок разбитое воинство, Стенька опять двинулся на восток и внезапно напал на небольшой город Фарабат. Он располагался примерно в 400 км восточнее Решта, и местные жители слыхом не слыхивали о Разине. Город был разграблен и сожжен. Затем Разин двинулся к расположенному неподалеку городу Астрабаду, который постигла участь Фарабата.

Зиму 1668–1669 гг. разинские казаки провели на полуострове Миян-Кале между Фарабатом и Астрабадом. Пленные персы построили деревянные дома для жилья, а также возвели земляной вал на перешейке, соединяющем полуостров с материком, и казаки поставили там пушки.

Зимой и ранней весной разинцы периодически совершали налеты на туркменские поселки на юго-восточном берегу Каспия. В одной из стычек с туркменами был убит Сережа Кривой.

Разорив туркменское побережье, Разин в мае 1669 г. двинулся на запад – в Гилянский залив. Традиционно пограбив побережье, Разин отправился севернее и устроил себе базу на Свином острове недалеко от Баку.

В июле 1669 г. к Свиному острову подошел персидский флот под началом Менеды-хана. Флот – это сказано слишком громко: у персов было 50 плоскодонных лодок-сандалов.

Сражение у Свиного острова хорошо описано в донесении секретаря шведского посольства в Персии Кемпфера: «Кзаки выскочили на нескольких стругах из-за острова и бросились в открытое море. Персы, увидев это, подумали, что они бегут, хотя на самом деле они сделали это, чтобы лишь заманить их, а поэтому казаки уходили все дальше и притворялись, что не могут управлять своими судами. Это поощрило персов преследовать их с громом труб и барабанов. Хан лично был с ними и поднял флаг на своей бусе. Они также соединили свои бусы цепями, надеясь захватить врага как бы в сети, чтобы никто не убежал. Но это оказалось большим преимуществом для казаков. Так как персы начали стрелять в них, и когда они были достаточно далеко от берега, новый генерал казаков (по сведениям Кемпфера, Разин на время боя сдал командование одному из старшин. – А.Ш.), решив, что теперь уже пора, приказал своему пушкарю, который был очень опытным парнем, стрелять в большое судно с флагом, что он и сделал, нацеливая свою пушку в то место корабля, которое было под водой, где находился порох; ядра были внутри пустые и наполнены нефтью с ватой, и так как выстрел произвел желаемый эффект, то есть взорвал часть бусы и поджег остальную часть, то хан ретировался на другое судно. В этом замешательстве, так как судно, начав тонуть, не только само тонуло, но и потащило за собой другое, казаки подошли ближе, приостановили обстрел, прикрепили свои суда к персидским, у которых были высокие палубы, и казаки убивали персов шестью, к которым были привязаны пушечные ядра; некоторые из персов предпочитали броситься в море, чем попасть в руки врагов. Остальные были убиты казаками, которые ничего не смогли взять с их бусов, кроме пушки».

Менеды-хану удалось уйти с тремя сандалами. Зато в плен попали его сын Шабалда и, возможно, дочь.

После боя Разин решил вернуться на Дон, так, по крайней мере, он объявил казакам. Близ дельты Волги казаки нагнали персидский караван судов, шедший в Астрахань. На одном из судов находились и аргамаки – дорогие подарки шаха царю. Надо ли говорить, что караван был ограблен казаками, а уцелевшие при абордаже персы стали пленниками.

Навстречу Разину астраханский воевода князь Прозоровский отправил второго воеводу князя Семена Львова с 36 стругами, на которых разместилось 4000 астраханских стрельцов. Встреча произошла в дельте.

Увидев царские струги, казаки повернули в море. Львов гнался за ними двадцать верст, но догнать не смог и послал казакам милостивую царскую грамоту. Тогда Разин вернулся, и начались переговоры.

К воеводе Львову прибыли двое выборных казаков и говорили: «Все войско бьет челом, чтоб великий государь пожаловал, велел вины их отдать и отпустить на Дон с пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет; пушки, которые мы взяли на Волге в Судах, в Яицком городке и в шаховой области, отдадим, отдадим в Царицыне».

Князь Львов велел, чтобы эти двое казаков поклялись за все войско, и с тем поплыл обратно в Астрахань, а за ним плыл Стенька со своим воинством.

25 августа в Астрахани отмечалось большое торжество. Воевода князь Прозоровский сидел в приказной избе, и туда направился Разин с товарищами. Подойдя к избе, казаки положили бунчук, знамена, сдали пленных персиян и пообещали, что пушки тоже отдадут и русских-служилых людей отпустят без задержки. Разин бил челом перед воеводой, чтобы царь велел отпустить их на Дон, а сейчас шестерых выборных казаков отправить в Москву «бить великому государю за вины свои головами своими». Выборные были отправлены.

Сказать, что разинцы произвели в Астрахани фурор, – ничего не сказать. Казаки шли по улицам города под восторженные крики жителей. Все они с ног до головы были увешаны золотыми и серебряными украшениями, на пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями, такие же бесценные камни украшали шашки, на шеях болтались тяжелые золотые цепи, за поясами торчали пистолеты с золотой насечкой, и на боках висели сабли стоимостью в целое состояние.

Десять дней жили казаки в Астрахани. Сколько было ими пропито тысяч золотых рублей – можно только гадать. Сам Стенька ходил по улицам и бросал в народ золотые монеты. В эти дни пьяный Стенька собственноручно публично утопил в Волге знатную персиянку. Среди астраханцев пошел слух, что утопленная наложница – дочь самого персидского шаха. Голландец на русской службе Л.Фабрициус в своих записках упоминает не только об утоплении принцессы-наложницы, но и о ее младенце-сыне от Разина. По словам Фабрициуса, Разин отдал ребенка на воспитание астраханскому митрополиту и впридачу тысячу рублей золотой монетой.

Разину пришлось отдать воеводе Прозоровскому 13 морских стругов и тяжелые пушки (5 медных и 16 железных), но 20 легких пушек он удержал

у себя. «Эти пушки, – сказал атаман, – надобны нам на степи для проходу от крымских, азовских и всяких воинских людей, а как дойдем, то пушечки пришлем тотчас же».

Сколько Стенька дал князю – история от нас утаила. Известно лишь, что жадный воевода потребовал и дорогую соболью шубу с атаманского плеча. Разин поморщился, но уступил: «На тебе шубу, чтоб не было шуму».

4 сентября 1669 г. струги Разина отправились вверх по Волге. Это было днем окончания персидского похода и начала большой войны с Москвой.

Персидский поход и гульба в Астрахани произвели огромное впечатление на всю Россию. Разин из обыкновенного «воровского» атамана вдруг превратился в сказочного богатыря, сравнимого с Ильей Муромцем и князем Олегом Вещим. О нем говорили: «Стенька Разин богат приехал, что и невероятно быти мнится: на судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской шелковые учинены». Замечу, то же самое рассказывалось и о ладьях князя Олега и внесено в летопись. Пошли слухи, что Разин чародей и знает с нечистой силой.

Деньги и слава создали атаману предпосылки для похода на Москву!

III. ПИРАТЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Глава 1.

Как стамбульские мыши kota разбудили

Непосредственной причиной нападения Турции на Россию в 1768 г. стали события в Речи Посполитой: королевская власть там уже почти три века не переходила по наследству, а была выборной. При этом польский народ, не говоря уж о православных и протестантах, никакого отношения к выборам не имел. Все решали знатные паны. Причем выбор кандидата определяло не столько число голосов панов на элекционном сейме, сколько число сабель в частных армиях панов избирателей. Правда, паны, у которых оказалось меньше сабель, с конца XVII века начали приглашать «избирателей» из-за рубежа. Страны-соседи обычно не отказывали обиженной части панов и направляли в Речь Посполитую стройные ряды «избирателей» с мушкетами и пушками. Наибольшую активность проявляли шведский, саксонский, австрийский и французский «электората». Матушка Россия тоже, естественно, не оставалась в стороне.

Первое время русские войска «таскали каштаны из огня» для других. С 1697 г. Польшей правили саксонские курфюрсты из Альбертинской линии династии Веттинов – Август II и Август III. Попытки шведов, а затем французов сменить эту династию оканчивались вводом «ограниченного контингента» русских войск и восстановлением власти очередного Августа. Следует заметить, что саксонские курфюрсты были польскими королями лишь по совместительству. Оба Августа постоянно проживали в Дрездене – столице Саксонии, а в Варшаву наведывались лишь эпизодически.

5 октября 1763 г. умер польский король Август III. Екатерина II вопреки мнению прежнего мэтра русской внешней политики престарелого графа Бестужева-Рюмина отказалась поддерживать саксонскую династию и решила посадить на престол 31-летнего графа Станислава Понятовского. Екатерина заручилась поддержкой прусского короля Фридриха II, и в августе 1764 г. на элекционном сейме граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала графу Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

Замечу, что граф Понятовский не принадлежал ни к одному царственному роду, хотя Екатерина II и величала его Пястом. На самом

деле Пясты – династия древних польских королей – вымерли в Польше в XIV веке, а боковые ветви – в Силезии в XVI веке. Зато у Стася Понятовского имелось два достоинства: во-первых, он являлся активным членом «русской партии» среди польских магнатов, а во-вторых, в 1755–1760 гг. он был любовником цесаревны Екатерины Алексеевны.

На последнем и решили сыграть польские паны, недовольные правлением нового короля. Знатные ляхи зачастили в Стамбул, где стали внушать придворным султана, что «русская кралица» возвела на престол своего любовника Стася, чтобы сочетаться с ним браком и династической унией объединить Российскую империю и Речь Посполитую.

Османские министры собрали все анекдоты об амурных похождениях Екатерины, ходившие при европейских дворах, и пришли к выводу, что от такой дамы «чего не может случиться». А объединение двух славянских государств представляло страшную угрозу Порте, да и турки сами зарились если не на всю Польшу, то на ее южную часть.

Поводом для войны стало нападение гайдамаков (малороссийских повстанцев) на пограничную турецкую деревню Галту в Подолии. Понятно, что Россия не имела никакого отношения к инциденту, но в Стамбуле это никого не интересовало.

25 сентября 1768 г. султан Мустафа III повелел заключить русского посла Алексея Обрескова в Семибашенный замок и объявить России войну. Причем войну не обычную, а священную! Султан считал себя «тенью Аллаха на земле» и духовным главой всех мусульман. Посему из Стамбула в Среднюю Азию и даже в Казань полетели грамоты с призывами подниматься на священную войну против нечестивцев.

Екатерина II, занятая по горло Польшей, а главное, преобразованиями в своей империи, всячески оттягивала войну, и в 1765–1768 гг. пошла на ряд уступок султану. Однако узнав об объявлении войны, императрица пришла в ярость. Из письма Екатерины к послу в Англии графу И.Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память нескоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства немаленькие».

Объявляя войну России, султан и его окружение надеялись на ее быстрое окончание. Турецкое командование решило сосредоточить на границе с Польшей армию в 400 тысяч человек, к которой ожидалось

присоединение армии польских конфедератов. Главный удар предполагалось нанести из района Хотина на Варшаву, а затем действовать двумя группами на Киев и Смоленск. Главной армии должны были содействовать 80-тысячная армия из Крыма, получившая задачу сковать русские войска, расположенные на Украине, и, наконец, отвлекающий удар предусматривалось нанести силами 50-тысячной армии через Северный Кавказ на Астрахань. В этих целях турецкое командование наметило высадить десант в районе Азова, который должен был действовать совместно с закубанскими татарами и горцами.

Турецкий план войны был достаточно обоснован. Турки могли поставить под ружье более солдат, чем любое государство Европы. Формально в случае войны каждый правоверный, способный носить оружие, должен был встать под знамена султана. Турецкий воин был храбр, вынослив, неприхотлив в походе.

Турция имела большой военный и транспортный флот и могла легко высадить десант в любой точке побережья Черного и Азовского морей. Турецкая армия и флот опирались на систему мощных крепостей на Днестре и Днепро-Бугском лимане. В Крыму турки имели крепости Керчь и Кафу (с 1783 г. Феодосия).

Традиционным театром военных действий между турками и русскими было Причерноморье, включая Дикую степь и территорию современной Румынии, а вторым фронтом был Кавказ. И на сей раз основная ударная сила русской 80-тысячной 1-й армии князя А.М. Голицына готовилась к походу на Дунай; 40-тысячная 2-я армия, дислоцированная в районе Елизаветграда (с 1954 г. Кировоград), должна была действовать в Причерноморье; Отдельный корпус генерала Медема предполагалось направить на Кавказ.

Однако Екатерина решила нанести Турции еще один удар – послать эскадру в Средиземное море. В 1768 г. этот план выглядел полнейшей авантюрой. Покойная Елизавета Петровна никак не могла взять в толк, почему в Англию нельзя проехать в коляске. Да и Мустафа III и его министры долго смеялись, когда французский посол предположил, что русские корабли могут оказаться в Средиземном море. Даже с точки зрения современной военной морской стратегии действия эскадры без операционных баз – полнейший бред. Войну 1768–1774 гг. Россия вела без союзников. Где будут базироваться и ремонтироваться русские корабли? Кто будет снабжать эскадру продовольствием? Где будут лечиться раненые и больные?

Екатерина не боялась риска, но никогда не пускалась в авантюры. На

что же она надеялась на сей раз? На пиратов!

Да, да! На пиратов и сухопутных разбойников. А кого коробят эти слова, пусть называют их повстанцами, борцами за свободу и т.п.

В июле 1762 г. в России произошел не очередной дворцовый переворот, а революция умов. К власти пришли люди с более высоким уровнем мышления.

Вступив на престол, Екатерина ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Как мы уже знаем, она всеми силами пыталась оттянуть войну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские суда – как военные, так и торговые – не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, едва-едва сидящая на троне, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат «Надежда Благополучия». Уже 4 июня 1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом^[16] с грузом железа, полотна, канатов и т.д. Тем не менее экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение – 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в Средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила «крышей». Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе «Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями, и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка

Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание балканских христиан и русская помощь им оружием – самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков – Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Порта Оттоманская по обыкновенной злобе ко Православной Церкви нашей, видя старания, употребляемая за веру и закон наш, который мы тщилися в Польше привести в утвержденныя трактатами древняго его преимущества, кои по временам насильно у него похищены были, дыша мщением, презрев все права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вероломству, разруша заключенный с нашею империею вечный мир, начала несправедливейшую, ибо безо всякой законной причины, противу нас войну, и тем убедила и нас ныне употребить дарованное нам от Бога оружие...

Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и грекам.

Что же происходило на самом деле на Балканах и в Греции, и достаточно ли было посланий Екатерины, чтобы запылал этот угол Оттоманской империи?

Довольно сложная ситуация сложилась к 1768 г. в Албании. К этому времени административная власть там фактически перешла в руки албанской знати и, подобно их имениям, переходила по наследству, вне зависимости от воли турок. Единой власти в Албании не было, ее делили несколько знатных родов.

Самым сильным рычагом турок были налоги. Их взимали исключительно с христиан, а мусульмане не платили их вовсе. Причем в большей части Албании финансовый налог взимался с целой деревни, то есть чем больше людей принимали ислам, тем большую сумму приходилось платить оставшимся христианам. Поэтому к XVIII веку около половины албанцев стали мусульманами, а оставшиеся христиане поровну делились на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православные христиане составляли большинство в Южной Албании.

Переход албанцев-христиан в мусульманство часто носил формальный характер. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей был дом, то первоначально лишь глава дома принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман втайне оставались христианами, наряду с новым мусульманским именем сохраняли прежнее христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане албанцы вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианские праздники. Были не редкостью смешанные браки.

Именно разделением албанского населения на мусульман и христиан можно объяснить тот факт, что одна часть албанцев храбро дралась на стороне турок, а другая, наоборот, сражалась с ними на суше и на море. Так, еще в октябре 1759 г. правители южной горной православной области Химары обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять на русскую службу один или два химарских полка, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий, «дабы в случае с Оттоманской Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами оттоманских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногорцев, производить и делать могли». По расчетам химариотов, в подобной «диверсии» могли бы участвовать до 20 тысяч их солдат.

Наибольшие надежды на помощь в войне с Турцией Екатерина и

братья Орловы возлагали на Грецию, томившуюся под турецким игом еще с XV века. Налоги, взимаемые турками, и поборы местных феодалов заставили население Греции трудиться буквально от зари до зари. При этом значительная часть продуктов сельского хозяйства шла на экспорт. Так, Македония и Фессалия экспортировали во второй половине XVIII века 40% производимого зерна и более 50% табака и хлопка. Не менее широко экспортировали из материковой Греции и с островов Архипелага вино и фрукты.

С начала XVIII века интенсивно развивалось греческое судоходство, центром которого стали три небольшие острова – Идра, Спеце и Псара. До середины XVII века эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Спецы существовали за счет рыболовства и торговли.

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили там, обзаводились домами, зачастую оставаясь навсегда. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и в других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII века стал город Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей в основном из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии.

В отличие от Албании, в Греции исламизация не приняла массового характера. Подавляющее большинство населения осталось православным. При этом во многих областях, особенно на малых островах, главными администраторами (правителями) были православные епископы.

Ненависть к туркам и бедность стали основными причинами развития повстанческого движения в Греции. Тут я не буду следовать традициям гоголевских дам, которые говорили про вонючий стакан, что он-де «дурно себя ведет», а буду называть кошку кошкой. Я лично не могу провести грань между греческими повстанцами и грабителями. И пусть греки не обижаются, такое было в свое время во всех странах Европы. Современные дамы сокрушаются, что «перевелись рыцари среди наших мужчин». Настоящий западноевропейский рыцарь считал своим законным правом грабить всех проезжих купцов или, по крайней мере, заниматься рэкетом.

Греки, бежавшие в горы, образовывали отряды клефтов. Естественно, что большинство клефтов по происхождению были крестьянами. В переводе с греческого клефт – вор, и нетрудно догадаться, что такое прозвище повстанцев исходило от турок и их клеветов. Командиры отрядов клефтов назывались капитанами. Основными базами отрядов клефтов служили Пинд, Олимп и горы Пелопоннеса.

Турки за более чем 300 лет владычества над Грецией так и не смогли взять под свой контроль ряд горных районов – Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит). В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые области Греции. Там сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Управляли этими областями капитаны.

Турецкие власти безуспешно боролись с клефтами. В конце концов они были вынуждены легализовать отдельные отряды клефтов, поручив им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у турок, стали называться арматолами (от итальянского *armato* – вооруженный). Грань между арматолами и просто клефтами оставалась весьма условной. Некоторые отряды арматолов, не поладив с турецкими властями, снова становились клефтами.

Но греческие повстанцы-разбойники действовали не только на суше. Если на материковой части Греции турецким властям худо-бедно удавалось контролировать большую часть территории, то на островах дело обстояло совсем иначе. Подавляющее большинство населения островов составляли православные. Лишь на нескольких островах, как, например, на Хиосе, жили мусульмане, да и там они не доминировали. На нескольких крупных островах турки построили крепости и содержали гарнизоны, но на большинстве островов османов не было.

Жители многих греческих островов еще в XVI веке начали промышлять пиратством. Как писал в 1785 г. Матвей Коковцев^[17] (к его книге мы еще вернемся): «Жители острова Индрос (Идра. – А.Ш.) по бесплодию своего острова склонны к разбоям».

В 1692 г., то есть за 76 лет до описываемых событий, английский офицер Робертс потерпел кораблекрушение у мыса Иос и был взят в плен греческими пиратами. Несколько лет он служил канониром на пиратских кораблях, а затем, вернувшись в Англию, написал воспоминания. Они вошли в «Собрание необычных путешествий, изданное капитаном Уильямом Хакке», четыре тома которых вышли в Лондоне в 1699 г.

Робертс писал, что греческие пираты зимовали обычно от середины декабря до первых дней марта на островах Эгейского моря, охотнее всего на Паросе, Антипаросе, Мелосе и Иосе. Затем они перебирались на обрывистый и изобилующий удобными и укромными бухтами остров Фурни, расположенный между Самосом и Икарией. На холме выставлялся часовой, он подавал сигнал маленьким флажком при появлении в море какого-нибудь паруса. Тогда пиратские суда выскакивали из узкого выхода из бухты на востоке острова Фурни и устремлялись к Самосу на перехват

купца.

Точно так же пираты действовали всю весну и первую половину лета у островов Некария, Гайдарокиси и Липса, с учетом их географических особенностей. В июле они, как правило, перебирались к Кипру, Родосу и Египту – поближе к Сирии – и там занимались ремонтом своих судов и сбытом награбленного.

Осень пираты снова проводили в засадах, а зимой разбредались по своим селеньям к женам и детишкам, с тем, чтобы весной начать все сначала. Любопытный штришок – все православные церкви острова Иос были построены на благочестивые пожертвования пиратов.

Лишь наиболее отчаянные парни выходили на промысел зимой в штормовое море. Но добыча в это время года была невелика, и пираты в основном грабили побережье. В «Описи государственных документов» Венеции сохранилось письмо губернатора Занте (так итальянцы называли греческий Закинф), датированное 1603 годом. В письме губернатор жаловался на пиратов, серьезно подорвавших венецианскую торговлю тем, что «они выходят в море даже в середине зимы и в самую бурную погоду благодаря маневренности своих кораблей и мастерству своих моряков».

Греческие пираты создали на островах Эгейского моря десятки больших и малых баз. Пираты, писал Робертс, «заполонили своими гребными лодками все уголки Киклад и Мореи и превращали в свою законную добычу любой корабль, не способный к защите, или входили ночью в селения и жилища на ближайшем побережье, забирая все, что они могли найти. Суда этого типа, называемые здесь траттами, кишели в каждой бухте; они длинные и узкие, наподобие каноэ; 10, 20 или даже 30 человек, каждый вооруженный мушкетом и пистолетом, гребли с большой быстротой, а когда ветер был благоприятным, использовали также маленькие мачты с латинскими парусами».

Восточный мыс острова Сапыендза высотой 217 метров с отходящей от него на полкилометра к северу отмелью глубиной не менее 10 метров долгое время назывался французами Наблюдательной Вышкой Пиратов. Здесь они завлекали к себе в засаду турецкие и европейские корабли, шедшие в Левант, но нередко завершавшие свой путь у Сапыендзы.

Союзниками греческих пиратов были мальтийские рыцари, которые с XV века вели почти непрерывную войну с османами на суше и на море. В XVI веке турки несколько раз высаживались на Мальте, но им ни разу так и не удалось взять главную твердыню рыцарей – крепость Ла-Валетту. Последний раз турки высадились на острове в 1615 г. и вновь потерпели неудачу. Постепенно борьба с турками переросла в откровенное пиратство,

причем рыцари открыто грабили не только мусульманские, но и христианские суда. Начиная со второй половины XVII века Мальта превратилась в один из крупнейших невольничьих рынков Средиземноморья. Риторический вопрос: как верхушка ордена смогла обеспечить себе сказочное богатство, располагая островом, длина которого всего 25 км? На какие шиши, пардон, строился мощный флот, возводились роскошные здания? Спору нет, мальтийские рыцари обладали поместьями за рубежом, шли пожертвования, но, увы, основной статьёй дохода рыцарей оставались пиратство и работорговля.

Мальтийские рыцари не видели в греческих пиратах конкурентов, а наоборот, давали приют их кораблям и командам. Мальта настолько прославилась пиратством, что французские моряки называли остров Иос (Кикладские острова), бывший пристанищем греческих пиратов, Маленькой Мальтой.

Как видим, во владениях Османской империи на берегах Адриатического, Ионического и Эгейского морей скопилось немало взрывчатого материала. Вопрос был лишь в том, удастся ли Екатерине поджечь его.

Глава 2.

Явление «обшивной» эскадры

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но и даже не способно будет оттянуть на себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда. Мы помним, что даже «Надежда Благополучия» не пошла далее Ливорно.

В состав эскадры вошли семь кораблей («Европа», «Святослав», «Святой Евстафий Плакида», «Три Иерарха», «Святой Иануарий», «Северный Орел» и «Три Святителя», из которых «Святослав» был 80-пушечный^[18], а остальные – 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка – «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота – «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку корпуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, что обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

Артиллерия эскадры была из 640 пушек. Помимо личного состава (3011 человек) на судах находились взятые сверх нормы десантные войска – 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастеровые для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

По совету адмирала Семена Ивановича Мордвинова и общему мнению Адмиралтейств-коллегии Екатерина предложила командование эскадрой Григорию Андреевичу Спиридову, тогда еще вице-адмиралу. Он непосредственно руководил подготовкой и комплектованием кораблей и несравненно лучше других военачальников знал достоинства и недостатки эскадры. К изумлению и недовольству императрицы, 56-летний Спиридов отказался от лестного назначения, ссылаясь на возраст и на болезни. Екатерина быстро смекнула, что дело тут не в болезнях, а в амбициях

адмирала. Видимо, тот не очень хотел попасть под начало 34-летнего Алексея Орлова. Екатерина традиционно схитрила – присвоила Спиридову звание полного адмирала и назвала его первым флагманом флота. В рескрипте, подписанном Екатериной и врученном Спиридову, говорилось: «...Провезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». Ни слова о подчинении эскадры Орлову не было в этом многозначщем документе. Спиридов поверил и согласился.

17 июля 1769 г. Екатерина посетила корабли, стоявшие на Кронштадтском рейде, вручила адмиралу орден, приказала выдать всем назначенным в экспедицию четырехмесячное жалованье «не в зачет» и потребовала немедленного выхода эскадры в плавание.

Делать было нечего, вечером следующего дня эскадра поставила паруса, вышла из Кронштадта и... стала у Красной Горки, откуда ее можно было увидеть из Кронштадта, но нельзя было увидеть из Петергофа в самую сильную подзорную трубу. И лишь 26 июля эскадра Спиридова по-настоящему ушла в плавание.

Между тем в Париже и Мадриде начали грозить не пустить русскую эскадру в Средиземное море.

Франция имела большой и сильный флот. Она не только могла не пропустить русской эскадры на Средиземное море, но и направить свои корабли на Балтику и Черное море, что привело бы к непредсказуемым для России последствиям.

Однако в Петербурге помнили пословицу: «Враг моего врага – мой друг». Столь же хорошо помнила ее и Англия, которая уже много столетий была непримиримым врагом Франции. Только в XVIII веке между этими странами прошли три тяжелые войны: 1702–1714 гг., 1744–1748 гг. и 1756–1763 гг. Тем не менее эти войны не только не разрешили кардинальные противоречия между противниками, но и усугубили их. Назревала новая война, началась она уже после окончания Русско-турецкой войны в 1778 г. и продолжалась до 1783 г.

В ходе первой Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769–1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Магон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

В Средиземном море руководство Мальтийского ордена, смертельно ненавидевшее турок, относилось благожелательно к России. Екатерина II отправила туда послом маркиза Кавалькабо. Речь шла даже о совместном участии русского и мальтийского флотов в войне с турками. Однако позже из-за бестактного поведения маркиза на Мальте орден так и не вступил в войну с османами, но русский флот мог свободно базироваться на острове.

Русская эскадра могла не менее свободно базироваться на «вольном порту» Ливорно, формально принадлежавшем герцогству Тосканскому.

Венецианская республика стремилась заключить союз с Россией, но крайне боялась турок.

Любопытна инструкция, данная Екатериной II русским адмиралам, как вести себя со средиземноморскими пиратами: «Что же касается до африканских в Средиземном море корсаров, выходящих из Туниса, Алжира и других мест, то хотя и считаются они в турецком подданстве, однако же тем не меньше оставляйте их на пути в покое, и если только они сами вам пакостей делать не станут, и если опять не случится вам застать их в нападении на какое-либо христианское судно, ибо тут, не разбирая нации, которой бы оно ни было, имеете вы их бить и христиан от плена освободать, дозволяя и в прочем всем христианским судам протекцию нашу, поколику они ею от вас на проходе пользоваться могут».

Между тем эскадра достигла Копенгагена. На этом коротком отрезке пути на эскадре заболело свыше 300 человек, из которых 54 умерли и были погребены в море.

Русский посланник в Копенгагене генерал Философов писал в Петербург: «По несчастью, наши мореплаватели в таком невежестве и в таком слабом порядке, что контр-адмирал весьма большие трудности в негодованиях, роптаниях и в беспрестанных ссылках от офицеров на регламент находит, а больше всего с огорчением видит, что желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится и что беспрестанно делаемые ему в том представления о неточности судов и тому подобном единственно из сего предмета происходят».

Вместо умерших и для устранения некомплекта команды в

Копенгагене на борт кораблей было принято до 800 датских моряков.

13 августа в гавань Копенгагена вошел новый 66-пушечный корабль «Ростислав», построенный на Соломбальской верфи в Архангельске и шедший к новому месту службы на Балтику. Своей властью Спиридов приказал его командиру капитану 1 ранга Л.Ф. Лупандину следовать вместе с эскадрой в Архипелаг вместо Кронштадта.

10 сентября эскадра Спиридова покинула Копенгаген. А в ночь на 16 сентября налетел на Скагекский риф в проливе Каттегат пинк «Лапоминк». Командир его капитан-лейтенант Е.С. Извеков пушечными выстрелами предупредил эскадру о катастрофе. Команда была спасена, но штормовая погода не позволила снять пинк с рифа.

Непогода, застигшая эскадру в Северном море, новые повреждения судов (особенно пинка «Венера» и бомбардирского корабля «Гром»), до 700 человек больных вынудили Спиридова укрыться 25 сентября на рейде рыбацкой гавани Гримсби у входа в английский порт Гуль. И тут не обошлось без аварии: корабль «Три Святителя» сильным ветром был снесен с места якорной стоянки на мель. В результате удара вышло из строя рулевое управление, и корабль был поставлен вместе с «Громом» и «Венерой» к гульским причалам на ремонт.

Спиридов не хотел рисковать кораблями и идти поздней осенью через Бискайский залив. Надо сказать, что его опасения были небезосновательны. Вспомним, какие тяжелые повреждения получил зимой 1929/1930 гг. линкор «Севастополь» при прохождении Бискайского залива. Но императрица все время подгоняла: «Вперед! Вперед!»

Приехавший из Лондона в Гуль русский посол граф Иван Григорьевич Чернышев осмотрел эскадру, о чем и донес императрице: «Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтоб оные лучше быть не могли. Ну да уже что же делать, быть так! Более всего неприятно мне было его видеть самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободрением его и хвалою всего того, что уже сделал, ибо поправить было невозможно, разговором с матросами и солдатами, объездом на все корабли, сколько можно, поправить старался. Унылость его произошла от встретившихся препон в плавании, которые то ускорить не позволяли, чему главная причина – великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек, с слабыми же и более 800, однако умирает благостию Божию мало, ибо со времени отправления на всей эскадре, состоящей более 5000, умерло с 40 человек. Все по большей части больны поносами и флюсфиберами, чему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа

состоит из рекрут, которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев как только соху покинули и не токмо к морю и к качке судна, но и к пище нимало привычки не сделали; 2) изнурены были при вооружении флота великими работами и употреблением малой предосторожности в мешании вышедших больных из госпиталя с здоровыми рекрутами, отчего последние все почти по очереди перехворали; 3) от излишнего экипажа великая теснота на кораблях. От стояния на якоре и от употребления зелени и свежего мяса оправляться уже начинают».

Екатерина послала Спиридову письмо, вежливое по форме, но похожее на резкий выговор по содержанию: «С крайнейшим прискорбием вижу я медленность, с которою вы идете с эскадрой, вам вверенною, и что вы в разных местах мешкаете Бог весть для чего, хотя весь успех вам вверенного дела и зависит от проворства исполнения. Слышу я, хотя вы о том ко мне и не пишете, что и больных у вас много: рассудите сами, не от мешкания ли вашего сие происходит? Когда вы в пути съедите всю провизию да половина людей помрет, тогда вся экспедиция ваша оборотится в стыд и бесславие ваше и мое, хотя я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не жалея для снабжения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху. Прошу вас для самого Бога, соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит... Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать, кроме вам определенного места».

Скрепя сердце, Спиридов 10 октября вывел эскадру из Гулля. Точнее, не эскадру, а ее меньшую часть – корабли «Евстафий» и «Северный Орел», фрегат «Надежда Благополучия» и бомбардирский корабль «Гром». Большая же часть эскадры не смогла покинуть порт.

Но это небольшое соединение распалось в шторм в Бискайском заливе. На корабле «Северный Орел» 23 октября открылась сильная течь, и он вернулся в Портсмут. Там он был отремонтирован и дождался 2-й Архипелагской экспедиции. Бомбардирский корабль «Гром» также вернулся в Портсмут – менять мачты. В итоге к Гибралтару 6 ноября 1769 г. пришел один «Евстафий».

Сборным пунктом судов «обшивной» эскадры в Средиземном море заранее был назначен рейд порта Магон на Менорке (Балеарские острова). 18 ноября Спиридов на «Св. Евстафий» прибыл в порт Магон. А 23 ноября в порт Магон на английской бригантине прибыл младший из братьев Орловых – Федор.

Федор Орлов нашел флагмана, «печалию объятото», – несколькими часами ранее скончался его сын генерал-адъютант Андрей Григорьевич Спиридов, шедший вместе с отцом на «Евстафий».

Прибытие Федора Орлова нанесло Спиридову второй тяжелый удар. Орлов вручил флагману инструкцию, где граф Алексей Орлов назначался главнокомандующим всеми русскими вооруженными силами (десантными войсками и флотом) на Средиземном море. Там же была приписка императрицы: «Графу Орлову, по долгой его тамо бытности и знанию, довольно известны быть должны тамошние обстоятельства и народы».

Думаю, пришло время объяснить, как братья Орловы оказались на Средиземном море. Еще летом 1768 г. Алексей и Федор Орловы, первый под именем Островского (по названию принадлежавшего ему села Остров), а второй – Богородского, отправились под предлогом поправки здоровья Алексея в путешествие по Европе, а затем к Средиземному морю. 15 августа 1768 г. братья прибыли в Карлсбад, где вели себя более чем разгульно, хотя, может быть, опохмелившись вином, посещали и Карлсбадскую водолечебницу.

Но вернемся к эскадре Спиридова. К середине декабря 1769 г. в порту Магон собралось семь русских судов – корабли «Св. Евстафий», «Три Иерарха», «Три Святителя», «Св. Иануарий»; фрегат «Надежда Благополучия»; пинки «Сатурн» и «Соломбала».

Корабль «Ростислав» 11 января 1770 г. у острова Менорис во время шторма потерял грот– и бизань-мачты и был отнесен к берегам Сардинии, там поставил «фальшивое» парусное вооружение, и под ним «Ростислав» кое-как 26 февраля пришел в Грецию.

Несмотря на все трудности, и Алексей Орлов, и сама Екатерина были настроены бодро и оптимистично. «Надеемся крепко, что дурноты все уже миновались и все теперь пойдет», – писал Орлов. И в ответах Екатерины выражалась та же уверенность, что «все пойдет». «Что же делать, – писала она, – впредь умнее будут. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

23 января 1770 г. Спиридов вывел пять судов из порта Магон (там остался лишь пинк «Сатурн», чтобы дожидаться выздоровления больных моряков, свезенных на берег). Наконец 17 февраля в 5 часов пополудни русские корабли прибыли в порт Вистулу у берегов Мореи – месту, назначенному инструкцией императрицы.

Глава 3.

Победы на море и поражения на суше

Алексей Орлов решил высадить первый десант в греческом порту Витулло (он же в разных документах – Витило или Витула) на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Св. Евстафий», «Св. Иануарий», «Три Святителя»; пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий». В Витулло уже стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витулло в ожидании прибытия флота. На судне имелось 20 пушек, и оно салютовало адмиральскому флагу по его приходе. Адмирал произвел капитана этого судна А.И. Поликути в лейтенанты, а судно, названное фрегат «Св. Николай», на другой день подняло русский флаг.

28 апреля к эскадре присоединился и отремонтированный в Генуе 66-пушечный корабль «Ростислав».

В трюмах каждого русского корабля находилось по одной разобранной малой галере (в некоторых документах они назывались полугалерами). 19 февраля части галер были свезены с кораблей на берег, а уже 23 февраля все три галеры были собраны, оконпачены и спущены на воду. Галера корабля «Св. Евстафий» названа «Касатка», и командиром ее назначен Кумман. Галера корабля «Св. Иануарий» названа «Ласточкой», и командиром ее назначен шкипер этого корабля Лукавич. Галера корабля «Три Святителя» названа «Жаворонком», а командиром назначен Николетти. На каждую галеру дано по 60 человек команды.

25 февраля прибыла греческая полакра под названием «Генрик-Каррон» под командой Александра Алексиано. Она была нанята в нашу службу и в тот же день подняла русский флаг. На ней установили 12 пушек.

Во время пребывания флота в порту Витулло несколько больших отрядов греков под командой русских офицеров были отправлены в разные части Мореи, чтобы овладеть городами и главнейшими укреплениями.

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой грека, поручика Псаро – одного сержанта и двенадцать русских солдат с

небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков, которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на город Миситру (древнюю Спарту).

27 февраля Барков подошел к Миситре, рядом с которой находился укрепленный лагерь с тремя тысячами турецких солдат. Подходя к лагерю турок, капитан Барков разделил свой легион на две части. Поручик Псаро с одной из этих частей, состоящей из 6 русских солдат и 500 майнотов, получил приказание сделать форсированный переход и, скрываясь высотами, обойти правый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, в то время как капитан Барков с остальной частью легиона будет медленно продвигаться вперед к фронту турецкого лагеря. Поручик Псаро совершил этот обход так быстро и удачно, что успел уже атаковать правый фланг неприятеля и его тыл, тогда как капитан Барков только еще готовился начать свое нападение с фронта. Это привело турок в такое замешательство, что они начали отступать на всех пунктах и наконец бросились в предместья Миситры. Спасаясь от преследователей, они заперлись в крепости, которая осталась, таким образом, в блокаде. В этом деле турки потеряли около 100 человек убитыми. Со стороны же русских было до 30 убитых и 11 раненых майнотов.

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. Они охотно согласились сложить оружие, отдать все имущество, обязались не служить более в эту войну против русских и только просили свободного пропуска из Мореи. 8 марта 3500 вооруженных турок (видимо, не только солдат, но и вооруженных жителей) вышли из ворот Миситры и сложили оружие.

Прочитую журнал капитана-командора С.К. Грейга^[19]: «Но только что обезоружение их было закончено, как майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с 12 русскими солдатами с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек. Наконец Баркову с большим трудом и опасностью удалось привести остальных турок в предместье и

расположить в греческих домах; он строго приказал им завалить двери и окна и для охранения их расставил на часы всю свою малочисленную дружину. Остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым. Капитану Баркову осталось тогда только одно средство, чтоб отвлечь их ярость, – предать им опустелый город на разграбление. Этим ему удалось спасти несчастных турок, которые иначе, наверно, были бы лишены жизни. Между тем как майноты грабили город, несчастные старались скрыться; но, к сожалению, и эта мера оказалась недействительною: отряды майнотов, предпочитавших мщение и кровь богатой добыче, бросились за бегущими турками и множество истребили их по дороге. Настоящее число убитых здесь турок неизвестно; но вообще из них спаслись весьма немногие. Число турок, со включением жен и детей, доходило до восьми тысяч.

Некоторого оправдания такого бесчеловечия со стороны греков можно искать в жестоком с ними обращении их утеснителей. Как бы то ни было, но это происшествие, гибельное для турок, было столь же неблагоприятно к пользе русских и имело следствием все те неудачи, которые они впоследствии испытали в Морее. Если бы капитуляция была соблюдена со всею точностью, то очень вероятно, что ни одно из остальных укреплений, занятых турками, не было бы сильно защищено, так как турки начинали уже оставлять Морюю и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Корон все еще держался; но нет сомнения, гарнизон его сопротивлялся русским не столько от желания удержать за собой эту крепость, как от страха пройти без оружия через край, наполненный сильными партиями неумолимых греков. Во всяком случае, с этого времени начались неудачи русских при Морее, несмотря на то, что сила их возросла впоследствии от прибытия остальной части флота».

Капитан Барков до 26 марта оставался в Миситре. Он старался усилить укрепления города, насколько это было возможно.

Считая город достаточно укрепленным, чтобы противостоять внезапному набегу неприятеля, он оставил в нем гарнизон из 500 греков и 26 марта с остальными силами легиона двинулся к неукрепленному городу Леонтари. Здесь, к большой радости Баркова, его ждал отряд русских солдат, посланный к нему в подкрепление графом Федором Орловым. Отряд состоял из одного поручика, сержанта и двадцати рядовых с двумя легкими орудиями, при одном сержанте, капрале и двадцати матросах. Греки со всех сторон стекались под русские знамена, так что за несколько дней легион капитана Баркова возрос до восьми тысяч человек.

Барков со своим войском двинулся к городу Трополица, где было около

шести тысяч вооруженных турок. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор Селим-паша сдался. Греки, ослепленные прежними удачами и увеличением своих сил, не рассчитывали встретить сопротивление и думали, что паша тотчас согласится на предложенные условия. Но паша не давал ответа.

Турки, узнав о страшной участи, постигшей гарнизон Миситры, когда он сложил оружие, решили умереть с оружием в руках и скорее защищаться до последнего, чем видеть истязание своих жен и детей. Город не был в состоянии выдержать блокады, и поэтому гарнизон, конный и пеший, вышел из городских ворот. При появлении турок греки решили, что они выходят с намерением сложить оружие, и в нетерпении точили ятаганы для возобновления резни. Из донесения капитана Баркова видно, что он был того же мнения и потому больше старался предотвратить повторение ужасной резни в Миситре, чем готовился отразить нападение неприятеля. Но действия турок скоро вывели его из этого заблуждения. Турки начали обход по равнине, чтобы избежать встречи с небольшим отрядом русских, находившимся впереди с двумя легкими орудиями, из которых Барков приказал стрелять при наступлении неприятеля. Со всей яростью отчаяния турки бросились во фланг грекам. Греки, испуганные таким неожиданным нападением, побросали оружие и пустились бежать, не пытаясь даже сопротивляться. Разъяренные турки резали их без пощады, и все, кто мог поднять ятаган или кинжал, бросились из городских ворот, чтобы принять участие в бою.

Капитан Барков, поручик Псаро и горсть русских солдат стояли посреди равнины, оставленные греками. Вскоре их со всех сторон окружили турки. Турки, хотя и воодушевленные победой, были, однако, удержаны твердостью и искусными действиями этого небольшого отряда и не осмеливались к нему приблизиться. Окружив русских, они открыли по ним со всех сторон из-за кустарника и больших камней сильный ружейный огонь. Русские держались на месте, пока не потеряли одного сержанта и десять рядовых убитыми и несколько – ранеными. Заметив, что куда бы они ни двинулись, турки немедленно отступали, они решились пробиться к тесному дефиле между гор, на той самой дороге, по которой они пришли. Русские вынуждены были бросить два полевых орудия. Из всего отряда только капитан Барков (получивший две тяжелые раны), поручик Псаро, один сержант и двое рядовых достигли тесного дефиле, к которому отступали и за которым турки уже их не преследовали. Поручик Псаро был послан в Миситру, чтобы удержать этот город, а капитана Баркова на лошади привезли в Каламату, а оттуда – на флот. Баркову удалось даже

спасти знамя, он приказал снять знамя с древка и опоясался им.

Так кончилась эта экспедиция Восточного легиона. Миситра была все же удержана майнотами до полного ухода русских из Мореи. Тогда майноты оставили этот город и возвратились в свои горы, увезя с собой все богатства этого района Греции, совершенно ими разграбленного.

Князь Ю.В. Долгоруков овладел всей Аркадией, но из-за поражений Баркова был отозван обратно на побережье и послан к крепости Наварин.

Порт Витулло имел опасную и неудобную гавань, открытую западным и юго-западным ветрам. Поэтому адмирал Спиридов решил захватить крепость и порт Корон. Берегом к Корону был отправлен большой отряд майнотов. 27 февраля русская эскадра покинула Витулло и на следующий день бросила якорь в четырех милях к северу от Корона.

1 марта десантный отряд и часть матросов были высажены на берег, и началась осада крепости. В ночь с 1 на 2 марта русские построили осадную батарею. В 2 часа дня три корабля подошли очень близко к восточной стороне крепости, легли в дрейф и открыли сильный огонь. Береговая батарея между тем обстреливала северную часть города. Гарнизон отвечал весьма исправным огнем как кораблям, так и осадной батарее. Это продолжалось до захода солнца, но без особого вреда той или другой стороне. Весь следующий день 3 марта флот держался под парусами по восточную сторону крепости, но вне досягаемости пушечного выстрела.

С 6 по 9 марта бушевал шторм. Полакра «Генрик-Каррон» была выброшена на берег и разбита. В конце концов русским так и не удалось овладеть крепостью Корон.

Князь Долгоруков, подойдя по суше к Наварину, убедился, что город хорошо укреплен, и известил адмирала Спиридова, что крепость без артиллерии и правильной осады взять невозможно. Поэтому адмирал 24 марта отправил к Наварину корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя» и фрегат «Св. Николай» с бригадиром артиллерии Ганнибалом^[20] для руководства осадой.

При входе в залив корабли были обстреляны из крепости Наварин. Открыв ответный огонь, русская эскадра прошла мимо крепости в глубь залива и стала на якорь вне радиуса действия турецких орудий. На берег был высажен десант и выгружены осадные орудия. Бригадир Ганнибал устроил на возвышении к востоку от города одну батарею из восьми 24-фунтовых пушек и двух однопудовых единорогов, а другую – из двух 24-фунтовых пушек – к западу от входа в залив, на высоте, которая командовала городом. Батареи открыли огонь, и восьмипушечная в короткое время пробила просторную брешь в восточном валу цитадели, а

двухпушечная нанесла значительный вред городу.

Губернатор Наварина не стал дожидаться штурма и сдал крепость. 10 апреля 1770 г. русские войска во главе с бригадиром Ганнибалом и капитаном Борисовым вступили в крепость. Трофеями русских стали 42 пушки, 3 мортиры и 800 пудов (13 тонн) пороха. Но главной добычей стала одна из самых удобных морских баз на Пелопоннесе. Ее гавань могла вместить любой флот. Глубины позволяли принимать суда с наибольшей осадкой, а узкий вход был защищен укреплениями с обеих сторон.

Екатерина в Петербурге четко представляла себе ситуацию на Средиземном море и давала в большинстве случаев верные стратегические директивы. Она писала Орлову: «Моя мысль есть, чтоб вы старались получить порт на острове или на твердой земле и, поколику возможно, удержать оный. Сказав вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча незнатно умножится, с малым числом не подвергнуть опасности, второй, что хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым мы много для переду предупели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во время мира, и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю. Если же дела ваши так обратятся, что вы в состоянии будете замыслить и более сего, то тогда и сей порт вам всегда служить может, не быв ни в каком случае вреден. На сие же едва не удобнее ли остров, нежели твердая земля, и то еще остров не самый большой; но, однако, порт на твердой земле будет же иметь и свои особые выгоды».

Екатерина II как могла торопила моряков к отправке подкреплений на Средиземное море. 9 октября 1769 г. из Кронштадта вышла 2-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. Первоначально в ее состав входили 66-пушечные корабли «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь», 32-пушечные фрегаты «Надежда» и «Африка», а также три транспорта.

Подобно 1-й эскадре 2-я эскадра также не смогла добраться до места без потерь. Так, совсем новый корабль «Тверь» (спущен в 1765 г.) 13 октября во время шторма на Балтике получил повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно. На следующий день у него сломались и упали в море фок-мачта и грот-мачта и треснула бизань. «Тверь» едва дошел до Ревеля. Корабль отремонтировали, но вскоре выяснилось, что он не в состоянии плавать даже в прибрежных водах Балтики, и в 1776 г. корабль был разобран в Кронштадте. Этот пример хорошо иллюстрирует качество кораблей, которые строились в начале

царствования Екатерины. Как уже говорилось, все корабли постройки до 1761 г. вообще по ветхости не могли идти в Средиземное море.

22 декабря 1769 г. эскадра Эльфинстона прибыла в Портсмут. Там флагманский корабль «Не тронь меня» был немедленно поставлен в док на ремонт.

В Англии эскадра Эльфинстона пополнилась кораблем «Святослав», который из-за повреждений покинул 1-ю эскадру и 27 декабря 1769 г. прибыл в Портсмут. В ходе ремонта на «Святославе» для улучшения мореходности был снят верхний дек, и он из 80-пушечного стал 72-пушечным. Пополнил ряды эскадры Эльфинстона и еще один неудачник из 1-й эскадры – «Северный Орел».

2 апреля 1770 г. эскадра Эльфинстона в составе кораблей «Не тронь меня», «Саратов», «Святослав», «Северный Орел», обоих фрегатов и транспортов вышла в море. Однако уже через 8 дней плавания на «Северном Орле» опять открылась сильная течь, и 16 апреля он вернулся в Портсмут. Стало ясно, что больше в море на «Северном Орле» выходить нельзя, и корабль был продан с торгов в Портсмуте, а вместо него посол Чернышев купил в Лондоне 40-пушечный английский фрегат и назвал его тем же именем. 29 августа 1770 г. экипаж старого «Северного Орла» перешел на фрегат «Северный Орел» и стал дожидаться подхода 3-й Архипелагской эскадры.

В начале мая 1770 г. Эльфинстон подошел к берегам Мореи и, не дождавшись указаний ни от Алексея Орлова, ни от Спиридова, высадил десантные войска в Колокифской бухте в порту Рупино и приказал им продвигаться к Миситре. Сам же Эльфинстон, услышав о близости турецкого флота, отправился отыскивать его и действительно 16 мая увидел турецкие корабли у острова Спеце. Не обращая внимания на то, что турецкий флот, состоявший из 10 кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов, был втрое сильнее его эскадры, честолюбивый Эльфинстон, не дождавшись соединения со Спиридовым, бросился на турок.

Турецкий адмирал, полагавший, что перед ним только авангард русского флота, за которым следуют главные силы, поспешил укрыться под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Эскадра Эльфинстона преследовала турецкие корабли и даже вошла в зону огня турецких береговых батарей. После трехчасовой перестрелки на больших дистанциях Эльфинстон отошел. Наши корабли получили незначительные повреждения, 10 человек было убито и ранено.

Продержавшись пять дней у входа в Навплийский залив и получив сведения, что эскадра Спиридова находится в Колокифской бухте,

Эльфинстон пошел навстречу адмиралу и соединился 22 мая с ним у острова Цериго.

После ухода эскадры Эльфинстона турецкий флот поспешил выйти из Навплийского залива, и наши соединенные эскадры настигли его уже у острова Бельпуло, где Эльфинстон со своих кораблей с предельной дистанции (2–3 версты) открыл по неприятелю огонь, который был малоэффективен из-за большого рассеивания ядер и слабого их действия. Преследуемые в продолжение двух дней турки наконец скрылись из виду между островами Зейя и Фермо, а наш флот зашел в залив Рафти, чтобы пополнить запасы пресной воды.

Между тем отряд Эльфинстона успел овладеть у Негропонта 4-пушечной неприятельской батареей. Действия Эльфинстона были чистой воды авантюрой. Используя несколько часов полного штиля, когда парусные корабли Эльфинстона были неподвижны, турки могли, применив для буксировки своих кораблей многочисленные гребные суда, окружить русских и полностью уничтожить. Только нерешительность турецкого командующего Хасан-бея спасла Эльфинстона.

Екатерина постоянно хитрила в кадровых вопросах. В результате и Спиридов, и Эльфинстон считали себя независимыми как друг от друга, так и от Алексея Орлова и обосновывали это данными им рескриптами императрицы.

У Орлова же тоже был рескрипт, но куда более весомый. В нем Екатерина приказывала всем, в том числе Спиридову и Эльфинстону, подчиняться приказам Орлова так, как если бы они исходили от самой императрицы. В подтверждение этого Орлов приказал поднять на корабле «Три Иерарха» кайзер-флаг.

Алексей Орлов был энергичен, хитер и жесток, но ему пристало быть скорее не военным, а администратором, поскольку он никогда не командовал ни дивизией на суше, ни ботом на море.

Орлов приказал прекратить осаду Корона. Но вместо того чтобы сосредоточить все силы у Наварина, к которому стягивались турецкие войска, Орлов решил брать крепость Модон. Однако в сражении под стенами Модона греческое ополчение при первом же натиске турок обратилось в паническое бегство. Немногочисленные русские десантники отступали организованно, но были вынуждены бросить всю артиллерию. Затем турки осадили Наварин. Орлов приказал взорвать укрепления Наварина, а войскам эвакуироваться на корабли.

11 июня все корабли русских сосредоточились у острова Милос. Командование флотом принял на себя Орлов, подняв кайзер-флаг на

корабле «Три Иерарха».

В донесении Екатерине Орлов причиной всех неудач выставил поведение греков. Екатерина поверила или, по крайней мере, сделала вид. Она утешала Орлова: «Хотя мы и видим теперь, что Морейская экспедиция не соответствовала своими следствиями мужественному от вас предпринятому ее отверстию по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

Глава 4.

Гибель османского флота

Вначале июня 1770 г. турки собрали в Архипелаге довольно мощный флот: шестнадцать кораблей (один 100-пушечный, один 96-пушечный, четыре 84-пушечных, два 74-пушечных, восемь 60-пушечных), две 50-пушечные каравеллы, шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек, галер, полугалер и других судов. На борту их находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий.

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произносили турки) за 2 месяца до этого, 26 апреля 1770 г. Ибрагим плохо разбирался в морском деле и был порядочным трусом. Фактическое руководство часто переходило в руки его заместителя – алжирца Гасана (Хасана) по прозвищу Джесайрлы, способного и храброго моряка.

Русская эскадра формально была значительно слабее, в ней насчитывалось девять кораблей, три фрегата, одно бомбардирское судно, три пинка, один пакетбот (второй пакетбот – «Летучий» – разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, 6500 человек и 608 орудий. Термин «зафрахтованные суда» употребляется в большинстве наших официальных военно-морских изданий. Но на самом деле это были корабли греческих пиратов, присоединившиеся к русской эскадре. Часть их была куплена в казну, но владелец, как правило, оставался капитаном, а экипаж состоял из «добровольцев» – греков. Подробнее о них мы поговорим позже.

Вечером 23 июня русская эскадра вошла в Хиосский пролив, где стоял на якорях турецкий флот. Увидев силы неприятеля, растерявшийся Орлов поехал на «Св. Евстафий» к Спиридову с традиционным русским вопросом – «что делать?». Адмирал предложил решительно атаковать противника тремя колоннами.

В первую колонну (авангардию под командованием Спиридова) вошли флагманский корабль «Св. Евстафий» (командир – капитан 1 ранга Круз), корабль «Европа» (командир – капитан 1 ранга Клокачев) и корабль «Три Святителя» (командир – капитан 1 ранга Зметевский). Около первой колонны должны были держаться фрегат «Св. Николай», бомбардирский корабль «Гром» и пакетбот «Почталион».

Во вторую колонну (кордебаталию под флагом главнокомандующего)

вошли корабли «Три Иерарха» (командир – капитан-бригадир Грейг, он же фактический командующий кордебаталией), «Св. Иануарий» (командир – капитан 1 ранга Борисов) и «Ростислав» (командир – капитан 1 ранга Лупандин).

В третью колонну (арьергардию под командованием Эльфинстона) вошли корабли «Не тронь меня» (команда – капитан 1 ранга Бешенцов), «Святослав» (командир – капитан 1 ранга Роксбург) и «Саратов» (командир – капитан 2 ранга Поливанов). С третьей колонной должны были держаться, «действуя по обстоятельствам», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Африка».

К рассвету 25 июня суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах.

В начале восьмого часа на мачтовых фалах «Трех Иерархов» взвился сигнал: «Гнать на неприятеля!»

За передовым кораблем «Европа» (капитан Клокачев) шел Спиридов на корабле «Св. Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии на дистанцию около кабельтова, привела к ветру на левый галс и открыла огонь. Но вскоре, по настоянию лоцмана, объявившего, что курс ведет на камни, Клокачев должен был поворотить на правый галс и выйти из линии. Тогда на «Св. Евстафии» сосредоточились выстрелы трех турецких кораблей, из которых самый большой и ближайший был корабль главнокомандующего «Реал-Мустафа».

Адмирал Спиридов был так рассержен, что не удержался и закричал командиру «Европы» Клокачеву: «Поздравляю вас матросом!» – то есть на глазах у всей эскадры обвинил его в трусости и грозил разжаловать. Фактически же капитан Клокачев далеко не был трусом и во время дальнейшего развития боя блестяще доказал это.

Место «Европы» было занято кораблями «Евстафий» и «Три Святителя». Последний скоро получил настолько серьезные повреждения парусов, что не мог держаться в строю и навалился на линию противника. Сразу же его место было занято кораблем «Иануарий», вслед за ним шел корабль «Три Иерарха».

В 12 ч. 30 мин. бой был в полном разгаре. Корабль «Три Святителя» под огнем противника благодаря самоотверженной работе личного состава исправил свои повреждения и снова вышел в линию четвертым кораблем. За ним вошел в строй «Ростислав», а затем «Европа». Находившиеся же в арьергарде три корабля Эльфинстона успели подойти только к концу сражения.

Ветер совсем стих. В центре сражения оказался «Св. Евстафий»,

подошедший к турецкому флагманскому кораблю на ружейный выстрел и все более и более сближавшийся с неприятелем. Спиридов с обнаженной шпагой ходил по юту. Поставленным тут же музыкантам приказано было «играть до последнего». Сражающиеся корабли медленно сближались. На «Св. Евстафии» перебитый такелаж и рангоут, поврежденные паруса и множество убитых и раненых не оставляли возможности отойти от противника, с которым перестреливались уже из ружей и пистолетов. Наконец корабли свалились в абордаже, и начался отчаянный рукопашный бой, во время которого загорелся турецкий корабль, и его грот-мачта, охваченная огнем, упала поперек «Св. Евстафия». Искры посыпались в открытую кюйт-камеру, и «Св. Евстафий», а вслед за ним и флагманский турецкий корабль взлетели на воздух.

Еще до взрыва адмирал Спиридов и граф Федор Орлов на шлюпке перебрались на корабль «Три Святителя». Это решение адмирала было, безусловно, правильным – командующий эскадрой не мог оставаться на аварийном корабле.

Из всего экипажа «Св. Евстафия» спаслось, кроме Круза, не более шестидесяти человек, погибло же около шестисот сорока.

Количество погибших турецких моряков осталось неизвестным. Противнику было не до спасения экипажа «Реал-Мустафы». Двойной взрыв и гибель флагманского корабля настолько деморализовали команды неприятельских судов, что флот перестал повиноваться Гассан-паше. В подчинении у турецкого флагмана оказался лишь 100-пушечный корабль «Капудан-паша» и две каравеллы, которые еще продолжали артиллерийскую дуэль с кораблями русского авангарда и кордебаталии, обстреливая преимущественно «Трех Святителей» и «Трех Иерархов». Остальные суда турецкого флота в беспорядке покинули боевую линию и, кто как мог, торопились уйти в Чесменскую бухту.

Стойкости у Гассан-паши хватило ненадолго. В половине второго последние корабли противника вышли из боя и укрылись в Чесменской бухте. (В античные времена Чесма именовалась Эфесом.)

За исключением «Св. Евстафия» потери наши были весьма незначительны. Больше других пострадал корабль «Три Святителя»: из-за перебитых брасов его снесло в середину турецкого флота, где в дыму кроме неприятельского огня он попал под выстрелы нашего флагманского корабля «Три Иерарха». Корабль «Три Святителя» получил несколько пробоин в корпусе, рангоут и такелаж его были перебиты ядрами, и потеря людей убитыми и ранеными достигала 30 человек, тогда как на остальных судах она не превышала двенадцати.

На следующий день (25 июня) корабли «Святослав» и «Три Иерарха», а также пакетбот «Почталион» вели перестрелку с турками у входа в бухту. Стрельба велась с больших дистанций и не причинила особого вреда ни одной из сторон.

Тем временем Алексей Орлов собрал военный совет, на котором было решено использовать против турок брандеры. В брандеры решили обратить четыре греческих корсарских судна. Снаряжение этих судов зажигательными веществами было поручено бригадиру Ганнибалу.

Командирами брандеров решено было назначить «охотников» (добровольцев) из артиллерийских офицеров. Среди таковых были отобраны капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенанты Ильин и Макензи, мичман Гагарин.

В тот же день, 25 июня, Орлов издал приказ, где было сказано: «Всем видимо расположение турецкого флота, который после вчерашнего сражения пришел здесь в Анатолии к своему городу Эфесу (по голландской карте Чесме), стоя у онога в бухте от нас на юго-восток в тесном и непорядочном стоянии, что некоторые корабли носами к нам на северо-запад, а 4 корабля к нам боками и на северо-восток прочие в тесноте к берегу как бы в куче. Всех же впереди мы считаем кораблей 14, фрегатов 2, пинков 6. Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению, а именно: приготовленные 4 брандерные судна... да корабли “Европа”, “Ростислав”, “Не тронь меня”, “Саратов”, фрегаты “Надежда” и “Африка”... около полуночи подойти к турецкому флоту и в таком расстоянии, чтобы выстрелы могли быть действительны не только с нижнего дека, но и с верхнего...»

Турецкий флот представлял собой идеальный объект для атаки брандерами. Дело в том, что ширина Чесменской бухты у входа около 750 м, а длина ее не превышает 800 м. Турецкий флот стоял скученно в глубине бухты, и если вспомнить, что длина корабля была около 50–58 м, то можно себе представить, как плотно стояли турецкие корабли по ширине бухты.

Воспользовавшись полнолунием, русские корабли начали атаку в полночь с 15 на 16 июня. Первые полчаса вела огонь одна «Европа», но к часу ночи огонь открыли все русские корабли.

Где-то в половине второго ночи выстрелом из мортиры был подожжен первый турецкий корабль. С.К. Грейг писал: «В это время каркас,

брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и по такелажу; грот-стенга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

В этот момент с «Ростислава» было запущено две ракеты – сигнал брандерам начинать атаку. Первым двинулся брандер капитан-лейтенанта Дугдэля. Но он не успел пройти и половину расстояния, разделявшего русские корабли и противника, как был перехвачен двумя турецкими галерами. Дугдэль приказал экипажу прыгать в лодку, шедшую на буксире за брандером, а сам поджег его. Брандер был мгновенно объят пламенем. Но турецкие галеры быстро отошли от него.

Вторым предпринял атаку брандер под командованием лейтенанта Мекензи. Ему удалось достичь первой линии неприятельских судов, но его из-за неудачного маневра прижало к борту уже горевшего турецкого корабля, на который попали пылавшие обломки рангоута соседнего судна. Команда брандера успела покинуть его и благополучно возвратиться к месту якорной стоянки судов объединенной эскадры.

Где-то в 1 ч. 35 мин. – 1 ч. 50 мин. ночи в атаку вышел третий брандер под командованием лейтенанта Ильина. Неудача, постигшая Дугдэля и Макензи, так подействовала на Грейга, что он не удержался и крикнул Ильину, когда тот вел свой брандер мимо «Ростислава»: «Ни под каким видом не зажигайте, пока не сцепитесь с неприятелем!» Лейтенант Ильин блистательно выполнил эту задачу: он подошел к головному турецкому кораблю борт о борт, схватился с ним, зажег брандер и, отъехав на шлюпке, еще остановился посмотреть, каково будет действие.

Справедливости ради следует сказать, что к началу атаки третьего брандера горела половина турецкого флота. Огонь с такелажа, рангоута и парусов корабля, подожженного «Громом», попал на соседние два корабля, а те, в свою очередь, распространили пожар далее.

Четвертый брандер мичмана Гагарина сцепился с горевшим турецким кораблем. Вскоре корабль, зажженный Ильиным, взорвался, разметав пылающие обломки на палубы стоявших рядом кораблей.

К трем часам ночи пожар на турецких кораблях сделался всеобщим. Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех кораблях, которые еще не загорелись. Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать, ужас, ошеломление и замешательство, овладевшие неприятелем: целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось». Огонь с

наших судов в это время по приказанию Грейга был прекращен.

В 4 часа Грейг, видя, что два наветренных турецких корабля, фланкировавшие линию турецких кораблей с севера, целы, отрядил присланные с эскадры гребные суда под командованием капитан-лейтенанта Ф.П.Булгакова для вывода их из бухты. Оба корабля уже были на буксирах шлюпок, но на один из них попали обломки взорвавшегося корабля, бывшего рядом. Этот корабль сам загорелся, был брошен и затем взорвался. Другой же корабль (60-пушечный «Родос») был выведен из бухты и доставлен победителям. Кроме того, гребные суда успели вывести пять больших турецких галер.

К утру у турок сторело четырнадцать кораблей, шесть фрегатов и до пятидесяти малых судов.

Потери русских были весьма малы: на корабле «Европа» было 3 убитых и 6 раненых, в корпусе 14 пробоин, из них 7 подводных; на корабле «Не тронь меня» 3 раненых; на корабле «Ростислав» не было ни убитых, ни раненых, но перебито несколько рангоутов, парусов, снастей, да одно 18-дюймовое каменное ядро пробило обшивку и застряло в ней. На других судах потерь и повреждений вообще не было.

Утром 27 июня Алексей Орлов отдал приказ собирать раненых турок для «перевязывания ран и подаяния возможной помощи». Большую часть пленных Орлов позже велел отпустить, лишь 86 знатных алжирцев были отправлены им на Мальту. В письме к великому магистру Пинто Орлов предложил обменять их на мальтийцев, захваченных ранее алжирскими пиратами. Пинто был столь обрадован, что предложил русскому послу маркизу Кавалькабо отремонтировать на Мальте русский корабль «Ростислав». Позже, уже летом 1772 г., на Мальте был отремонтирован сильно поврежденный корабль «Саратов».

Возвращение турецким властям пленных турецких моряков объясняется вовсе не «исключительно гуманным отношением к пленным» Алексея Орлова, как это хочет доказать Л.П. Полушкин в книге «Братья Орловы». Во-первых, пленных турок попросту было негде содержать, а учинить избиение пленных, как это сделал через 28 лет генерал Бонапарт у Яффы, граф не решился. Во-вторых, узнав о гибели своего флота, мусульмане города Смирна (ныне турецкий город Измир), расположенного в 70 верстах от Чесмы, устроили резню христиан. Русских там, естественно, не было, поэтому резали коренное население – греков, ведь до прихода турок Смирна была греческим городом, а также европейских купцов. Надо ли говорить, что убийство англичан и французов могло осложнить отношения этих держав с Россией. Орлов получил письмо от

европейских консулов в Смирне, где говорилось, что народ и войско в Смирне, приведенные в бешенство и отчаяние вестью о чесменском деле, бросились на греков и перебили их множество; два европейца были также убиты. Возмущение это навело ужас на всех европейцев; большая часть франков искала убежища на кораблях, остальные заперлись в своих домах, торговля прекратилась. «Эта грозная крайность, – писали далее консулы, – побудила нас уполномочить и послать к вашему сиятельству депутатов с изъяснением такого опаснейшего нашего состояния и с просьбою не обращать победоносное оружие ее императорского величества на этот торговый город, на который должно смотреть не как на неприятельское место, а скорее как на колонию, основанную разными нейтральными государствами; разрушать их торговлю и приносить их подданных в жертву великая российская императрица, конечно, не пожелает. Городовое управление ожидает освобождения и тех пленных, которые ваше сиятельство еще удержали у себя».

Граф ответил немедленно: «Как скоро я услышал о возмущении, приключившемся в Смирне, отложил намерение идти на оный город для сей одной причины, чтоб приближение нашего флота не распространило более еще распутства и беспорядков. Для сего я тотчас освободил янычар-агу со многими другими турками и поручил ему объявить правительству города вашего, чтоб как возможно скорее прекратить тамо своевольное убийство и особливо чтобы в безопасность привести ваши особы. Я также весьма рад был бы согласиться на все то, что вы от меня требуете, если б не препятствовали тому разные причины: могу ли я безо всякого с другой стороны договорного со мною согласия ответственать за то, на что неизвестные обстоятельства впредь меня побудят? Что же вы хотите меня уверить против принятых всеми понятий, что город Смирну должно почитать больше селением, основанным разными европейскими народами, нежели местом неприятельским, сие мне кажется непонятно. Сему вашему правилу последуя, должно бы мне и самый Царьград почитать таковым же, а по нем и все прочие приморские города, под владением турецким находящиеся, в которых есть несколько жительство народов европейских. Что касается торговли, будьте совершенно уверены: доколе флаг ее императорского величества будет в сих морях владычествовать, вы должны совершенно надеяться на защищение ее, чему вы уже ясно видели доказательства, лишь бы только в торговле сей ничего противного не было законам войны».

Екатерина была в восторге от Чесменской победы. Она писала графу П.А. Румянцеву: «Ничего знаменитее, кажется, в той стороне быть не

может. Дивен Бог в чудесах своих!» Граф Алексей Орлов получил орден Св. Георгия 1-й степени и титул Чесменского; адмирал Г.А. Спиридов – орден Св. Андрея Первозванного; капитан-бригадир С.К. Трейг – орден Св. Георгия 2-й степени и чин контр-адмирала.

Екатерина написала о победе Вольтеру, в письме говорилось: «Что касается до взятия Константинополя, то я не считаю его столь близким, однако в этом мире, говорят, не нужно отчаиваться ни в чем. Я начинаю верить, что это зависит более от Мустафы, чем от всякого другого... если он будет по-прежнему упорствовать, то непременно доведет свою империю до больших бед. Он забыл свою роль, он зачинщик».

Как обычно бывает: поражение становится сиротой, а победа имеет множество отцов. Лавры победы при Чесме наши историки не могут поделить до сих пор. Екатерина попыталась всему свету доказать, что главный герой Чесмы – брат ее фаворита и, скорей всего, тоже фаворит Алексей Орлов. Адмирал Эльфинстон приписывал все заслуги себе, поскольку Орлов действительно ничего не смыслил в морском деле. Аналогично высказывался и адмирал Самуил Карлович Грейг.

Наконец, князь Юрий Владимирович Долгоруков наводнил Россию мемуарами, где доказывал, что именно он убедил Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мы с Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» – любимая формула князя Долгорукова. И еще: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т.п. Долгоруков писал: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем “Ростиславом”». Дело дошло до того, что в «Военной энциклопедии» сказано, что Долгоруков «настоял, чтоб флот наш искал турецкий и атаковал его... Перед Чесменским боем Долгоруков принял командование кораблем “Ростислав” и, командуя им, содействовал уничтожению турецкого флота».

На самом деле Ю.В. Долгоруков никогда и рыбацкой лодкой не командовал, да и не мог этого делать. В 1749 г. девятнадцатилетний недоросль стал унтер-офицером (обычно у нас и в Европе дворяне шли служить с 12–15 лет). К моменту убийства Петра III он был капитаном. Далее Екатерина чуть ли не ежегодно производила его в чин, в 1762 г. Долгоруков стал полковником, а через 3 года – генерал-майором. Командовал же «Ростиславом» в 1769–1771 гг. В.Ф. Лупандин, который получил за Чесму Георгиевский крест.

Что же касается «флотоводца» Ю.В. Долгорукова, то он после Чесмы счел за лучшее отправиться в армию Румянцева на Дунай, где в следующем году получил чин генерал-поручика, а в 1774 г. стал генерал-аншефом.

В советское время, особенно после 1945 г., все лавры победителя достались адмиралу Спиридову. Екатерининские фавориты и иностранцы тогда не котировались. И вот уже в послеперестроечное время В.Д. Доценко в книге «Мифы и легенды Российского флота» утверждает, что главным героем Чесмы был С.К. Грейг.

По мнению же автора, подлинным командующим русским флотом был адмирал Спиридов. Другой вопрос, что он являлся исполнителем стратегических задач, поставленных Екатериной II и Алексеем Орловым.

В заключение стоит сказать несколько слов о судьбе трофейного корабля «Родос». Вместе с русской эскадрой он ушел из Чесменской бухты к острову Лемнос. Вместо того чтобы использовать ценный боевой корабль в Архипелаге, Орлов решил устроить комедию и отослать «Родос» в Петербург на потеху петербургской знати, да и показать трофей Европе.

Дурацкая затея кончилась печально. 22 октября 1770 г. «Родос» вышел из Аузы в Порт-Магон на Менорке. Но уже 31 октября в шторм у мыса Матапан на корабле открылась сильная течь. Его командир А.И. Круз решил пойти к берегу.

5 ноября корабль сел на камни в бухте Мезата. На берегу собралась толпа «вооруженных туземцев», которые пытались захватить «Родос». Круз отправил шлюпки к острову Цериго за помощью. Но она пришла лишь через 16 дней, а за это время на корабле «от изнурения» умерло 2 офицера и 19 матросов. На гребных судах экипажи переправили на остров Цериго, а «Родос» был сожжен, дабы не достался неприятелю.

Круз Адмиралтейств-коллегией был признан невиновным, но отказался более служить в Архипелаге и по прибытии в Россию получил отпуск на год с сохранением содержания.

В царских и советских военно-морских изданиях подробно расписывались поход «обшивной» эскадры в Средиземное море и Чесменское сражение, а затем ставилась точка. А что же делал русский флот в Архипелаге еще целых четыре года?

Об этом у нас было как-то не принято упоминать.

Глава 5.

Рождение пиратской губернии

Императрица всячески подталкивала Алексея Орлова к прорыву через Дарданеллы, но у нее не хватило решимости отдать четкий, не терпящий возражений приказ. А неустрашимый «орел» струсил. Нет, по природе он был очень храбрым человеком. Он не колеблясь рисковал головой в день переворота 28 июня 1762 г. и через 9 дней, 6 июля, в спальне Петра III в Ропшинском дворце. Но после Чесмы Алексей Орлов был в зените славы, а его брат Григорий делил ложе с императрицей. Прорыв в Мраморное море и бомбардировка Стамбула могли многое дать Екатерине II, но положение братьев не изменили бы. А вот поражение могло привести к падению обоих. Поэтому граф не знал, на что решиться – то ли идти на прорыв, то ли ограничиться близкой блокадой Дарданелл.

Еще 28 июня 1770 г., исправив повреждения, полученные в сражении, русские корабли покинули Чесменскую бухту. 1 июля отряд под командованием контр-адмирала Эльфинстона в составе кораблей «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатов «Надежда» и «Африка», пинка «Святой Павел» и трех транспортов пошел к Дарданеллам для установления блокады.

7 июля отряд адмирала Спиридова в составе кораблей «Европа», «Три Святителя», «Иануарий» и фрегата «Святой Николай» двинулись в крейсерство по Архипелагу.

Отряд контр-адмирала Елманова в составе фрегата «Надежда Благополучия», пинков «Венера», «Сатурн» и «Соломбала» стоял с июня по октябрь 1770 г. в Порт-Магоне. Там же был организован госпиталь для наших больных и раненых моряков.

Сам Алексей Орлов с кораблями «Три Иерарха» и «Ростислав», бомбардирским кораблем «Гром», фрегатами «Победа», «Слава» и «Парос», а также пакетботом «Почталион» 12 июля пошел к острову Лемнос. 14 июля отряд Орлова по пути осмотрел берега острова Самотраки и двинулся далее к Лемносу. На следующий день отряд Орлова подошел к острову Лемносу где уже стоял корабль «Три Святителя» из отряда адмирала Спиридова. Орлов хотел захватить остров Лемнос и в бухте Пелари устроить главную базу «Архипелажной» эскадры. Для этого в первую очередь следовало овладеть крепостью Пелари. У Орлова сил и так было более чем достаточно, но он тянул 5 дней, находясь вблизи Пелари и

дожидаясь подхода судов из отряда Спиридова. Наконец 19 июля подошли суда отряда Спиридова, за исключением корабля «Иануарий», пришедшего к Лемносу 23 июля.

20 июля русские высадили десант на Лемнос и осадили крепость Пелари.

Между тем контр-адмирал Эльфинстон с эскадрой, преследуя турецкие суда, 14 июля вошел в пролив, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона.

В результате Эльфинстону пришлось ограничиться блокадой Дарданелл: кораблем «Не тронь меня» – между Имбро и Румелией; кораблем «Саратов» и фрегатом «Африка» – между Тенедосом и Анатолией; кораблем «Святослав» и фрегатом «Надежда» – между Имбро и Тенедосом.

Блокада пролива была достаточно эффективна. 19 августа фрегат «Африка» отконвоировал к Лемносу целую флотилию захваченных торговых судов. 29 августа «Африка» вернулся к Дарданеллам.

Между тем на Лемносе осада крепости Пелари шла весьма удачно, и турки начали переговоры о капитуляции. 21 августа к острову пришел фрегат «Святой Павел», купленный накануне в Ливорно. Фрегат понравился командующему, и 27 августа Орлов перенес свой кайзер-флаг с корабля «Три Иерарха» на «Святой Павел».

Графу Орлову пришла в голову мысль вызвать к себе Эльфинстона, хотя можно было письменно снестись с адмиралом, занятым блокадой Дарданелл. А тот был тоже не прост, и 5 сентября отправился к командующему не на легком судне, которых у него хватало (ехать-то было всего 50 миль по спокойному теплему морю), а на самом сильном корабле «Святослав».

Утром 6 сентября «Святослав» сел на камни у юго-восточной оконечности Лемноса. На корабле открылась сильная течь. Эльфинстон приказал срубить все мачты и выбросить часть тяжестей за борт, но это не помогло снять «Святослав» с камней. На следующий день на помощь флагману подошли суда его эскадры: корабль «Не тронь меня», фрегат «Надежда» и пинк «Святой Павел». 9 сентября Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Не тронь меня», туда же начали свозить и команду

«Святослава».

По приказу Орлова к «Святославу» стянулась чуть ли не треть русской Архипелагской эскадры. Так, 12 сентября к «Святославу» подошли шесть греческих корсарских судов. 12–13 сентября от Дарданелл ушли последние остатки эскадры Эльфинстона – фрегат «Африка» и корабль «Саратов».

Теперь блокада Дарданелл была полностью снята. Этим не преминули воспользоваться турки. Алжирский адмирал Хасан набрал из религиозных фанатов Стамбула 4 тысячи головорезов, вооруженных лишь саблями и пистолетами. Их посадили в гребные суда и тайно высадили на Лемносе. Воинство Хасана незаметно подошло к позициям русских, осаждавших Пелари, и устроило резню. 26 сентября остатки русских войск были эвакуированы на суда. А на следующий день по приказу Орлова был сожжен стоявший на камнях «Святослав». Понятно, что в иной ситуации корабль можно было спасти. Алжирца же Хасана султан наградил чином капудан-паши.

Непосредственным виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он-де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса».

По приказу Орлова Эльфинстон был с первой же оказией отправлен в Россию, а корабли его эскадры включены в состав эскадры (отряда) Спиридова.

Ряд наших военно-морских теоретиков рассматривают попытку захвата Лемноса лишь как возможность получить базу для флота для «ближней блокады» Дарданелл. По моему же мнению, захват Лемноса был частью плана по прорыву русской эскадры в Дарданеллы. Те же теоретики считают, что при «ближней блокаде» Дарданелл, осуществленной кораблями, базировавшимися на Лемносе, можно было полностью парализовать снабжение Константинополя морским путем, заставить турок заключить мир и т.д. На мой же взгляд, создание военно-морской базы русского флота на острове Лемнос было бы опасно для русских. Остров довольно большой – 480 кв. км, наряду с греками там проживало и турецкое население, хотя преобладало греческое. До проливов было около 60 верст, но до ближайшего острова Имбро – всего 20. Турки могли в ночное время или при безветрии на гребных судах высадить большой десант на Лемнос, и русским пришлось бы плохо. Для ближней блокады Дарданелл нужен был сильный русский гарнизон не только на Лемносе, но

и на ближайших островах – Имбро, Самотраки и других. А достаточных сухопутных сил, как уже говорилось, у Орлова не было.

Итак, попытка прорыва русского флота в Проливы провалилась. Надвигалась зима – холода и шторма. О захвате какого-либо порта на материковой Греции нечего было и думать. Оставалось захватить какой-нибудь остров.

Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота – неизвестно. Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским островам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море.

15 октября 1770 г. эскадра графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха», «Ростислав», «Родос», бомбардирского корабля «Гром», фрегатов «Слава», «Победа» и «Святой Павел» прибыла к острову Парос.

24 ноября к Паросу пришли фрегат «Надежда Благополучия» и пинк «Сатурн». К 4 декабря там собрались почти все суда Архипелагской эскадры.

В течение нескольких месяцев конца 1770 г. и начала 1771 г. 27 населенных островов Эгейского моря были заняты русскими или добровольно перешли на их сторону, причем население островов обращалось к командованию эскадры с просьбой принять их в подданство Екатерине II. Фактически в Эгейском море вокруг Пароса образовалась губерния Российской империи.

Несколько слов стоит сказать о самом Паросе. В различные периоды истории его называли Пактия, Миноксо и Ирия. Площадь острова составляет 196 кв. км, длина побережья около 60 км, а максимальная длина острова около 25 км. Для сравнения, площадь Мальты 220 кв. км. На острове преобладают каменные породы, известняки, много мрамора, за что греки называли Парос Белым островом.

Парос имеет две большие бухты, удобные для стоянки кораблей. На северном берегу расположена бухта Ауза (Наусса). Ширина входа в нее 800 саженей (1707 м), длина бухты 2700 саженей (5762 м). На юго-восточной стороне острова три небольших островка образуют с Паросом большой рейд Порто-Трио. Интересно, что вода, пригодная для питья, была обнаружена русскими именно у этих двух бухт. В прочих местах острова вода «нечиста и нездорова». В Аузе русские сделали водохранилище и

провели водопровод.

На Кикладских островах, и в том числе на Паросе, постоянные поселения были уже в третьем тысячелетии до нашей эры. В истории есть даже термин «Кикладские идолы», то есть статуэтки XXIV–XV веков до н.э. Именно на Паросе критский царь Минос приносил жертвы харитам. В античные времена Парос был известен как родина Архилоха (VII в. до н.э.), основоположника ямбической поэзии.

В XIV–XVII веках Парос несколько раз переходил от византийцев к венецианцам и туркам. На юге острова до сих пор существуют остатки венецианской крепости Сунгон, разрушенной турками в XVII веке.

Подобно ряду других островов Архипелага, в XVII веке и в начале XVIII века Парос был пристанищем пиратов. Уже упомянутый Робертс писал, что только пираты знали секрет входа в бухту, прегражденную большим подводным рифом и старой затопленной насыпью. Между двумя соседними островами – Парос и Антипарос – пираты умудрились построить подводную стену с несколькими узкими проходами, также державшимися ими в строжайшей тайне.

К моменту захвата русскими на Паросе проживало 5 тысяч человек, в подавляющем большинстве православных греков. Они занимались хлебопашеством, виноградарством и овцеводством. Население острова влачило нищенское существование.

Турецких властей на острове не было, и греки радостно приветствовали наши корабли. Русские моряки использовали обе бухты острова – Аузу и Трио, где были оборудованы стоянки кораблей. Но столицей «губернии» стал город Ауза, построенный русскими на левом берегу одноименной бухты.

Первым делом бухта была укреплена, на ее левом берегу построили два редута с каменными брустверами на девять и восемь 30– и 24-фунтовых пушек. На островке у входа в бухту расположили 10-орудийную батарею. Была укреплена и бухта Трио.

На левом берегу бухты Ауза возвели здание Адмиралтейства. Да! Российского Адмиралтейства! Балтийский флот имел Адмиралтейство в Петербурге, на Черном море Адмиралтейства вообще не было, как не было и флота, а вот на Средиземном море возникло Адмиралтейство для нашего Архипелагского флота. В Аузу из Петербурга были выписаны десятки корабельных мастеров, включая знаменитого А.С. Касатонова, который позже стал главным инспектором кораблестроения. 3 июля 1772 г. адмирал Спиридов выдал Касатонову премию 50 червонцев с объявлением в приказе.

В Аузе не строили – да в этом и нужды не было, – но ремонтировали корабли всех рангов. Зато строили в большом числе малые парусные и разнообразные гребные суда.

Адмиралтейство было видно в море издалека благодаря высокой сигнальной мачте. Рядом с Адмиралтейством выстроились многочисленные флотские магазины (склады), а подальше располагались пороховые склады. Ну, и как у нас в России, первыми строились особняки из мрамора для местного начальства – контр-адмирала Борисова, бригадира Ганнибала и других.

Аузу заполнили различные административные здания, пекарни, прядильни, казармы матросов. Замечу, что сухопутные войска по каким-то объективным, а скорее субъективным соображениям дислоцировались вне города. Так, казармы Шлиссельбургского пехотного полка располагались на правом берегу бухты Ауза. Чуть дальше находились лагеря греков, славян и албанцев. В глубине острова располагался лагерь лейб-гвардии Преображенского полка.

Между тем на Средиземное море с Балтики прибыло пополнение. 15 июля 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра в составе новых 66-пушечных кораблей «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец», а также нового 54-пушечного корабля «Азия». Эскадра конвоировала зафрахтованные британские суда, которые везли в Архипелаг оружие и провиант. Кроме того, на борту этих судов было 523 гвардейца Преображенского полка и 2167 человек пехоты других полков. Командовал эскадрой контр-адмирал Иван Николаевич Арф, приглашенный Екатериной II в 1770 г. из королевского датского флота. Вместе с ним на корабли эскадры было принято несколько десятков датских офицеров и матросов.

В Англии к эскадре присоединился 40-пушечный фрегат «Северный Орел», купленный в Лондоне, с командой с проданного одноименного корабля.

Эскадра Арфа шла по проторенному 1-й Архипелагской эскадрой маршруту: Англия – Менорка.

19 октября эскадра контр-адмирала Арфа в составе кораблей «Всеволод», «Азия» и «Победоносец», фрегата «Северный Орел» и шестнадцати транспортов прибыла в Порт-Магон. Корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» и три транспорта остались зимовать в Порт-Магоне. А остальные суда эскадры Арфа 25 декабря прибыли в российскую военно-морскую базу Ауза.

С января 1771 г. русский флот начал пользоваться еще одной базой на острове Миконо (в настоящее время Миконос), расположенном примерно в

35 км к северо-востоку от Пароса. 16 января туда прибыл фрегат «Надежда Благополучия», а 21 января – корабли «Азия» и «Победоносец». С этого времени остров Миконо стал вторым по значению пунктом базирования русского флота в Архипелаге после Пароса.

Губерния из 27 островов должна была обеспечивать флот численностью до 50 вымпелов и несколько пехотных полков. Поэтому острова были обложены податью (10-процентным налогом) на хлеб, вино, строевой лес и т.д. Определенная доля налога взималась деньгами. Кроме того, часть этих товаров покупалась русскими властями, но установить пропорцию между оплачиваемыми товарами и собираемыми налогами автору не удалось.

Например, на острове Парос не было леса, поэтому строевой лес доставляли с островов Имбо и Тассо. Замечу, что Имбо находится всего в 17 милях от Дарданелл, и там располагалась передовая база русского флота. В Екатерининской бухте стояли корабли и суда, блокировавшие Дарданеллы. На Имбо жило 3 тысячи греков под управлением епископа, они-то и поставляли лес русским. Остров Тассо имеет 30 миль в окружности. На нем жило 4 тысячи православных греков, ими также управлял епископ.

Замечу, что и на других островах епископы, как православные, так и католики, охотно сотрудничали с русскими властями и исполняли как бы роль городничих в островной губернии. Так, например, на острове Наксия^[21] в 4 милях к востоку от Пароса, окружностью 60 миль, жило 6 тысяч греков, как православных, так и католиков, и у каждой общины был свой епископ. С Наксии русские власти получали хлеб, вино, дровяной лес и хлопчатобумажную ткань. Русские власти учредили на острове греческую гимназию, где учились не только наксийцы, но и жители других островов. Забегая вперед, скажу, что в 1775 г. при эвакуации «губернии» все учащиеся гимназии (с их согласия) были вывезены в Петербург. Многие из них позже заняли важные государственные посты в России и других странах.

Понятно, что «губерния» все же не могла обеспечить все нужды флота и сухопутных войск. Оружие, обмундирование и продовольствие везли морем из России и Англии, но это выходило крайне дорого. Все, что желали русские, охотно продавали мальтийцы и жители вольного города Ливорно, но и там цены кусались. Поэтому основным источником снабжения «губернии» стало корсарство.

Глава 6.

Флибустьеры Белого моря

С приходом 1-й Архипелагской эскадры к берегам Мореи в море вышли десятки греческих пиратских судов, которые начали нападать на турецкие суда. Собственно, как уже говорилось, ничего нового в этом не было. Средиземное море и до 1769 г. кишело пиратами всех национальностей – варварийскими^[22], мальтийскими и т.д. Замечу, что случаи полного уничтожения экипажа и пассажиров судна были часты, но в подавляющем большинстве случаев знатных пленников отдавали за выкуп. Притом условия торга были честными – личность посредника неприкосновенна, а с пленными хорошее обращение. Тех же, за кого выкуп явно не светил, включали в состав команд пиратских кораблей, отпускали на волю или продавали в рабство. Вообще в XVIII веке в Восточном Средиземноморье, которое турки называли Белым морем, пиратов считали достойными людьми, занимающимися полузаконным промыслом.

Кстати, о законности. Уже в XV–XVI веках монархи Западной Европы стали выдавать пиратам каперские свидетельства, которые позволяли им нападать на корабли неприятеля уже на законных основаниях. К середине XVIII века, согласно морским законам, капером считался корабль, который с разрешения правительства снаряжается для военных действий частным лицом и укомплектовывается вольнонаемной командой. Слово «капер» происходит от германского «сарег». У французов каперы назывались корсарам (corsaire), у англичан – приватирами (privateer). Любопытно, что в служебной переписке русские моряки и дипломаты во времена Екатерины Великой использовали все три термина – каперы, корсары и приватиры, подразумевая одно и то же. Я же, чтобы не путать читателя, буду называть их корсарам.

Суда корсаров, кроме трех перечисленных терминов, назывались крейсерскими. Крейсера в современном понимании этого слова в русском флоте появились 1 февраля 1892 г., когда по высочайшему повелению состоявшие в составе флота казематные фрегаты, корветы и клипера были переклассифицированы в крейсера, а башенные фрегаты – в броненосцы береговой обороны.

По законам XVIII века государство не только выдавало каперам патент на ведение боевых действий, но и брало с них залог для выплаты

компенсаций жертвам незаконных каперских действий. Екатерина II установила сумму залога в 20 тыс. рублей. Другой вопрос, что, видимо, его никто не платил, а матушка государыня просто соблюдала приличия. Да и откуда у нищих греков такие деньги?!

Формально корсары должны были соблюдать все обычаи морской войны и все захваченные суда (призы) доставлять в порты государства, выдавшего патент, где морской суд рассматривал правомерность захвата. Надо ли говорить, что подобные процедуры в XVIII веке выполнялись крайне редко, и даже не из-за злой воли корсаров, а просто из-за технической невозможности их реализации.

По морским законам пиратством считается «морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину, в корыстных целях и против чужой собственности». Военные суда всех стран были обязаны преследовать пиратские суда, а захваченных в плен пиратов судить вплоть до применения смертной казни.

Но законы законами, а не только корсары, но и военные суда в XVIII веке занимались форменным пиратством, действуя не по морским законам, а с точки зрения целесообразности, то бишь «по понятиям». Особенно этого и не скрывали. Так, в XVII веке британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод не действуют законы морской войны. Замечу, что «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали.

Общее число пиратских, или корсарских, судов, пусть каждый именуется по желанию, действовавших в 1770–1774 гг., было не менее 500. Все эти суда можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т.д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получала жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: «добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре».

Во вторую категорию входили каперские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими каперами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодически командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких

дел. Но опять же, при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часто нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко. Поэтому в истории остались названия лишь самых больших корсарских кораблей.

Рассмотрим судьбу нескольких «полурусских» фрегатов. Фрегат «Григорий» был куплен Россией в Архипелаге в конце 1770 г. Известны лишь его размеры: длина 33,9 м, ширина 8,7 м, осадка 5,1 м. Командиром первое время был неизвестный грек, а с 1771 г. по 1774 г. – русский, А.Б. Давыдов.

Фрегат «Парос» также был куплен в Архипелаге. Размерены его: длина 25,6 м, ширина 6,8 м, осадка 3,1 м. Вооружен 10 пушками. Командовал им в 1770 г. Н.С. Скуратов, а с 1771 г. Ф.Я. Мистров.

Фрегат «Победа» куплен в Архипелаге в 1770 г.; 16-пушечный. Командиром первоначально был грек, а с 1772 г. П. Козлятев.

Фрегат «Федор» куплен в Архипелаге в 1770 г., командир А.П. Муромцев. 17 октября 1771 г. при переходе от острова Тассо к острову Имбо на фрегате открылась сильная течь. «Федор» попытался выброситься на мель у острова Св. Евстратия, но затонул. Всему экипажу удалось спастись.

Кроме того, в Архипелаге в 1772 г. у частных владельцев были куплены фрегаты «Запасной» и «Помощный» (с 1771 г. до августа 1774 г. служил брандвахтой в порту Ауза). Национальный состав команд на обоих фрегатах неизвестен, но крайне маловероятно, что там были русские матросы, которых и так не хватало. Даже на 66-пушечных кораблях приходилось ставить матросами иностранцев.

На этом список «полурусских» судов кончается. Следующий фрегат, «Святой Николай», «в 1770 г. добровольно присоединился к 1-й Архипелагской эскадре». На самом же деле владелец судна грек А.И. Поликути привел в феврале 1770 г. свое судно на рейд Витуло, где стояла русская эскадра. Орлов формально купил судно, и оно стало числиться 26-пушечным фрегатом. Поликути получил чин лейтенанта русского флота, а его команда стала матросами русского флота. 21 февраля 1770 г. на «Св. Николае» был поднят Андреевский флаг.

Фрегат «Святой Павел» был куплен Россией в 1770 г. в Ливорно. Его размерения: длина 28,7 м, ширина 7,6 м, осадка 2,2 м. Вооружение: 22

пушки. Командиром стал грек Панаиоти Алексиано. На русскую службу он поступил еще в 1769 г. в Ливорно и участвовал в Чесменском сражении на корабле «Ростислав». В конце сражения Панаиоти был отправлен на шлюпке к турецкой галере, захватил ее и вывел из строя горящих кораблей. За это его произвели в лейтенанты русского флота и назначили командиром фрегата «Св. Павел».

Панаиоти Алексиано участвовал в осадах крепостей Цефало (1771 г.) и Яффа (1772 г.), крепостей на островах Карибода и Имбро (1774 г.). В 1771 г. Панаиоти сжег у острова Станчо стоявшее на мели турецкое судно. В следующем году в заливе Дамиетта у берегов Египта Панаиоти потопил два турецких фрегата и много мелких судов. В 1772 г. он у острова Родос захватил турецкие трекатру, полаку и фелюгу, а в том же году у Яффы еще две фелюги.

В 1776 г. Панаиоти Алексиано стал командиром 66-пушечного корабля «Святой Александр Невский» на Балтике. В 1783 г. он был произведен в капитаны 1 ранга и отправлен на Черное море. В 1787 г. участвовал в бою с турками в Днепровском лимане, командуя кораблем «Владимир». На этом корабле он и умер 8 июля 1787 г. уже в чине контрадмирала.

О фрегате «Слава» и его командире корсаре графе Марке Войновиче при желании можно написать целый роман. Начнем с того, что в графы Российской империи его никто не производил. Просто появился в 1770 г. то ли серб, то ли черногорец Марк (Марко) Иванович Войнович и заявил, что он граф. Матушка Екатерина разбираться не стала – крайне нужно было пушечное мясо, и, присвоив чин мичмана, определила его на 66-пушечный корабль «Святой Георгий Победоносец», отправлявшийся 30 июня 1770 г. из Ревеля в Архипелаг в составе эскадры контр-адмирала И.Н. Арфа.

В начале 1771 г. мичману Войновичу поручили командовать корсарской полакрой «Ауза». Замечу, что она и в списки судов Российского флота не входила. А в том же 1771 г. Войнович стал командиром 16-пушечного фрегата «Слава», купленного Россией в Архипелаге в 1770 г.

С 1771 г. по 1774 г. Войнович на «Славе» почти непрерывно крейсировал в море, нападая на крепости и захватывая турецкие суда. К этим его подвигам мы еще вернемся. Марк Войнович был произведен в майоры русской службы и награжден орденом Георгия 4-й степени. В 1776 г. фрегат «Слава» был продан в Ливорно, а Марк Войнович отправился в Россию. На Балтике в 1777 г. бывший пират Марк стал командовать гребным фрегатом «Св. Марк». Интересно, отсутствовало ли чувство юмора у командования Балтийского флота или, наоборот, не знало меры?

В 1780 г. капитан 2 ранга Марк Войнович направился на Каспий. Там

отряд из трех фрегатов, бомбардирского корабля и трех ботов направляется к южным берегам Каспийского моря и остается на зимовку в Астрбадском заливе. 15 декабря 1781 г. Войнович был захвачен в плен персидским ханом Ага-Магометом, но через две недели выкуплен за большую сумму. В 1782 г. Войнович с отрядом судов возвращается в Астрахань. В следующем году его производят в капитаны 1 ранга и отправляют на Черное море, где с 1785 г. он командует Севастопольской корабельной эскадрой.

В 1787 г. Екатерина произвела Войновича в контр-адмиралы. Но, увы, к этому времени лихой пират превратился в тучного и осторожного чиновника, каким мы его и видим в кинофильме «Адмирал Ушаков». Это он 3 июля 1788 г., впервые увидев турецкую эскадру, обращается с вопросом к бригадиру Федору Ушакову: «Батюшка, турки идут! Что делать?»

После боя Войнович получил «Георгия» 3-й степени, но Потемкин потребовал убрать «героя» к известной матери... Екатерина подумала, подумала и отправила Войновича в 1790 г. на Каспий – а вдруг его персы опять украдут?! Но и персам он оказался не нужен. В результате в 1791 г. императрица вовсе уволила его со службы.

После смерти Екатерины II Марк Иванович явился к Павлу и чем-то ему понравился. В 1796 г. император произвел его в вице-адмиралы, а через три года – в полные адмиралы. Заслуги же старого пирата в царствование незабвенного Павла Петровича история от нас утаила.

Еще одним адмиралом стал корсар Антон Павлович Алексиано^[23]. Он поступил на русскую службу в 1770 г. В 1772 г. мичман А. Алексиано назначается командиром купленного в Архипелаге 22-пушечного фрегата «Констанция» (длина 27,3 м, ширина 7,1 м, осадка 3,7 м). На нем А. Алексиано и плавал до конца войны. В ходе второй Русско-турецкой войны он командовал 40-пушечным фрегатом «Св. Иероним» на Черном море. В 1798 г. в ходе войны с Францией Алексиано командовал кораблем «Богоявление Господне» и участвовал в захвате островов Цериги, Занте и Корфу, а 29 октября того же года захватил 18-пушечную французскую шебеку. Скончался Антон Алексиано в Севастополе, находясь на службе в чине вице-адмирала.

Я не выбирал отдельных наиболее выдающихся корсаров, просто из четырех капитанов корсарских фрегатов, купленных в казну, три стали адмиралами русского флота. А зря такие чины у нас безродным иностранцам не давали.

Храбрые корсары, делавшие головокружительную карьеру в русском флоте, были не только греки. Вот, к примеру, некий «мальтийский кавалер»

граф Мазини^[24] в начале 1770 г. на собственные деньги плавал в Архипелаге. «За выдающиеся заслуги» 4 декабря 1772 г. Екатерина II пожаловала графа в контр-адмиралы «сверх комплекта». После войны контр-адмиралу Мазини было предложено отправиться в Кронштадт, но он заявил, что там для него слишком холодно. Императрица дала отставку Мазини с выплатой адмиральского жалованья пожизненно.

Греческие корсары, действовавшие в Архипелаге, делились с русским командованием не только добычей, но и захваченными кораблями. По просьбе Орлова самые большие и быстроходные турецкие суда доставлялись в Аузу, где их переделывали во фрегаты.

Таким образом в 1770–1772 гг. в строй русских эскадр были введены фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Минерва» и «Санторин». Правда, часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в составе эскадры только на бумаге. Те же «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузе во фрегаты в 1771 г., простояли там без дела более года, а затем в 1772 г. были разобраны на дрова. Зато другие активно действовали в Архипелаге, а потом еще лет десять плавали на Черном море.

Весьма любопытный приз вручили корсары Алексею Орлову осенью 1770 г. Лихие пираты захватили у самого малоазиатского берега турецкое судно, на борту которого оказалась семнадцатилетняя красавица-дочь того самого алжирского адмирала Гассана, с которым русские сражались при Чесме. Она плыла из города Масира в Константинополь.

Орлов, узнав о подарке корсаров, категорически запретил любопытным офицерам знакомиться с ней и даже сам не заходил в ее каюту. (Хотя, может, и заходил...) Во всяком случае, он отпустил девушку в Стамбул да еще подарил ей брильянтовый перстень. Гассан-бей не остался в долгу и послал графу великолепных арабских скакунов с богато украшенной упряжью.

Слухи о «галантности» Орлова дошли до императрицы, и та написала Алексею: «...услышала я, что у вас пропал перстень с Моим портретом в чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желая вам носить оный на здоровье. Потерян перстень, вы выиграли баталию и истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места».

Под «укрепленными местами» Екатерина явно подразумевала Дарданеллы, но Орлов давно решил, что сей орех ему не по зубам.

Глава 7.

Пиратские будни

19 мая 1772 г. Россия и Турция заключили перемирие, которое действовало в Архипелаге с 20 июля. В это время дипломаты попытались заключить мир, но условия сторон были явно несовместимы. Согласно условиям перемирия, турецкие военные корабли формально должны были оставаться в своих базах. Кроме того, турки в Архипелаге, то есть по берегам Эгейского моря, включая порты Малой Азии, были обязаны «судов не делать, а уже сделанные не спускать, спущенные же на воду не вооружать».

Алексей Орлов потребовал от командиров русских судов и корсаров пресечь снабжение Константинополя продовольствием как на турецких, так и на французских судах. Он приказал разослать по средиземноморским портам Европы свой манифест, в котором предостерегал нейтральные нации от доставки туркам провианта.

В подтверждение своих слов Орлов 18 октября 1772 г. отправил к Дарданеллам эскадру С.К. Грейга. В ее составе были корабли «Победа», «Три Святителя», «Всеволод»; фрегаты «Надежда», «Африка», «Победа», «Парос», «Григорий», «Констанция» и бомбардирский корабль «Молния».

Но глава Коллегии иностранных дел Никита Панин напугал Екатерину угрозой появления французского флота в Средиземноморье, в результате чего 20 августа 1772 г. Орлов получил рескрипт императрицы, где содержалось требование пропускать в турецкие порты нейтральные суда с провиантом. Орлову ничего не оставалось иного, как выполнить приказ императрицы.

Блокада русским флотом Дарданелл привела к большому росту цен на рынках Стамбула. Но голода там, увы, не было из-за подвоза провианта на французских судах и сухим путем с Балкан и Малой Азии, а также по Черному морю.

29 ноября 1772 г. Алексей Орлов писал графу Панину, что задержал шесть французских судов, которые везли пшеницу в Константинополь. На борту их найдены турецкие письма и контракты, по которым шкиперы договорились с турками о перевозке султанского хлеба с румелийского берега в столицу. Но из-за навязанных ему императрицей ограничений французов пришлось отпустить в Константинополь, ограничившись устным предупреждением.

Сейчас известно, что Франция не была готова к войне, и Екатерина допустила большую ошибку, пробив брешь в русской блокаде. Да и Орлов мог быть поумнее и не только не наказывать корсаров за захват французских судов, а наоборот, пообещать им смотреть на все сквозь пальцы.

22 октября 1772 г. четыре корсарских фрегата под Андреевским флагом в сопровождении русского бомбардирского корабля «Молния» внезапно напали на крепость Чесму на побережье Малой Азии. Был высажен десант в 530 человек. Но взять крепость не удалось, и ограничившийся разграблением окрестностей десант был принят на суда отряда.

Рассказ о кампании 1772 г. я завершу приключением уже известного нам лейтенанта Панайоти Алексиано. Ночью 9 сентября 1772 г. он на фрегате «Святой Павел» подошел к острову Станчио и высадил десант. Греки, воспользовавшись внезапностью, овладели небольшой турецкой крепостью Кеффано, где было взято 11 пушек. За это Екатерина II наградила Алексиано орденом Св. Георгия 4-й степени.

23 сентября 1772 г. Алексиано на «Св. Павле» захватил у острова Родос турецкий трекатр (небольшое торговое судно).

20 октября 1772 г. Орлов получил сведения, что перемирие с турками закончилось, но в Египте об этом не знали, так как с Константинополем не было связи по морю. И Алексиано на своем «Св. Павле» и с корсарской гребной фелюкой, которой командовал грек Паламида, отправляется «за зипунами» к устью Нила. Замечу, что оба судна на походе шли без флагов, спасибо хоть «веселый Роджер» не подняли. Как уже говорилось, фрегат «Св. Павел» – это торговое судно длиной 28,7 м и шириной 7,6 м. Орудийные порты были замаскированы. И фелюка тоже ничем не отличалась от сотен таких же фелюк, плававших в Восточном Средиземноморье. Таким образом, суда Алексиано, не вызвавшие никаких подозрений у египтян, спокойно вошли в гавань Дамиетты^[25]. И уже в порту корсары открыли огонь.

Остальное читатель может представить себе сам, вспомнив эпизоды из англо-американских фильмов, где пираты врываются в порты Карибского моря.

Я же процитирую приглаженное и чуть романтическое изложение событий из донесения Орлова Екатерине II: «Как скоро начал он (Алексиано. – А.Ш.) подходить ближе и поднял на фрегате и фелюке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного

небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано, пользуясь сим смятением, решился атаковать неприятеля в порте; почему, невзирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в середину двух больших судов, где, бросив якорь, тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обеих сторон жестокостью и отчаянием через 2 часа, а потом, увидя неприятель немалое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селим-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа перед полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамианскому порту судно и считая, что на оном помянутый бей находится, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустил флаг, отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порту суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне же найдено: Магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалуется султан сими знаками, булов 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия».

Обрадованный Орлов даже отказался от своей доли добычи, отдав ее Алексиано и его сподвижникам. Лишь знамена были отправлены в Италию, а оттуда – в Петербург.

После приключений в Дамииетте Алексиано вместе с полакой капитана Паламидо до конца октября корсарствовал у сирийских берегов.

Любопытно, что уже в советское время академик Е.В. Тарле поверил, а скорее сделал вид, что поверил Орлову. Он писал о Дамииетте: «Полная победа настоящего героя Алексиано и его матросов», «огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамииеттской победы Алексиано». Позднее наши историки с завидным упорством переписывали охотничьи рассказы академика.

Забавная история, хорошо характеризующая нравы как корсаров, так и местных турецких гарнизонов, произошла у берегов острова Кипр. У восточной оконечности Кипра находится маленький безлюдный остров Климес, где в свое время крестоносцы построили замок Кастро Россо (Красный замок). Замок находился на высоких утесах, и его защищал приличный турецкий гарнизон численностью 130 человек.

В 1772 г. славонец (увы, его имя история утаила), командир шебеки «Забияка», решил захватить Кастро Россо. Естественно, одна шебека сделать этого не могла. Тогда командир пошел на хитрость: захватил греческих рыбаков с Кипра и подробно допросил их о замке. Спросил и о глубинах, могут ли близко подойти к крепости бомбардирские и 66-пушечные корабли, и т.д. А в заключение пообещал повесить рыбаков, если они хоть слово скажут о своем пребывании на шебеке. Мол, шебека послана на разведку, а через три дня здесь будет весь флот с самим Орловым.

Как и следовало ожидать, греки, вернувшись, раззвонили по всей округе, что, мол, идет русский флот. В ту же ночь турецкий гарнизон на малых судах бежал, и не на Кипр, отделенный узким проливом в несколько километров, а аж в малоазиатский порт Караманию в 130 км. Причем все пушки и припасы были оставлены турками в целостности и сохранности.

Так команда «Забияки» без боя овладела Кастро Россо, и до конца войны остров Климес был базой греческих корсаров.

В первой половине 1774 г. русский флот крупных операций не производил, а корсары под Андреевским флагом баловались помаленьку. Документы на сей счет сохранились лишь обрывочные, и оценить ущерб, нанесенный корсарами, невозможно. По сему поводу есть лишь отдельные сообщения:

31 января 1774 г. шебека «Забияка» и галера «Унионе» отправились из Аузы к острову Цериго и захватили там какие-то мелкие суда.

12 марта на крейсерство к острову Имбро вышли фрегаты «Северный Орел», «Африка» и «Тино».

31 мая 1774 г. шебека «Забияка» имела бой с «корсарским судном» у берегов Кипра. После перестрелки противники разошлись в разные стороны. На «Забияке» убит один человек и ранено трое. Поскольку в документе не указана национальность «корсарского судна» (если бы это были турки, то уж написали бы обязательно), то это был конкурент-грек, оспаривавший у «Забияки» «зону влияния».

В ночь на 30 мая 1774 г. лейтенант Марк Войнович на фрегате «Слава» в сопровождении двух шебек и двух полугалер вошел в Хиосский пролив и высадил на азиатском берегу 130 греков-ипсариотов (уроженцев острова Псаро) под командованием капитана Варнача. Ипсариоты убили свыше 50 турок и захватили 4 пушки. Две медные и одну чугунную пушки греки доставили на борт фрегата, а одну большую чугунную пушку заклепали и сбросили в море. Затем отряд Войновича отправился крейсировать в Митиллинский пролив.

Несколько слов стоит сказать и о капитане Варначе. На самом деле его имя было Варвакис. Он был уроженцем острова Псаро и еще до войны промышлял пиратством, за что греки называли его капитаном. В 1770 г. Варвакис вместе со своей 20-пушечной полакрой присоединился к эскадре Алексея Орлова. Екатерина присвоила ему звание поручика, но все по-прежнему звали Варвакиса капитаном. После окончания войны Варвакис продолжал пиратствовать в Эгейском море. Туркам каким-то образом удалось его схватить и заключить в Семибашенный замок. Капитана ждала казнь, но его выручил русский посол в Стамбуле. Судно же Варвакиса прошло Проливы и прибыло в Еникале вместе с греками, желавшими переселиться в Россию.

По прибытии в Россию Варвакис был принят императрицей, от которой он получил тысячу червонцев и право беспошлинной торговли на 10 лет.

Но все это будет позже. А пока 13 июня 1774 г. лейтенант Алексиано Панаиоти на фрегате «Св. Павел» вместе с двумя полугалерами «Зижига» и «Лев» отправился на крейсерство к Дарданеллам. 26 июня Алексиано высадил 160 корсаров на небольшой остров Карыбада (Мекасти), находящийся в заливе Декария у румелийского берега. Навстречу корсарам выбежала толпа турок с одной пушкой. Но греки их рассеяли и захватили пушку.

Затем корсары осадили небольшую каменную крепость с пятью башнями. После небольшой перестрелки ее гарнизон капитулировал с условием, что туркам разрешат без оружия на лодках переправиться на руме-лийский берег. Корсары выполнили свои обещания, и начальник крепости Сардар Мустафа ага Каксарли с пятьюдесятью турками отправился к европейскому берегу. Греки перегрузили на «Св. Павел» взятые в крепости 15 пушек калибра от 3 до 14 фунтов, 4200 ядер, 40 бочек с порохом и иные припасы. На берегу корсары сожгли 4 фелюки, а в крепости – все дома обывателей и на том отбыли восвояси.

На фоне неудач русского флота на Станчо и в других местах это был

как-никак успех, и адмирал Елманов всем 257 корсарам, составлявшим команды «Св. Павла» и полугалер, приказал выдать по одному червонцу.

В июне 1774 г. отряд Марка Войновича подошел к острову Эмброу, где получил «контрибуцию» скотом, а сверх того хлеба на 4000 пиастров. Затем Войнович взял на острове Самодраки (Самотраки) 50 быков и 200 баранов.

Одновременно отряд капитан-лейтенанта Псасора на островах Шкат-Скапель и Полидром собрали «контрибуцию» хлебом и лесом для флота.

6 июля к острову Тассо за корабельным лесом прибыли корабль «Саратов», фрегат «Улисс», пинки «Венера» и «Сатурн», полака «Св. Екатерина» и ландра «Донец». Понятно, что столь внушительная эскадра нужна была не для борьбы с противником, благо на острове не было турок, и выход турецкого флота из Дарданелл не ожидался. Просто заготовка леса шла «хозяйственным способом», и нужны были матросы для использования в качестве рабочей силы.

25 июля к русской эскадре Елманова, стоявшей у острова Тассо, подошла турецкая полугалера с белым флагом. На ней прибыли майор Белич (серб на русской службе) с письмом от фельдмаршала Румянцева, в котором говорилось, что 10 июля был заключен мир с турками. Кампания в Архипелаге закончилась.

Глава 8.

Кючук-Кайнарджийский мир и участь пиратов

Кючук-Кайнарджийский мир был следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды находились в 250 км от Константинополя. Ресурсы Оттоманской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, в некоторых областях и не слышали о войне. Но и у России к лету 1774 г. были большие проблемы. Польские дела не были окончательно урегулированы, и никто не представлял, сколько сил и средств потребуют они от России. А главное, в России свирепствовала пугачевщина.

Советские историки в восстании Пугачева делали упор на классовую борьбу крестьянства и помещиков. Это, безусловно, правильно. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что, честно говоря, в России не было законной власти. Де-факто матушка Екатерина сделала для России не меньше, чем Петр Великий, и при этом обошлась без свирепого террора Петра. Но де-юре на престоле сидела немецкая принцесса, убившая своего мужа – законного русского императора Петра III. Это не могло не сказываться на поведении всех сословий русского общества – дворян, купцов, духовенства и крестьян. Недаром почти везде духовенство встречало Пугачева колокольным звоном. Дворянство, по понятным причинам, неохотно шло к Пугачеву, но с 1762 по 1774 год было несколько дворянских заговоров с целью свержения Екатерины. Другой вопрос, что императрица подавляла их без казней (за исключением Мировича). Она тихо отправляла заговорщиков кого на Камчатку, кого в фамильную деревню, а кому затыкала рот деньгами и поместьями. И так, у Екатерины было не меньше оснований мириться, чем у султана Абдул-Хамида.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула). Крымское ханство становилось полностью политически независимым.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бутом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии». Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

В секретный протокол был включен пункт о выплате Турцией России

контрибуции в 4,5 миллиона рублей. Этот пункт носил скорее престижный характер, а контрибуция была символической. Только за один 1771 год Россия потратила на войну 25 миллионов рублей. Между прочим, в 1773 г. посол Обресков требовал у турок контрибуцию в 40 миллионов рублей.

Понятно, что наиболее важным моментом во взаимоотношениях с Турцией была свобода торгового мореплавания и возможность держать военные суда в Черном и Средиземном морях.

В 11-й статье трактата о мире было записано: «Для выгоды и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковые другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся».

Русские купцы Англии и Франции, «в наибольшей дружбе с нею пребывающие»: «привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням, как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и константинопольские».

В договоре не было ни слова о праве России держать военный флот на Черном море. Но не было и запрета строить военные корабли. Вместе с тем текст договора давал определенные основания строить и держать их, хотя бы для конвоирования купеческих судов. Договор распространял на Россию права Франции и Англии, «и капитуляции (соглашения) сих двух наций и прочих, якобы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов Российских...»

Между тем эти «капитуляции» предусматривали легкое артиллерийское вооружение самих купеческих кораблей (4–6 пушек) и конвой военных судов среднего класса.

Этот пункт договора юридически давал право русским военным судам свободно плавать по всему Средиземному морю, плавать куда угодно, хоть к Константинополю, так как суда Англии и Франции имели такое право. Однако русские военные суда не могли пройти южным, Дарданелльским проливом и пристать у Константинополя.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров» и т.п.

Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставалось нестабильным, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (из-за мелководья большие суда не могли базироваться в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть к довоенной ситуации.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира принесло не облегчение, а тревогу и беспокойство русскому флоту в Архипелаге – всем, от вице-адмирала Елманова до простых матросов.

Подписавший договор фельдмаршал Румянцев хотя и считался великим полководцем, ничего не смыслил в морских делах и согласился с турецким требованием, чтобы русский флот ушел из Архипелага в течение трех месяцев, что было абсолютно нереально.

Начнем с того, что не менее 40% русских судов нуждались в ремонте. Ведь турки не разрешили русскому флоту идти на родину самым коротким путем – через Проливы в черноморские порты. По условиям мирного договора все военные суда должны были идти обратно на Балтику вокруг Европы. А такое плавание не сравнить с крейсерством в Эгейском море в 200–300 км от главной базы. Большинство судов подлежало ремонту, а многие вообще не могли идти.

Но это полбеда. Главное – надо было эвакуировать целую «губернию» с администрацией, Адмиралтейством, госпиталями и другими казенными учреждениями, сухопутные войска и т.д. Жители более двадцати греческих островов приняли русское подданство, на стороне России воевали многие тысячи греков, албанцев, славонцев и других народов. Как быть с ними? В первые два-три года войны Екатерина ставила перед дипломатами цель: добиться на мирных переговорах закрепления «губернии» за Россией. И это греки хорошо знали. А вот теперь их предали.

Русские власти попытались исправить ситуацию с союзниками различными полумерами. Во-первых, предоставили возможность желающим переселиться в Россию. Во-вторых, в статьях Кючук-Кайнарджийского мира содержалось обязательство султана не мстить союзникам русских из числа османских подданных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждения консульств в Османской империи. Почти все консульства были учреждены

в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконосе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Консульства были учреждены и на находившихся под венецианским господством островах – Корфу, Закинфе и Кефаллинии. Замечу, что больше Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Консульства должны были следить за выполнением турками своих обязательств и по мере возможности защищать греков. Об этом свидетельствует греческий писатель Адамантиос Корис, живший во Франции и вовсе не принадлежавший к числу поклонников Екатерины II. В 1803 г. он писал: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских».

В Россию греки, славонцы и албанцы ехали тремя путями: морским вокруг Европы в Петербург, сухопутным через Австрию и морским через Константинополь.

17 октября 1774 г. из порта Ауза на Балтику отправилась 1-я дивизия Архипелагского флота в составе кораблей «Св. Великомученик Исидор», «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Мироносец» и фрегата «Св. Павел». Командовал эскадрой контр-адмирал С.К. Грейг. «Св. Павел» более чем на год встал на ремонт в Ливорно, а остальные корабли пошли домой. К их плаванию мы вернемся позже.

12 декабря 1774 г. из Аузы ушла 2-я дивизия в составе кораблей «Ростислав», «Саратов», «Граф Орлов»; фрегатов «Помощный», «Запасной» и бомбардирского корабля «Страшный». Командовал дивизией контр-адмирал К.М. Базбаль. Он повел корабли мимо Ливорно – столь любимого места длительных стоянок, и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт.

13 марта 1775 г. из Аузы ушел одиночный фрегат «Надежда». Капитан М.Г. Кожухов благополучно привел его в Петербург 15 октября. Фрегаты же «Минерва» и «Григорий» ушли из Средиземного моря на Балтику в 1774 г., еще до окончания войны.

Ряд кораблей и судов можно было отремонтировать и послать в Россию, но на это требовалось время, лес и мастеровые, а последних в Аузе как раз и не хватало. А главное, хотя Елманов и растянул эвакуацию «губернии» на 10 месяцев вместо трех положенных, но все равно времени

на ремонт всех судов не хватило. В результате корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда Благополучия», «Накция» и «Делос», бомбардирский корабль «Гром» и ряд других судов были сданы на лом в порту Ауза.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия впервые получила возможность проводить свои торговые суда через Проливы. Этим и решил воспользоваться вице-адмирал Елманов и отправить ряд корсарских судов под торговым флагом (нынешним триколором) через Проливы на Черное море. Этим решалось сразу две проблемы: доставка на Черное море судов, которые можно было использовать в военных целях, и оперативная доставка на новое место жительства тысяч греков и албанцев.

С марта по май 1775 г. под торговым флагом России через Проливы прошли фрегаты «Архипелаг», «Тино», «Победа», «Св. Николай» и «Слава», полаки «Патмос», «Св. Екатерина», № 53 и № 55. Более мелкие суда с греками приходили в Константинополь под видом каботажных судов, что-то там продавали, что-то покупали, а затем шли в Черное море.

Фрегат «Слава» привез греков в Крым, а затем вернулся в Аузу, но из-за повреждений сделать второй рейс не смог и был в 1776 г. продан на лом в Ливорно.

Фрегат «Победа», везший греков в Балаклаву, разбился 5 сентября 1775 г. у входа в Балаклавскую бухту, но вся команда и пассажиры были спасены.

Интересно, что турки очень внимательно следили за судами, проходившими Проливы. Как видим, они пропустили все военные (корсарские) суда, обращенные в 1769–1772 гг. из греческих торговых кораблей, но категорически отказались даже впустить в Дарданеллы «Северный Орел» – фрегат, специально построенный для военных целей, и ему пришлось тащиться вокруг Европы.

Екатерина II «во внимание к приверженности греков и албанцев к России и оказанных услуг» указом от 28 марта 1775 г. на имя графа Орлова-Чесменского – инициатора принятия греков и албанцев на службу – повелела изыскать меры для поселения новых переселенцев, отведя им земли возле перешедших к России крепостей Керчи и Еникале.

Эти переселенцы получили большие льготы, и им разрешено было из своей среды составить войско, названное Албанским. Причем войско это было обязано служить лишь во время войны. Но в том же году, 5 августа, по предложению Потемкина Екатерина отменила это правило, поскольку переселенцы, большей частью греки, пожелали нести службу и в мирное время.

И императрица утвердила проект об учреждении особого Греческого пехотного полка со штатным составом в 1762 человека. Полк состоял из 12 рот, или экатонтархий, которым предполагалось дать исторические названия: Афинская, Спартанская, Фивская, Коринфская, Фессалийская, Македонская, Микенская, Сикионская, Ахайская, Ионическая, Эпирская и Кефалонийская.

Как уже говорилось, основанную русскими школу для греческих детей в начале 1775 г. перевезли в Петербург и поместили в организованную при Артиллерийском корпусе греческую гимназию (позже корпус). Всего прибыло 103 человека, из них 46 учеников и 57 родителей и учителей. 17 апреля 1775 г. был утвержден устав нового учебного заведения, названного Корпусом чужестранных единоверцев.

В учебный план были включены предметы, преподаваемые в Сухопутном кадетском корпусе: языки русский, французский, немецкий, итальянский, греческий и турецкий; арифметика, алгебра, геометрия, история, география, рисование; танцам обучали в младших классах. По окончании «общего учения» учащиеся должны были поступить в высшие классы. Одаренных учащихся или имевших склонность к морской, артиллерийской или инженерной службе предполагалось отправлять в морской и артиллерийский корпус.

После ухода русских столица «губернии» порт Ауза, да и весь остров Парос быстро пришли в первоначальное состояние. И русские, и греки постепенно забыли о происходивших там событиях, и уже в 1922 г. русские моряки из бизертской эскадры, оказавшись случайно на острове, не смогли обнаружить никаких следов пребывания там русских в 1770–1775 гг. Местный историк-краевед Фанориус Алимпрандис утверждает, что на месте братского кладбища русских, снесенного «довольно давно», ныне построен отель «Порто Парос». А у островка Аналипсис в бухте Наусса, где был русский госпиталь, лежит на грунте русский корабль.

С 1991 г. началось новое вторжение русских, точнее «новых русских» на остров Парос. Рекламы турфирм зазывают клиентов: «уютные бухты с золотым песком», «в многочисленных ресторанах можно отведать специальные блюда экзотико-франко-американской кухни (что это такое – трудно представить!). Любителям потанцевать также скучать не придется – здесь огромный выбор дискотек, работающих до утра». «Однако в Парос интересно приехать и с познавательной целью. Если вам захочется погулять по городу, посетите Цитадель – развалины венецианской крепости и осмотрите замечательный алтарь церкви Св. Константина, построенной на месте храма Деметры». Разумеется, о событиях 1770–1775 гг. в рекламных

проспектах для «новых русских» нет ни слова. Об этом все напрочь забыли.

Глава 9.

Тайна «крейсерских» судов

19 июля 1787 г. у Кинбурской косы турецкая эскадра без объявления войны атаковала фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Началась очередная Русско-турецкая война.

К началу войны русский флот на Черном море состоял из пяти кораблей, девятнадцати фрегатов, бомбардирского корабля и нескольких десятков мелких судов. Флот был разделен на две приблизительно равные части – Севастопольскую эскадру и Лиманскую флотилию. Кроме того, несколько малых судов стояло в Таганроге и Керчи. Севастопольская эскадра должна была защищать Крым, а Лиманская флотилия – Херсон.

Первую ощутимую потерю Севастопольская эскадра понесла еще до начала войны. 24 сентября 1786 г. 66-пушечный корабль «Александр», вышедший в свое первое плавание из Херсона в Севастополь, из-за навигационной ошибки налетел на камни у мыса Тарханкут и был разбит волнами. Всему экипажу удалось спастись.

Таким образом, к началу войны в составе Севастопольской эскадры оказалось всего три 66-пушечных корабля, четырнадцать фрегатов и бомбардирский корабль «Страшный» (вооружение: две 5-пудовые мортиры, две 3-пудовые гаубицы и десять 8-фунтовых пушек).

Фрегаты были разнотипными. В целом их можно разделить на три группы: новопостроенные (плоскодонные с малой осадкой), например, 40-пушечные «Кинбурн», «Берислав», «Фанагория»; ветераны, заложенные еще в прошлую войну, – «Никита Мученик», «Осторожный», «Крым», «Храбрый», «Поспешный» и другие. Из них большинство вообще не могли выйти в море, а использовались как плавбатареи в Севастополе. Третью группу составляли корабли, переделанные из купеческих и военных судов других классов.

31 августа 1787 г. Севастопольская эскадра под командованием контр-адмирала Марка Войновича вышла в море. Войнович был категорически против похода, но вынужден подчиниться безапелляционному приказу Потемкина: «Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем нам пропасть!»

Эскадра направилась к Варне, где, по имевшимся сведениям, находилась турецкая эскадра. 9 сентября у мыса Калиакрия эскадру встретил жестокий шторм, длившийся пять суток. Русские корабли были

весьма плохо построены. Так, через несколько часов после начала шторма флагманский корабль «Слава Екатерины» потерял все три мачты и бушприт. Детали набора корпуса выходили из своих гнезд, из раздавленных пазов обшивки бортов и настила палуб выпадала конопатка, и вода потоками лилась внутрь. Вода в трюме поднялась на три метра и, несмотря на пущенные в ход все помпы, ведра, ушаты, не убывала.

На корабле было поставлено «фальшивое вооружение» (парусное), и он едва дошел 21 сентября до Севастополя.

Корабль «Святой Павел», которым командовал Ф.Ф. Ушаков, потерял грот-мачту и бизань-мачту, и его штормом пронесло через все море от Болгарии до Абхазии. Благодаря энергичным действиям Ушакова корабль удалось спасти. Вода была откачана из трюмов. 21 сентября «Св. Павел» вошел в Севастополь с одной фок-мачтой.

Фрегат «Крым» (до 1783 г. «Десятый»), построенный еще в 1779 г., пропал без вести со всем экипажем.

Но больше всех не повезло 66-пушечному кораблю «Мария Магдалина». На нем были сломаны все мачты, бушприт и поврежден руль. Корабль занесло, а скорее всего, он сам вошел в пролив Босфор и стал подавать туркам сигналы о помощи. Вскоре подошли и турецкие лодки.

Турки взяли «Марию Магдалину» на буксир и провели по Босфору, вызвав ликование у мусульманского населения Стамбула. «Магдалина» была переименована в «Худа Верды», что означает «Данный Богом». Французскому корабельному мастеру Лероа приказано было в течение месяца отремонтировать и ввести в строй корабль.

Узнав о буре, разрушившей Севастопольскую эскадру, Потемкин впал в истерику. «Я стал несчастлив, – писал он Екатерине, – флот Севастопольский разбит... корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки!» Потемкин предлагал сдать Крым туркам, самому уйти в монастырь, а командование армией передать Румянцеву.

Следующий выход в море Севастопольской эскадры М.И. Войновича состоялся почти через год – 18 июня 1788 г. Читая официальную историю русского флота, можно предположить, что первые два года русские суда тихо стояли в Севастополе и Днепро-Бугском заливе, а турки безраздельно владели Черным морем. На самом же деле по всему морю рыскали какие-то быстроходные суда под Андреевскими флагами, а то и вообще без флага. Они топили и захватывали купеческие суда, грабили и жгли небольшие города и селения на анатолийском и румелийском берегах.

В самом начале войны в связи с численным превосходством турецкого флота над русским Потемкин поддержал идею создания корсарской

флотилии на Черном море. Но я уверен, и без него греки сами взялись бы за оружие. Они надеялись обрести независимость в этой войне, а также страшно желали пограбить. А когда патриотизм совпадает с личной выгодой, люди готовы идти через огонь, воду и медные трубы.

Откуда же греки брали корабли? Во-первых, какие-то греческие суда уже к 1787 г. осуществляли каботажные перевозки на Черном море, а еще больше пришло из... Оттоманской империи. Огромный город с населением в 1,5–2 миллиона человек, причем на 95% бездельников, требовал ежедневно сотни тонн продовольствия и различных товаров. Сухопутные дороги в Турции были очень плохи, и связь Стамбула с побережьями Болгарии, Малой Азии и Кавказа осуществлялась в нормальных условиях только морем.

В ходе войны 1787–1792 гг. турецкие власти несколько раз пытались закрыть Босфор для коммерческих судов. Но цены на стамбульских рынках немедленно летели вверх, и начинались бунты не только населения, но даже янычар. В результате через несколько недель Босфор вновь приходилось открывать. Тогда было решено на каждое греческое судно сажать в Стамбуле одного или нескольких, в зависимости от величины судна, благонамеренных турок в качестве надзирателей, дабы нечестивые не ушли бы к русским. Но греки, как только теряли из вида укрепления Босфора, топили своих «благонамеренных» надзирателей.

Вот характерный пример, случайно попавший в наши морские архивы. 10 апреля 1790 г. из Константинополя в Севастополь пришел небольшой греческий парусник – чектырма – с грузом фруктов, табака и турецкого мыла. Хозяин, он же и рейз (скипер), грек Яни Петро и команда из восьми греков изъявили желание служить корсарам. Все они были жителями острова Халки в Мраморном море. Стамбульским властям они сказали, что идут к черноморским берегам Анатолии торговать. К ним посадили благонамеренного турка для наблюдения, которого греки-де высадили, пройдя Босфор. (В чем я очень сомневаюсь!)

Севастопольские власти отправили греков в карантин, а товары и судно купили в казну. Судя по документу, желание их поступить в корсары было встречено благосклонно.

Из больших судов таким манером из Константинополя на Черноморский флот пришли «Св. Елена», «Св. Матвей», «Св. Николай», «Абельтаж», «Феникс», «Св. Андрей», «Принц Александр», «Панагия^[26] Апотумангана», «Св. Николай» (2-й) и «Красноселье». Все они стали «крейсерскими судами» и были куплены в казну. Исключение представлял «Св. Матвей». В казенных флотских документах суда эти называли

беломорскими. Дело в том, что греки и турки называли Эгейское море Белым.

По Черному морю рыскал пиратский корабль под командой матерого пирата Ламбро Качиони (под этим именем он вошел в историю, но по-гречески его имя звучит Ламброс Кацонис (1752–1805 гг.), одно название которого наводило ужас на капитанов торговых судов и обывателей приморских городов. На его борту славянской вязью было написано «Князь Потемкин-Таврический». «Потемкин» шел под Андреевским флагом, а Ламбро был не только пиратом, но и майором русской армии.

Еще в 1769 г. семнадцатилетний Ламбро Качиони вместе со своим старшим братом захватили торговое судно и начали пиратствовать в Архипелаге. Позже к нему присоединились еще два греческих судна. Среди пиратов Архипелага братья Качиони прославились отчаянной жестокостью. Поднимали ли они «черный Роджер»? Вряд ли, грекам не было свойственно англосаксонское бахвальство, и о них не пели худосочные интеллигентные девицы 1960-х – 1970-х годов: «Бьетса по ветру “веселый Роджер”, люди Флинта песенку поют...» Чаще всего Качиони шли в атаку вообще без флага, и лишь когда рядом появлялся венецианский или французский фрегат, на мачту лихо взлетал... Андреевский флаг! Капитаны фрегатов, непристойно выражаясь (для «макаронников» и «лягушатников», конечно), вынуждены были менять курс – с эскадрой Орлова шутки плохи!

Вскоре в морском бою с турками погиб старший Качиони, а пиратский «фрегат» был потерян. После этого Ламбро поступил в русский Егерский корпус и участвовал в ряде десантов русского флота. Однако кончил войну он лишь сержантом. В 1775 г. Ламбро переселяется в Керчь. В 1777–1778 гг. сержант Качиони отличился в подавлении татарских бунтов и получил офицерское звание. В 1781 г. поручик Качиони командирован в Персию под начальством графа Марка Войновича.

21 апреля 1785 г. указом Екатерины II Качиони был «пожалован в благородное российское дворянство и внесен во вторую часть Родословной книги Таврического дворянства». А в следующем году президент Военной коллегии князь Потемкин «за заслуги в Персидской экспедиции» произвел Качиони в чин капитана (армейского).

С началом войны Качиони сколотил отряд греков, который в ночь с 10 на 11 октября 1787 г. недалеко от Гаджибея на лодках захватил большое турецкое судно. Оно и было названо «Князь Потемкин-Таврический». Дюжина пушек, 60 лихих парней и отважный капитан Ламбро – чего еще надо? Славно порезвился «Потемкин» на Черном море!

Сразу после начала войны Потемкин оперативно раздает грекам

пушки и порох, а также флотские и армейские чины. Им даже платят жалованье, хотя и крайне нерегулярно. К 21 октября 1787 г. к бою было готово уже 21 крейсерское судно. В Херсоне и Петербурге долго думали, как окрестить пиратов. Корсары и каперы никогда у нас в списках судов или личного состава не числились, пиратами называть неприлично, поэтому был введен хитрый термин – «крейсерское судно», который позже здорово путал русских и советских историков.

Крейсерские суда на Черном море не только пиратствовали, они проводили разведку, конвоировали транспортные суда, а самое главное, они участвовали во всех крупных сражениях русского флота.

Знала матушка императрица о пиратах, то есть корсарах? Конечно, знала, о них неоднократно шла речь в переписке Екатерины с Потемкиным. 19 мая 1788 г. светлейший пишет государыне: «Греки крейсирующие весьма храбро и охотно поступают. Хорошо, коли бы наши морские подобились им, но их погубила наука, которую они больше употребляют на отговорки, нежели на действия».

Какая там у «крейсирующих греков» наука, регламент Госта и т.д. – нападай, стреляй, режь, жги и топи!

А вот письмо от 10 мая 1789 г.: «Матушка Всемиловейшая Государыня. Рапорт Войновича пришел ко мне с апельсинами. Я все целые посылаю Вам. Право, не съел ни одного». Ну и что, спросит читатель, посылает добропорядочный муж с юга жене в Петербург апельсины. Чего тут интересного?

А дело было так. Граф Войнович донес, что 19 корсарских судов объединились и напали на турецкий порт Констанцу. Под прикрытием огня с кораблей майор Чапано высадил на берег десант из 622 человек. Разбив турецкий отряд, он захватил возвышенность с двухпушечной батареей и проник в город, который немедленно поджег. Всего за четыре с половиной часа сожгли пять магазинов с пшеницей, «шесть мечетей, а также множество домов и пятнадцать мельниц».

На обратном пути 28 апреля греки захватили небольшое судно с экипажем в 8 человек. Оно шло из Стамбула с грузом апельсинов. И эти самые апельсины попали на стол ее величества.

В официальной реляции от 10 июня 1789 г. Потемкин отмечал: «Крейсеры наши плавают у Дуная и больше ста судов транспортных держат в реке. Столица турецкая от недостатка хлеба была бы в крайности, если бы французы не усердствовали им возить на своих судах (из Эгейского моря. – А.Ш.)... Турецкие транспорты не смеют казаться».

В письмах к императрице Потемкин выделяет грека Антона Глези. Он

командовал крейсерским судном «Панагия Дусено», вооруженным в 1787 г. в Таганроге. Длина судна 20,7 м, ширина 6,4 м, осадка 2,7 м. Вооружение: десять 4-фунтовых и четыре 3-фунтовые пушки. Экипаж 50 человек.

Уже 4 марта 1788 г. Потемкин послал особый рапорт о нем Екатерине. Выйдя из Севастополя, Глези произвел разведку неприятельских берегов, а под Гаджибеем захватил большое турецкое судно. К рапорту был приложен журнал плавания Глези, и светлейший просил «для лучшего сих корсаров к службе Вашего Императорского Величества поощрения» присвоить ему чин мичмана.

Екатерина отвечала: «Видно, что грек, который взял в Хаджибее судно, а тобою произведен мичманом, отревожил весь тот берег и до самого Очакова, что пальба их везде слышна была».

29 апреля 1788 г. Глези захватил еще два судна, и 10 мая Потемкин пишет Екатерине: «Мой мичман Глези уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему Володимирский крест для поощрения других». Екатерина наградила Антона Глези орденом Св. Владимира 4-й степени.

Следует заметить, что простые греки в подавляющем большинстве своем принципиально не хотели служить матросами на кораблях русского флота, а желали идти только на свои крейсерские суда. Так, 22 октября 1787 г. контр-адмирал Н.С. Мордвинов доносил рапортом черноморскому морскому правлению: «Присланные в эскадру мою на судне “Спиридон” 42 грека... из Таганрога определены были на суда, но отказались повиноваться и не хотели служить иначе, как на особливом судне. За таковое их послушание приказал я их высадить на ближайший берег... как не желаю иметь столь дерзких людей в команде моей».

Многие крейсерские суда, как та же «Панагия Дусено» Антона Глези, по распоряжению Потемкина были куплены в казну, то есть владелец получил деньги, а в остальном все оставалось по-старому. Другая часть крейсерских судов, включая знаменитый «Князь Потемкин-Таврический», выкуплена не была и формально в список судов русского флота не включалась. Хотя, повторяю, статус обеих категорий крейсерских судов был одинаков, и они носили Андреевские флаги – разумеется, когда их капитаны считали необходимым.

Как и в прошлые войны в Архипелаге, на Черном море в 1787–1792 гг. трудно оценить урон, нанесенный корсарами туркам, поскольку большинство захваченных судов не фиксировалось в официальных русских документах, а позже никто из наших морских историков не попытался это сделать. Поэтому волей-неволей рассказ о корсарах Черного моря носит фрагментарный характер.

1 мая 1788 г. три крейсерских судна – «Панагия Попан-ди» (командир Галаки Батиста), «Св. Параскева» (командир Дмитрий Кундури) и неизвестное судно, которым командовал грек Куц, – лежали в дрейфе в 15 верстах напротив Килийского гирла Дуная. В 3 часа дня с юга появились два турецких «купца», пробиравшихся в реку вдоль берега. Корсары устремились за ними, но наступивший штиль остановил крейсерские суда. Корсары спустили барказы, а турки, бросив свои суда, погребли на шлюпках к берегу. Корсары их преследовали, но были отбиты ружейным огнем с суши. Тогда корсары завладели призами (трофейными судами) и повели их на буксире к своим кораблям. Но турки не дремали – из Килийского гирла вышли две полугалеры и на веслах быстро догнали корсаров. Полугалеры были вооружены пушками, и поэтому корсары после короткого боя покинули призы и вернулись на свои корабли. Турки завладели своими судами и торжественно повели их к берегу.

Но тут счастье улыбнулось пиратам: подул ветер, и Галаки Батиста развернул «Панагию Попанди» и погнался за турками. Одна из полугалер с призом на буксире сумела войти в Дунай, но вторая попала под картечь Батисты. Турки на полугалере обрубали буксир и поспешили ретироваться. В итоге захваченное купеческое судно корсары привели в Севастополь.

Одновременно эскадра из пяти корсарских кораблей крейсировала у анатолийских берегов. 3 мая командир эскадры Георгий Ганале, пиратствовавший еще в Архипелаге в 1769–1775 гг., захватил турецкое судно, идущее из Константинополя в Трапезунд. Взяв в плен экипаж (11 человек) и наиболее ценный груз, он потопил приз.

В апреле–мае 1788 г. у румелийского берега (то есть берегов современных Болгарии и Румынии) гуляли два корсара: Иван Налимер на трофейном турецком судне (название установить не удалось) и Иван Мелиси на «Карло-Константине». Рано утром 5 мая они тихо подкрались к городку Мангалия в устье Дуная. Там на мелководье, у самого берега, стояло 9 небольших турецких судов. Решив захватить их, корсары спустили шлюпки и направились к берегу. Их курс пересек барказ с двумя десятками вооруженных турок. Турки приняли корсаров за своих соотечественников, о чем вскоре горько пожалели: огнем со шлюпок были перебиты все люди на барказе, кроме троих, взятых в плен. Увидев это, турецкие купцы поспешили выброситься на берег, но корсарам удалось перехватить одно судно с грузом пшеницы, а другое потопить. Толпа турок на берегу была рассеяна огнем со шлюпок. Возвращаясь в Севастополь, корсары встретились с двумя военными турецкими кораблями, но те уклонились от боя.

До сентября 1788 г. в Черном море пиратствовали только греки. В августе 1788 г. Потемкин назначает только что вернувшегося из Петербурга Д.Н. Сенявина своим генеральс-адъютантом и производит его в капитаны 2 ранга. Видимо, и был повод: 3 августа Сенявину исполнилось 25 лет. А в сентябре светлейший отправил своего любимца в крейсерство к анатолийским берегам.

Наши официальные историки: и царские (Ф.Ф. Веселаго и др.), и советские (А.Л. Шапиро и др.) – утверждают, что, мол, Сенявин должен был отвлечь часть турецкого флота, стоявшего у Очакова. Утверждение более чем наивное, и так десятки греческих корсаров рыскали по Черному морю, но турки так и не отвели свои основные силы. Да и вообще, как сии авторы представляют гонку 66-пушечного корабля за быстроходным крейсерским судном?

Сам Потемкин куда более логично объяснил императрице свое решение в письме от 29 сентября. Мол, «мой генеральс-адъютант Сенявин послан с корсарами ради перехвачения с войсками восьми судов транспортных». Теоретически это могло быть, а практически Гриша надул любимую Катю. Никаких войск, предполагаемых к переброске по морю, в Анатолии не было. Да и что турки, психи? Без конвоя направлять восемь войсковых транспортов по Черному морю, кишящему пиратами? А если бы и потребовалась такая перевозка, то уж турки нашли бы и соответствующий конвой из нескольких фрегатов, а то и кораблей. Кстати, на эту «клюкву» и купился В.Д. Овчинников, автор жития святого адмирала Ушакова.

Ларчик же открывался просто. Светлейшему нужно было очень много денег, а поход к берегам Анатолии мог принести большую прибыль. Кроме того, не грех и проверить, чем занимаются корсары в море и честно ли делят добычу с начальством.

16 сентября 1788 г. пять корсарских кораблей вышли из Севастополя и направились к турецким берегам. Формально ими командовал капитан 2 ранга Сенявин. Но как мог командовать 25-летний щеголь, ни разу не ходивший на бордаж, опытными капитанами – шкипером Г. Ганале, прапорщиком Марингопуло, шкипером А. Скандараки и мичманом Аркуловым? Шел Сенявин фактически свадебным генералом.

Три недели отряд крейсировал в районе Синоп – Керасу. 19 сентября у Синопа отряд Сенявина встретил пять турецких судов. Корсары устремились за самым крупным, но судно имело хороший ход и легко уходило от погони. Тем не менее его перехватили корабли капитана Ганале и прапорщика Марингопуло, взявши турка в два огня. Турки отчаянно

сопротивлялись, они отразили две попытки абордажа. Отстреливаясь, они стали отходить к Синопу, но наскочили на риф. Корсары набросились на добычу, но тут открыли огонь пушки береговой батареи. Корсарам пришлось отойти, оставив приз на камнях. Но из других кораблей один был захвачен прапорщиком Скандараки, остальные бежали под покровом наступившей темноты.

Затем отряд двинулся на восток к порту Бонне, где якобы стояли восемь военных судов. 20 сентября, на пути к Бонне, корсары захватили судно со смолой и пенькой. Приз сожгли, а его команде удалось бежать на шлюпках на берег. На следующий день заметили четыре мелексы^[27], послали к ним барказы, удалось захватить два судна. Груз оказался копеечным – пенька да сушеные фрукты. Мелексы вместе с грузом сожгли. 22 сентября отряд на подходе к Бонне сжег еще одну мелексу, в это время с берега открыла огонь турецкая пушка. Ее быстро сбили огнем судовых пушек, высадились на берег и уничтожили магазин (склад). При этом «много турок побито картечами», но военных транспортов в порту не оказалось. Это был первый случай русского десанта в глубине турецкой территории после казачьих походов XVII века.

Отряд двинулся вдоль берега на восток. На пути лежал порт Геренсида (нынешний Гиресун), его прикрывал с берега небольшой островок, а за ним на якорях стояли четыре турецких парусника. Корсары вошли в гавань и бросили якоря. С наступлением темноты, в 11 часов вечера, корсары спустили барказы и подошли к берегу. Но турки их заметили и открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь (в порту оказалась трехорудийная батарея). Высадить десант не удалось, и барказы вынуждены были вернуться к кораблям. Утром корабли подняли паруса и двинулись к батарее. Стали на якоря, завели шпринты^[28] и открыли огонь. Батарею вскоре уничтожили. Тогда снова спустили барказы и отправились к турецким судам, стоявшим на мелководье. Одно судно было удачно абордировано, на три других абордаж не удался, экипажам удалось отбиться. Тогда корсары обстреляли эти суда из пушек и потопили. Корсары перегрузили с захваченного судна провиант и 300 пудов пороху (около 5 тонн) на свои корабли, турецкое же судно сожгли. Корсары в этом сражении понесли потери – 9 человек убитыми и 13 человек ранеными. Генеральс-адъютант Сенявин поздравил отличившихся в этом бою командиров четырех судов его отряда – капитана (армейского) Ганале, мичмана Аркулова и прапорщиков Марингопуло и Николая Вальяно.

Весь этот день и ночь отряд провел у вражеского побережья, а 26

сентября вышел в море и взял курс на Севастополь. 29 сентября на рассвете отряд взял большое турецкое судно с ценным грузом – солью. Судно решили доставить в Севастополь, для чего послали на борт призовую партию в 12 человек. Но 3 октября во время сильного шторма турецкий корабль был сильно поврежден, и его пришлось затопить. Отряд Сенявина «привез довольно взятого богатства и шестого числа прибыл в Севастопольскую гавань благополучно».

Потемкин был очень рад возвращению Сенявина, а еще больше – добыче. 17 октября 1788 г. он писал Екатерине: «Мой Сенявин много навел страху на анатолийских берегах. Позвольте дать ему крест Георгиевский 4-й степени. У меня есть лишние».

Отношение официальных властей к корсарам, а также их нравы хорошо иллюстрирует письмо таврического губернатора к графу М.И. Войновичу от 30 января 1789 г. Губернатор сообщает Войновичу, назначенному 12 декабря 1788 г. командующим Черноморским флотом, о прошении секретаря таврической казенной палаты Якова Белухи, который был вместе с мичманом Лазарем Мариенгопуло владельцем двухмачтового корсарского судна «Св. Николай», которое «во славу России от повреждения штормом на море разбилось». Оказывается, что в этом случае «казна» возмещала владельцам стоимость погибшего корабля. Белуха просил, чтобы мичману Мариенгопуло выдали только половину причитающейся суммы. Видимо, он опасался, что предприимчивый грек, находясь в Севастополе, поспешит получить и присвоить себе все деньги. Губернатор разделял опасения своего подчиненного и просил Войновича не выплачивать мичману всей суммы.

14 марта 1790 г. командующим Севастопольским корабельным флотом вместо Войновича был назначен контр-адмирал Ушаков.

Первой самостоятельной операцией нового командующего стало крейсерство у берегов Анатолии. Потемкин задумал провести «диверсии» у турецких берегов, и 14 марта Ушакову был отписан еще один ордер, в котором говорилось: «По прибытии немедленном в Севастополь... с самыми лучшими крейсерскими судами в подкрепление трех кораблей – “Георгия”, “Андрея” и “Александра” да четырех фрегатов извольте выйти в море ради поиску. Крайне полезно было бы, если б удалось Вам схватить какие транспорты или же истребить где спущенные корабли у азиатских берегов. Я надеюсь, что Вы со всею ревностью исполните Вам порученное и заблаговременно возвратитесь в Севастополь для приуготовления всего флота в кампанию».

16 мая 1790 г. из Севастополя к анатолийскому побережью вышли

эскадра Ушакова в составе трех 50-пушечных кораблей, четырех фрегатов, 11 крейсерских судов и репетичного судна «Полоцк». На самом деле кораблями тут названы на страх басурманам и своим в утешение 46-пушечные фрегаты «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей» и «Александр Невский». Остальные фрегаты – «Иоанн Воинственник», «Св. Амвросий Медиоланский», «Св. Иероним» и «Преподобный Нестор» были 40-пушечными.

Для проведения десантных операций на борт фрегатов и крейсерских судов были взяты десантники из состава Севастопольского полка (618 солдат и офицеров) и части Балаклавского греческого полка (352 солдата и офицера под командованием подполковника Чапони).

Вечером 20 мая с русских кораблей увидели берега Анатолии. Ушаков разделил корсарские суда на три отряда и послал их вперед. В полдень следующего дня Ушаков, шедший на корабле «Александр Невский», подошел к Синопу и увидел, что вблизи гавани корсарские суда захватили три купеческих судна: один кирлангич и две шайки. С крейсерских судов спустили барказы (на носу каждого была пушка), которые грабили побережье.

На рассвете следующего дня эскадра Ушакова вошла в Синопскую бухту, в глубине которой стояли на якоре два фрегата, шхуна, кирлангич, полугалеры, три лансона и чектырма. На берегу на эллинге стоял строившийся корабль. Ушаков не рискнул атаковать сии корабли, находившиеся под защитой береговых батарей. Позже он оправдывался в рапорте Потемкину: «Я намерен был в самое то ж время их атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, а притом оказалось, должно, проходя батареи бухтою к судам, иттить немалое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек. Посему в предосторожность, дабы не случилось повреждения мачт, почел оную атаку бесполезной, ибо намерен искать впредь дел важнейших. Вместо ж того разными движениями эскадры и перепалкою с кораблей всем синопским жителям и судам, при оных находящимся, наносил беспрестанно великий страх и беспокойство».

Риторический вопрос, что можно считать наиважнейшим делом по сравнению с уничтожением всех фрегатов и строившегося на эллинге корабля?

Русские фрегаты два дня обстреливали город и вызвали тем сильные пожары. Крейсерские суда между тем обошли близлежащие районы, захватили восемь судов и потопили еще четыре. Почти все «купцы» были гружены пшеницей.

На судах корсары взяли 160 человек, в том числе русских пленных: одного унтер-офицера, 6 солдат, 5 казаков. Среди турок оказалась 41 женщина. В ходе захвата судов один корсар убит, один ранен.

Утром 24 мая корсары утопили еще два торговых судна. В тот же день эскадра Ушакова покинула Синопскую бухту и двинулась вдоль берега к порту Самсун. Впереди по традиции шли корсарские суда. В 6 часов вечера 24 мая они заставили выброситься на берег два турецких судна. Корсары выкинули за борт купцов и перевезли наиболее ценные товары на свои суда.

В 11 часов утра с фрегатов Ушакова увидели порт и крепость Самсун. Между тем корсарские суда уже ворвались в гавань и вступили в бой с турецкими судами и береговыми батареями.

И тут в точности повторилась синопская история. Наш славный адмирал вновь хотел войти в бухту, но ему опять помешал ветер: «...За сделавшимся восточным крепким ветром, не останавливая тут, довольствовался одним нанесением страха и, не упуская способного ветра, обратил путь свой к Анапе, ибо узнал через пленных, что там есть один линейный корабль и одна шайтъя (малое турецкое парусное судно. – А.Ш.)».

Ну и ну! Корсарам ни ветер, ни береговые батареи в Синопе и Самсуне не мешали, а вот Ушакову...

28 мая Ушаков отправил в Севастополь шесть захваченных турецких судов в сопровождении крейсерских судов «Панагия Дусено», «Принцесса Елена», «Панагия Апотумангано» и «Панагия Попанди», а репетичное судно «Полоцк» было отправлено в Феодосию с рапортом Потемкину.

Поскольку добыча была большая, а главное, добыта лично адмиралом, то в архивах сохранился один из немногих, а может и единственный, документ, рассказывающий о том, какие суда захватили пираты и кто на них находился.

Сведения о призовых судах, захваченных крейсерами

Тип судна – Число мачт – Длина, м – Ширина, м – Осадка, м

Чектырма – 1 – 15,85 – 3,66 – 2,13

Чектырма – 1 – 15,44 – 3,35 – 2,03

Шайка – 2 – 21,03 – 5,64 – 2,44

Шайка – 2 – 24,31 – 8,43 – 3,66

Маруля – 2 – 27,64 – 6,7 – 3,96

Мелека 2 (1 большая, 1 малая) – 14,33 – 4,52 – 2,08

«За всем тем поймано и взято в плен турок 80, турчанок больших и малолетних 14, греков 51, армян 3, невольников, везомых для продажи в

Константинополь, черкезских разного возраста мальчиков, женщин тоже взрослых и малолетних девушек 27. Да везомых же из Анапы для продажи в Константинополь бывших в плену Российских разных полков унтер-офицеров 1, солдат 6, казаков 5 – всего 201 человек». Тут же Ушаков добавляет в отчете: «Из наших греков при сих перепалках убит матрос 1, тяжело ранен один да легкими ранами – 3». Из чего следует, что турецкие суда захватывали исключительно корсары. В том же отчете Ушаков рассказывает, что и в Самсуне, и в Синопе крейсерские суда входили на рейд и вели артиллерийскую дуэль с находившимися там турецкими судами и береговыми батареями, а корабли Ушакова во всех случаях довольствовались ролью наблюдателей.

В Севастополе было постановлено весь груз, взятый у греков, считать призом, «поскольку они есть турецкоподанные». Всю добычу разделили на четыре равные части: Потемкину, Ушакову, казне и корсарам.

Но вернемся к эскадре Ушакова. Из Самсуна он с семью фрегатами и оставшимися крейсерскими судами «Абельтаж», «Донай», «Карло-Константин», «Феникс», «Климент папа Римский» и «Красноселье» двинулся к Анапе для взаимодействия с корпусом генерал-поручика Ю.Б. Бибикова, осаждавшим город.

10 февраля 1790 г. корпус Бибикова перешел по льду реку Кубань и двинулся к Анапе. В составе корпуса было 7609 человек и 16 орудий. Провиант Бибиков взял только на две недели, понадеявшись закупить его у горцев. Но горцы начали партизанскую войну против Бибикова.

24 марта корпус подошел к крепости Анапа, гарнизон которой составляли 15 тысяч человек. Тем не менее Бибиков приказал идти на штурм, не обеспечив войска даже штурмовыми лестницами. Турки отбили атаку с большими потерями для русских.

Русские войска оказались без провизии. В корпусе было много больных, с тыла на русских нападали горцы. В такой ситуации 15 апреля Бибиков решил возвратиться. 4 мая на плотках через разлившуюся Кубань переправилось лишь 5407 человек.

Ушаков ничего не знал о злоключениях Бибикова. И только подойдя 29 мая близко к берегу, увидел, что русских у крепости нет.

На рейде Анапы адмирал узрел турецкие корабль, фрегат^[29], два гребных судна и пять «купцов». Турецкие суда отошли ближе к крепости. 31 мая в 2 часа дня фрегаты Ушакова стали подходить к Анапской крепости. В 6 часов из крепости пальнули ядром, но оно не долетело. Ушаков «для апробации» велел пальнуть бомбой из единорога и получил большой недолет. И тогда началась жестокая пальба, длившаяся часа три.

Ядра и бомбы с обеих сторон метко ложились в пучину Черного моря. Наивный читатель спросит, а зачем палить-то, ведь пристрелка показала, что достать до неприятеля невозможно. Так поэтому-то и палили, и без потерь обошлись, и реляцию начальству победную составили.

1 и 2 июня опять происходила жесточайшая канонада, и опять турки и русские фрегаты обошлись без потерь. Наконец в 6 часов вечера 2 июня Ушаков приказал идти в Севастополь.

При царе, при коммунистах и сейчас при демократах не прекращаются славословия в адрес Ушакова. Так, историк В.Д. Овчинников пишет: «Произведя по ним несколько залпов, контр-адмирал Ушаков прекратил огонь. Невозможность ближе подойти к неприятелю и отсутствие бомбардирских судов и брандеров в составе российской эскадры не позволили ей добиться желаемой цели – уничтожить неприятельские суда на анапском рейде. Первого июня Ушаков отошел от Анапы и 5 июня благополучно прибыл в Севастополь».^[30] Оказывается, уничтожить вражеские суда тремя 50-пушечными фрегатами нельзя. Нужны бомбардирские корабли, а что касается брандеров, то, видимо, автор не представляет, что это такое. За пару часов в брандеры можно было обратить взятые в плен купеческие суда или даже собственные крейсерские суда. А в принципе, в них и нужды не было.

Добавлю, что никакой гавани, никаких бухт в 1790 г. в Анапе не было, а был абсолютно открытый рейд.

Как уже говорилось, ни кораблей, ни фрегатов у турок не было, а мелкокалиберная артиллерия малых судов была неэффективна против русских фрегатов. Наконец, больших пушек в крепости Анапа тоже не имелось.

Почти через год по приказу Потемкина генерал Гудович подошел к Анапе, установил 32 пушки в трех батареях и после трехдневной бомбардировки взял крепость. Там было найдено 96 орудий, но если бы хоть часть из них имела калибр 24 и более фунтов, то Гудович, а тем более новоявленные составители житий раззвонили бы об этом на весь свет.

В аналогичной ситуации Нельсон в Абукире и Копенгагене, Нахимов в Синопе и другие решительные флотоводцы действовали одинаково – входили на рейд, расстреливали эскадру противника, а затем занимались береговыми батареями. Федор Федорович был, безусловно, талантливый адмирал, но, мягко выражаясь, чрезмерно осторожный. 5 июня 1790 г. Ушаков вернулся в Севастополь.

В ноябре 1790 г. гребная флотилия под командованием И.М. де Рибаса вошла в Дунай, а корабельный флот прикрывал ее с моря. В устье Дуная

флотилия бомбардировала и захватила Сулинское укрепление. Комендант укрепления Сент-Анту-Агу с сыном бежали в море на сакалее. Но там их заметили с корсарских судов «Св. Климент, папа Римский» и «Феникс», обстреляли из пушек и потопили. Коменданта с сыном и еще трех важных чиновников корсары вытащили из воды и взяли в плен. Затем корсары этих же судов захватили торговое судно, шедшее из Константинополя «с разными овощами», и привели его в Севастополь.

Кампания 1791 года, как и всегда, была начата крейсерскими судами. Два крейсерских судна: «Феникс» и «Климент папа Римский» провели в конце марта – начале апреля рейд вдоль анатолийской берега между Синопом и Босфором. Турки боялись корсаров, да и море было беспокойно. Поэтому добыча оказалась невелика – всего одна сакалея с грузом фруктов и холста. Экипаж ее состоял из девяти турок и шести греков. Еще два торговых судна выбросились на берег, и их экипажи разбежались, корсары взяли в плен лишь одного глубокого старца.

Еще одно крейсерское судно, «Панагия Дусено», было послано 22 марта на поиск турецкого судна, замеченного у крымского берега между Ялтой и Судаком. Однако турка обнаружить не удалось.

2 апреля 1791 г. из Севастополя вышли корсарские суда «Панагия Дусено» (командир лейтенант Глези), «Феникс» (лейтенант Бенардаки) и «Климент папа Римский» (поручик Ледино). Выйдя в открытое море, суда разошлись: «Панагия» обошла крымские берега с целью разведки, а два других судна пошли на Синоп, а оттуда к Константинополю. Они захватили торговое судно с экипажем в 15 человек, шедшее из Константинополя в Самсун. Еще два турецких «купца», пытаясь уйти от корсаров, бросились к берегу и разбились о рифы.

В письме Потемкина от 12 апреля 1791 г. Ушаков раскрывает статус корсарских судов, базирующихся в Севастополе: «За долг почитаю донести вашей светлости о основании содержания при Севастополе находящихся крейсерских судов. Все находящиеся здесь крейсерские суда состоят оценены, сколько которое стоит. Самая малая часть за оные денег выдана хозяевам, а другим и вовсе ничего не выдано, посему состоят они все под командою тех самых командиров, которые и хозяева оных судов считаются, содержат они матросов наймом от себя и своим кочтом нанимают».^[31]

Этим адмирал в очередной раз подтверждает, что крейсерские суда практически являются «частными лавочками», с той разницей, что на мачте не «вьется по ветру “веселый Роджер”», а «гордо полощется Андреевский флаг».

Глава 10.

Как русский флот, не покидая Балтики, оказался в Средиземном море

В 1788 г. Екатерина Великая решила вновь вернуться к плану двадцатилетней давности – подпалить османов с четырех концов.

На сей раз она готовила к походу в Средиземное море 18 кораблей, 6 фрегатов и 2 бомбардирских корабля.

Первый отряд Средиземноморской эскадры Грейга 5 июня 1788 г. вышел из Кронштадта и направился в Копенгаген. В его составе были три новых 100-пушечных корабля «Иоанн Креститель» («Чесма»), «Три Иерарха» и «Саратов», 32-пушечный фрегат «Надежда», а также несколько транспортов. Командовал отрядом вице-адмирал Виллима Петрович Фондезин (фон Дезин).

Но в это время шведский король Густав III объявил войну России, и новая «Архипелажная» эскадра вынуждена была остаться на Балтике.

Еще в марте 1788 г. Екатерина назначила командующим сухопутными силами на Средиземном море 53-летнего генерал-поручика Ивана Александровича Заборовского. У нее на эту должность был еще один кандидат – генерал-поручик Михельсон. Но императрица рассудила, что Михельсон – лютеранин, а грекам ближе будет православный генерал. К тому же у Михельсона подагра, да и в 1774 г. Заборовский ближе, чем другие генералы из армии Румянцева, подошел к Константинополю. К началу 1788 г. он был губернатором во Владимире и Костроме.

Заборовский, по прибытии на Средиземное море, должен был поступить в подчинение к адмиралу Грейгу, но из-за начала войны со шведами ему пришлось действовать самостоятельно.

Часть сухопутных войск на Средиземное море планировалось доставить из России с эскадрой Грейга и посуху через Австрию, а часть нанять на месте.

В инструкции Заборовскому, подписанной Екатериной 7 марта 1788 г., среди агентов, призванных заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, были названы майор грек Л. Сотири и подполковник албанец П. Бицилли. Оба они поступили на русскую службу во время предыдущей Русско-турецкой войны. В их задачу входило набрать для эскадры Грейга тысячу добровольцев из албанцев и греков. «Оба они, – говорилось в

инструкции, – сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля».

17 февраля 1788 г. Екатерина II подписала воззвание к грекам, где она обращалась к «преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель растерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество».

В частной беседе со своим секретарем А.В. Храповицким императрица заявила: «Греки могут составить Монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться; ибо лучше иметь в соседстве Христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части». Екатерина имела в виду, что из бывших владений в Европе предполагалось образовать два государства – Греческую империю и Дакию.

Летом 1788 г. Заборовский прибыл во Флоренцию и немедленно занялся вербовкой наемников. 1 июня 1789 г. Заборовский пишет Екатерине: «По приезде в Италию я послал обер-офицера на Мальту, а штаб-офицера в Тоскану, где [он] осмотрел набранных на службу 70 корсиканцев, и их отправили в Сиракузы, а бригадиру Мещерскому предписал воздержаться от их дальнейшего набора».

Чем Заборовскому не угодили корсиканцы, остается загадкой. Об этом факте и не стоило бы упоминать, если бы неприязнь нашего генерал-поручика не изменила историю человечества. В начале 1789 г. Заборовский получил прошение о приеме на русскую службу от младшего лейтенанта французской армии, служившего в Балансе. Звали лейтенанта Наполино Буона Парте. Двадцатилетнему корсиканскому сыну рассчитывали получить большие проценты от вложенного капитала.

Тут был тот редкий случай, когда инициатива шла как сверху, от государства в лице Потемкина, так и снизу. Главный комиссионер граф Н.С. Мордвинов был, как говорят, на ножах с Потемкиным, последний в 1789 г. выкинул графа в отставку с поста командующего гребной эскадрой Черноморского флота.

Это позже подтвердил и сам Мордвинов. В феврале 1798 г., то есть уже

при Павле I, он писал: «Ламбро был отправленный и поставленный нами корсар, а мы были хозяева, вооружители...»

В январе 1788 г. Качиони получил от Потемкина длительный отпуск и три патента для каперских судов, действующих под русским флагом. В феврале 1788 г. через Вену Ламбро добрался до Триеста, единственного австрийского порта на Средиземном море. Австрия была союзницей России и смотрела сквозь пальцы на деятельность русских корсаров в Триесте.

В Триесте Качиони покупает купеческое трехмачтовое судно с парусной фрегатской оснасткой, вооружает его 28 пушками и называет «Минерва Севера». Обратим внимание на знание политеса пиратом. На Черном море у него было крейсерское судно «Князь Потемкин-Таврический», а на Средиземном – «Минерва Севера», названное в честь Екатерины Великой. Минерва – римская богиня мудрости. Французские философы льстиво называли Минервой Севера Екатерину, а она отвечала деньгами и роскошными шубами. 28 февраля Качиони писал Потемкину, что на днях в Триесте побывал австрийский император Иосиф II. Он осмотрел стоявшие в порту суда и заявил, что у Качиони судно лучше всех. Далее Качиони сообщал, что «Минерва Севера» скоро отправится «крейсировать».

23 апреля 1788 г. Качиони, находясь на фрегате «Минерва Севера» у берегов Кефалонии, докладывал Потемкину, что в Архипелаге он взял на abordаж два турецких кирлангича, вооруженных один шестью, а другой двумя пушками. Качиони переделал их в корсарские суда, поставив на большом – 22 пушки, а на малом – 16, и отправился с ними крейсировать далее.

У берегов Кефалонии Ламбро встретил два греческих купеческих судна: одно с острова Индрос, а другое из Шко-дры. «Узнав о моих трудах, они (судовладельцы и команда. – А.Ш.) решили ходить со мной, и их вооружили оба по 16 пушек».

В Кефалонии русский консул Бигилла убедил местные власти продать Качиони оружие и продовольствие. Еще раз оценим политес Ламбро. Два призовых кирлангича он назвал: большой с 22 пушками – «Великий князь Константин» (командир грек Дмитрий Мустоки), а меньший с 16 пушками – «Великий князь Александр». Греческие же 16-пушечные судна были переименованы в «Князь Потемкин-Таврический» и «Граф Александр Безбородко». Под началом Ламберо суда, названные в честь матушки государыни, любимых внуков и двух сильнейших вельмож. Как он великолепно разбирался в ситуации в верхах!

3 мая 1788 г. Качиони доносил Потемкину, что 30 апреля, крейсируя на

«Минерве Севера» с тремя другими корсарскими судами у берегов Мореи, он заметил судно, шедшее к острову Занте. Погоня длилась до утра 1 мая. Наконец турецкое судно было взято «Минервой Севера» на abordаж. На судне находилось 170 турок и барбарийцев. После боя их осталось всего 80, но и их Ламбро «велел казнить». В донесении Потемкину он оправдывает свой поступок тем, что-де эти турки убивали ранее греков.

Турецкое судно было довольно большим, на нем имелось три мачты и фрегатское парусное вооружение. На взятом судне было 24 пушки, причем из них 14 медных пушек малого калибра турки якобы выбросили в море. На призовом судне Качиони велел поднять Андреевский флаг. Но вскоре корабль были вынуждены сжечь из-за открывшейся на нем сильной течи.

Далее Качиони утверждал, что «по всей Турции гремит, что Архипелаг наполнен русскими судами, но на самом деле в Архипелаге нет более корсаров, чем я сам и 10 моих судов».

Ламбро Качиони помнил, как в первую турецкую войну в 1772 г. греческие корсары на шебеке «Забияка» обманом захватили неприступную турецкую крепость Кагель Россо на острове Клидес у восточного берега Кипра. И вот 24 июля 1788 г. флотилия Качиони подошла к острову. На сей раз корсарам не удалось внезапное нападение. Но вид десяти судов под Андреевскими флагами смутил турок, и комендант Кагель Россо вызвал с кипрского берега местного греческого митрополита и через него вступил в переговоры с Качиони. Митрополит помог выработать условия почетной капитуляции и гарантировал безопасность турок. В результате гарнизон Кагель Россо в составе 230 человек и еще около 500 их жен и детей был переправлен на полуостров Малая Азия, а над Красным замком взвился Андреевский флаг. Кагель Россо стал одной из опорных баз флотилии Качиони.

В начале августа 1788 г. в Эгейском море близ острова Скарпанта (Карпатос) Качиони на своей «Минерве Севера» имел баталию сразу с пятью турецкими судами. В донесении Потемкину Ламбро писал: «...близ острова Скарпанта, где случившись один без моей флотилии только с двумя призами, встретился с 8 турецкими военными судами. Из которых три отделились тогда, чтобы догнать и те мои два приза, а с прочими пятью от полудня до наступления ночи непрерывно сражался и защищался, и напоследок турки сбиты и замешаны, что едва могли направить парусы и обратиться с немалым убытком в бег; с моей же стороны последовала очень малая потеря...».

31 августа флотилия Качиони провела бой с шестью турецкими судами, «в числе коих был один большой линейный корабль», о чем

свидетельствует донесение Качиони.

В то же время основными портами флотилии Качиони оставались Триест и Мальта. Так, в октябре 1788 г. его суда около месяца стояли в Ла-Валетте. Любопытно, что российским поверенным в делах еще в 1784 г. стал бригадир грек Антонио Псаро, старый пират, участник первой войны. Мальтийский орден сильно зависел от Екатерины в финансовом отношении, так как в Польше шел спор о владении огромными именьями, о так называемом острожском наследстве, между Мальтийским орденом и польскими магнатами.

В декабре 1788 г. Качиони пришел в Триест с девятью корсарскими судами и девятью захваченными турецкими.

В донесении статс-секретарю Екатерины II графу А.А. Безбородко для доклада императрице от 27 октября 1788 г. из Ливорно генерал Заборовский известил графа «о прибытии в Триест корсировавшего в Архипелаге майора Ламбро Качиони с 9 судами, приобретенными им в призы»; что делает все необходимое для того, чтобы «как наискорее майора Ламбро выпроводить в Архипелаг, где он довольный страх посеял в турках». Что Ламбро Качиони, «употребя все то, что приобретено было им в призы на вооружение судов, просит меня (генерала Заборовского) снабдить его провиантом, чтобы не сделать ему ни малой остановки, устремиться опять на неприятеля. Приказал я выдать ему на два месяца провизии из казенного в Триесте магазина. Теперь поспешаю я в Сицилию, куда ему приказал спешить, дабы умножить его флотилию другими судами, там находящимися для нанесения вящего вреда неприятелю».

Из одного бестолкового письма явствует, во-первых, то, что в Триесте были большие русские склады (магазины), специально предназначенные для греческих корсаров. А во-вторых, что Качиони пришлось за казенную провизию платить.

Корсар Качиони в конце 1788 г. – начале 1789 г. настолько осмелел, что захватывал суда у самого входа в Дарданеллы. Канониры турецких фортов четко видели Андреевские флаги на мачтах корсарских судов.

Судя по всему, Ламбро сильно обижал нейтралов, на что иностранные послы жаловались императрице. 25 сентября 1788 г. Адмиралтейств-коллегия издала указ о «прощении майора Ламбро Качиони», причем из текста указа не ясно, за что его прощали, видимо, все-таки за утопление «нейтралов».

Между тем «просвещенная государыня» Екатерина была обеспокоена слухами о нападениях греческих корсаров на нейтральные суда. Ей совсем не импонировало превратиться из философа на троне в покровительницу

пиратов. Поэтому императрица указом от 23 мая 1788 г. направила в Ливорно капитана флота в ранге генерал-майора С.С. Гибса «для прекращения притеснений, оказываемых подданным нейтральных держав арматорами, плавающими под русским военным флагом». С Гибсом Екатерина отправила изданные в большом количестве для «Партикулярных корсаров» специальные правила с собственной резолюцией императрицы «Быть по сему» и с приложением переводов этих правил на французский, итальянский и греческий языки.

27 мая того же года императрица подписала Указ «О взысканиях, которым могут быть подвергнуты корсары», нарушившие высочайше утвержденные правила. В частности, от корсаров требовалось, чтобы они, «быв воздержаны от притеснений нейтральных подданных, действовали против неприятеля».

Вопреки распространенному мнению, Екатерина была в необходимых случаях крайне жестокой и вероломной, но при этом она всегда пыталась дистанцироваться от содеянного. Вспомним хотя бы «геморроидальные колики» в Ропше. Формально это можно назвать лицемерием и двуличностью, но к оценке ее поведения в вопросах внешней политики более подходит термин грамотного ведения психологической войны.

К сожалению, политику Екатерины не могли понять наши генералы и адмиралы и принимали все ее слова за чистую монету. Добавлю еще неистребимую тягу нашего начальства от царей до губернаторов и мэров лезть командовать в тех вопросах, в которых они ничего не понимают. И вот всякие там заборовские и мещерские, нежась под теплым итальянским солнышком, возомнили себя великими стратегами и начали отдавать Качиони идиотские, а зачастую и взаимоисключающие приказы.

Пиратство и корсарство процветало на Средиземном море еще до основания Рима, и уже тогда стало очевидно, что командовать пиратами должен или командир судна при индивидуальном плавании, или командир соединения кораблей. А дело сухопутных начальников – снабжение корсаров продовольствием, вооружением, судовым и личным составом.

И если бы Заборовский занимался только этим и не лез командовать корсарами, то ход боевых действий на Средиземном море, да и исход войны были бы совсем другими. Ведь до появления дальней радиосвязи даже гениальный адмирал физически не мог, сидя в Сиракузах или Триесте, руководить действиями крейсеров в Эгейском море, не зная оперативной обстановки на месте и не имея возможности связаться с крейсерами ранее, чем через 3–5 дней.

Наконец, для жесткой блокады Стамбула, которая была бы

равносильна его гибели, требовалось полностью пресечь снабжение его продовольствием на любых судах, включая нейтральные. Императрица в Петербурге могла издавать любые грозные указы в защиту нейтрального флота. А до корсаров эти указы могли и не дойти, да и вообще корсары порусски понимали плохо, и для них, по русской пословице «...указ не писан, а если писан, то не так». При необходимости Петербург мог откреститься от корсаров, мол, безграмотные разбойники и т.д. Главное, чтобы дело было сделано.

Полная блокада Дарданелл (и, разумеется, ближайших к Дарданеллам портов) и Босфора за неделю привела бы к тотальному голоду в Стамбуле, сопоставимому с голодом в Ленинграде в 1941–1942 гг., а это, в свою очередь, спровоцировало бы всеобщее восстание и хаос в столице. Далее – высадка большого русского десанта в Босфоре и конец войне.

А вдруг бы нейтралы объявили войну России? Кто? До войны большинство торговых судов проходили Дарданеллы под французским, австрийским и английским флагами, а также под флагами различных итальянских государств.

Теперь Австрия воевала с турками, Франция с 14 июля 1789 г. по 1796 г. выбыла из числа противников России в Восточном Средиземноморье. Французские дипломаты могли посылать в Петербург грозные ноты от лица «христианнейшего» короля Людовика XVI. Но сам он сидел под арестом, и охваченной мятежом стране было не до войны с Северным Колоссом.

Мелкие итальянские государства в счет не идут, а Англия была слишком занята французскими делами. Таким образом, в Восточном Средиземноморье были все условия для начала беспощадной каперской войны.

Однако попытка Заборовского провести в жизнь благие намерения Екатерины II заставила отказаться многих греческих судовладельцев от вооружения своих судов. Ведь, честно говоря, большинство купцов занималось каперством и рисковало своими жизнями не столько ради возрождения прекрасной Эллады, сколько ради своей мощи.

Надо ли говорить, что после блестящих успехов в кампании 1788 г. Ламбро Качиони не имел никакого желания исполнять бестолковые приказы наших бюрократов. В результате к Екатерине и Потемкину полетели десятки доносов на храброго корсара.

8 января 1789 г. Потемкин из Елизаветграда пишет сухое письмо Ламбро: «Для получения нужных от меня повелений... немедленно сюда отправиться».

14 января 1789 г., то есть почти одновременно, бригадир князь

Мещерский, находившийся в Италии, отправил ордер майору Качиони. Там говорилось, что главнокомандующий морскими и сухопутными силами на Средиземном море генерал-поручик Заборовский «приказывает Вам со всеми судами идти в Сиракузы и явиться к контр-адмиралу Гибсу» (одновременно Гибс был и генерал-майором. – А.Ш.).

Дело в том, что Заборовский, Гибс и К^о сколачивали так называемую легкую флотилию Российского флота, которая должна была базироваться на Сиракузы.

Ламбро Качиони не поехал ни к Потемкину, ни к Гибсу. Тогда бригадир князь В.Мещерский приехал в Триест и, видимо, с помощью австрийских властей арестовал Качиони. Но из тюрьмы пирата выручил некий Николай Жоржио. Любопытно, что об инциденте 7 апреля 1789 г. Ламбро написал Потемкину. Там пират просит наградить Николая Жоржио, именуя светлейшего отцом родным, но ничего не обещает.

Тем временем контр-адмирал Гибс, узнав о том, что Ламбро не собирается идти в Сиракузы, 23 мая 1789 г. пишет гневное послание в Петербург графу Безбородко. «Кто такой Качиони – корсар или военный? Если корсар, то он должен дать залог в 20 тысяч рублей, из коих удовлетворяются обиженные корсарами». Мол, флотилия Качиони ходит под Андреевским флагом, и теперь повсюду в Восточном Средиземноморье считают русский флаг корсарским.

Лишь к августу 1789 г. Заборовскому удалось, затратив огромные казенные деньги, сколотить «легкую российскую флотилию» под командованием Гульельма Лоренца. До этого Лоренц был мальтийским пиратом. В апреле 1789 г. контр-адмирал Гибс, находясь в Италии, познакомился с Лоренцем и принял его на русскую службу в чине капитана 2 ранга.

В нее вошли три фрегата: «Фама» (вооружение: 50 пушек и 12 фальконет, команда 250 чел., флагман под командованием капитана 2 ранга Лоренца), «Абонданцо» (20 пушек, 120 чел., командир лейтенант Телесницкий), «Перфет Альянс» (20 пушек, 100 чел., командир армейский капитан Войнович); пакетбот «Российский Орел» (24 пушки, 90 чел., командир лейтенант Дешаплет); шебеки: «Св. Екатерина» (16 пушек, командир грек^[32] Лаин), «Св. Николай» (16 пушек и 4 фальконета, 50 чел., командир грек Кацори), «Минерва» (8 пушек и 12 фальконетов, 40 чел., командир англичанин Шмидт); полака «Св. Иоанн» (16 пушек и 8 фальконетов, 50 чел., командир грек Калига); кирлангич «Св. Николай» (14 пушек, 50 чел., командир грек Пондем).

В 1789 г. флотилия Лоренца базировалась на порты Королевства обеих

Сицилии – Сиракузы и Мессину.

К началу кампании 1789 г. в составе флотилии Качиони были: фрегат «Минерва Севера» (32 пушки, команда 102 чел.); кирлангич «Великий князь Константин» (26 пушек, 50 чел.); кирлангич «Великий князь Александр» (26 пушек, 54 чел.); полака «Ахиллес Славный» (20 пушек, 50 чел.); полака «Святой Иоанн Патмосит» (20 пушек, 49 чел.); полака «Великая княгиня Мария» (20 пушек, 49 чел.); полака «Святой Лука» (20 пушек, 50 чел.); полака «Иосиф II» (26 пушек, 42 чел.); полака «Великий князь Павел» (28 пушек, 82 чел.).

Однако в начале 1789 г. по предписанию генерал-поручика Заборовского Качиони пришлось передать Агмету Дезаиру паше Барутскому (союзному русским туземному правителю) полаку «Святой Лука».

В марте 1789 г. генерал Заборовский придумал гениальный план блокады Стамбула и всего оттоманского флота. Дабы не быть обвиненным в пристрастности, приведу довольно большую цитату из его донесения графу Безбородко от 12 апреля 1789 г.: «По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению составленная на основании корсаров из 10 судов, принадлежащих грекам, легкая флотилия отправлена из Триеста в море сего апреля 8 числа под командою майора Ламбро Качони. Из Сиракуз вышли также другие 6 судов, а за ними скоро последуют еще 3 фрегата, казне принадлежащие, под начальством принятого в службу нашу Мальтийского морского капитана Гвильгельма Лоренца. Обе сии флотилии, соединясь в море, поплывут к Дарданелльскому заливу, дабы занять линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь из Архипелага, Египта, Нато-лии и Румелии.

Но прежде нежели достигнут к помянутому месте, зайдут в остров Воллонуз для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам противу Его Величества Императора в Банате, а потом к идриотам, дабы воспрепятствовать жителям сего острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты».

Каково сухопутному чину, не командовавшему даже брандвахтой, сидя во Флоренции, командовать эскадрами! Ну, стали бы Качиони с Лоренцом «в линию от Афонской горы до Лемноса», а тут хотя бы половина турецкого флота вышла бы из Дарданелл, и к вечеру обе корсарские флотилии были разбиты. Только дикий невежа мог предположить, что корсарские суда могут выстроиться в линию и по «регламенту Госта» дать бой турецким 80–100-пушечным кораблям.

Между тем 15 апреля 1789 г. у порта Дулциньо (Албания) путь флотилии Качиони преградила дульциниотская эскадра. Это было местное албанское нерегулярное формирование, формально плававшее под турецким военно-морским флагом. По донесению Качиони, в ходе упорного боя часть дульциниотских судов была потоплена, а часть отправилась в бегство.

Воодушевленный первым успехом в новой кампании, Качиони на следующий день атаковал албанский порт Дуррес. Порт и большинство стоявших там судов были сожжены. Судя по всему, Ламброс захватил там богатую добычу.

После этого флотилия Качиони отправилась к острову Пакси Ионического архипелага, а затем – к острову За-кинф. В начале июня 1789 г. флотилия подошла к острову Гидра (Идра) у юго-восточной оконечности полуострова Пелопоннес, затем – к острову Кифнос (Китнос) и наконец прибыла к острову Кеа (Кеос), где Ламбро решил остановиться для отдыха команды и ремонта такелажа кораблей после почти трехмесячного перехода.

Остров Кеа имел стратегическое значение. Он расположен всего в 16 милях от восточной оконечности Аттики, разделенной с материком проливом Кеа (одноименным с островом). Площадь острова 121 кв. км. На западном побережье острова находится глубокий залив Агиос-Николаосиа – одна из самых надежных стоянок кораблей в Эгейском море.

Остров понравился Ламбро, и он решил сделать Кеа базой своей флотилии. Корсары с помощью местных жителей построили на острове причалы, склады и даже береговые укрепления.

Несмотря на многочисленные доносы и жалобы на майора Качиони, Екатерина II указом от 24 июля 1789 г. произвела его в подполковники «за целый ряд оказанных подвигов», в «награждение его усердных услуг в Архипелаге».

В июле в Архипелаг вошла и казенная флотилия капитана Лоренца, который, основываясь на приказе Заборовского, предложил Качиони соединить свои флотилии. Соединение флотилий произошло в конце июля 1789 г. у острова Идра. Качиони пришлось смириться и стать под командование Лоренца.

Но совместное плавание двух флотилий продолжалось лишь несколько дней. На стоянке у острова Тинос капитан 2 ранга и подполковник крепко поругались и разошлись.

Разделение сухопутной армии или эскадры кораблей в виду противника на две половины могло привести к трагическим последствиям.

А вот разделение корсарских флотилий имело больше преимуществ, чем недостатков. Действуя порознь, они могли захватить куда больше торговых судов, а если бы туркам удалось собрать большую эскадру и напасть на корсаров, одна из флотилий заведомо бы уцелела.

Лоренц, естественно, написал в Сиракузы кляузу на Качиони. И в Петербург к Безбородко от контр-адмирала Гибса 11 августа 1789 г. полетел новый донос. Мол, Качиони отказался соединиться с Лоренцом, высказывал «презрение к начальству, установленному в Сиракузах», то есть к самому Гибсу. Качиони говорит, что он единый комендант всего Архипелага. Качиони считает себя не корсаром, а начальником российской эскадры, и не хочет брать корсарский патент. Поскольку же его флотилия сильнее, чем у Лоренца, нельзя ли с Балтики прислать хотя бы несколько судов, чтобы подобные безобразия со стороны Качиони прекратить.

Оценим забавность ситуации: балтийская эскадра нужна не затем, чтобы воевать с турками, а чтобы заставить Ламбро почитать «сиракузское начальство», которое само в море выходить почему-то не решалось. В ответ Гибс потребовал спустить Андреевский флаг на судах флотилии Качиони.

Между тем 23 июля 1789 г. эскадра Лоренца в составе 9 судов между островами Зейя и Сира встретилась с турецкой эскадрой, в которой было три 66-пушечных корабля, пять 20-пушечных кирлангичей и две полугалеры. По донесению Лоренца два дня шла перестрелка, а затем турки ушли. На самом же деле два дня турки преследовали мальтийского пирата, а 25 июля появились пять судов Качиони, и турки бежали. Состав же турецкой эскадры явно преувеличен Лоренцем. Во всяком случае, никаких там 66-пушечных кораблей не было.

29 августа Лоренц привел свои суда в Сиракузы и после этого долго не выходил в море, боясь турок.

5 сентября 1789 г. контр-адмирал Гибс донес графу Безбородко, что капитан Лоренц неожиданно, без какого-либо разрешения покинул район крейсерства, задолго до установленного срока, а именно 29 августа, прибыл «из Архипелага в Сиракузы с вверенною ему флотилиею и объявил, что он принужден был выйти из Архипелага ради недостатка в провизии и других припасов и для того, чтобы не подвергать флотилию в жертву неприятелю, которого вооружение усмотрел он умножено после сделанной ему диверсии до 36 разных величиной судов...»

Возмущение Гибса можно понять. Неужели провизии и прочих припасов не было на торговых судах, которыми буквально кишело Восточное Средиземноморье? В крайнем случае можно было взять все необходимое на островах Архипелага, на побережье материковой Греции,

Малой Азии, Сирии или Египта, как это в свое время делала эскадра Орлова. Другой вопрос, что в ретираде Лоренца частично виноват и сам Гибс, который в известной степени связал руки Лоренцу своими инструкциями.

3 августа 1789 г. флотилия Качиони имела баталию у острова Элени (Макронисос) с отрядом алжирских судов, скорее всего пиратских. Алжирцы были побиты и быстро ретировались. Суда же Качиони вернулись на стоянку на остров Кеа.

Лоренц из Сиракуз сделал еще одну попытку подчинить себе Качиони, послав к нему лейтенанта Анжело Франчески. Этот корсиканец, соратник Паоли, был в июле 1787 г. принят на русскую службу вместе с Лоренцем. Ламбро выслушал Франчески, а затем вздохнул и сказал: «Я одного генерала выжил из здешних мест, и сделать это с другими мне ничего не стоит». И действительно, бездарь Заборовский был отозван Екатериной II из Италии. Взамен ему прислали генерал-майора В.С. Томару. Кстати, на том военная карьера Заборовского и закончилась: его отправили на статскую службу, и в 1817 г. он умер действительным статским советником и сенатором. Теперь же Ламбро имел в виду Гибса, не менее бездарного контр-адмирала в делах морских и генерал-майора в делах сухопутных.

Между тем по приказу Потемкина, одобренному Екатериной, Гульельм Лоренц был отстранен от командования Средиземноморской флотилией и отозван в Петербург. Там бедолага маялся без дела, а потом попросился домой, ссылаясь на непривычный климат. В сентябре 1792 г. Лоренц был произведен в капитаны 1 ранга и уволен в Италию «до востребования». Взамен Лоренца в командование казенной флотилией в начале 1790 г. вступает русский посланник на острове Мальта капитан 1 ранга и одновременно генерал-майор грек Антонио Псаро.

Между тем привлечь на свою сторону Ламбро Качиони попытался и... турецкий султан Абдул Гамид I. От имени султана к Качиони с письмом обратился драгоман турецкого флота С. Мавроенис с довольно «лестными и заманчивыми» предложениями. Ламбро было обещано прощение султана за пролитую «османскую кровь», а главное, наследственное правление на любом из выбранных им островов Архипелага и 200 тысяч золотых монет. Взамен Качиони должен был присягнуть на верность султану. В противном же случае его ждала суровая кара – «султан пошлет великую силу для того, чтобы усмирить Вас».

Ответил или нет султану храбрый корсар – неизвестно. Во всяком случае, лучшим ответом были захваты новых турецких судов. На одном из них корсары перебили команду и пассажиров, а жизнь была дарована лишь

одной юной красавице. Она оказалась гречанкой по имени Ангелина, ее отец был правителем острова в Эгейском море и верно служил туркам.

Как и положено в классическом романе, великий пират влюбился в красавицу и предложил ей руку и сердце. Отец, то ли испугавшись турок, то ли из гонора, не пожелал отдать дочь пирату. Но увидев перед окнами своего дома флотилию Качиони с открытыми оружейными портами, изменил свое решение и благословил Ламбро и Ангелину.

В сентябре 1789 г. Качиони закончил кампанию и зазимовал на Ионических островах, принадлежавших Венеции. Местные власти пытались угодить обеим сторонам. Турки были, естественно, сильнее, но пушки Ламбро – ближе. Поэтому Качиони без труда удалось на острове Закинф (Занте) провести необходимый ремонт, запастись провиантом и завербовать несколько десятков волонтеров.

Обратим внимание, согласно указам Екатерины и Потемкина, главной базой русской Средиземноморской флотилии по-прежнему были Сиракузы. Контр-адмирал Гибс всеми силами пытался заманить туда Ламбро, но постоянно получал вежливый и аргументированный отказ.

Возникает вопрос: почему же Качиони не воспользовался своей стоянкой на острове Кеа? Дело в том, что еще в августе 1789 г. к острову подошла эскадра турецких кораблей и высадила десант. Небольшой отряд греков, защищавших Кеа, был уничтожен. «По традиции» турки устроили резню среди местных жителей.

В конце марта 1790 г. флотилия Качиони в составе девяти судов покинула Ионические острова и отправилась в Эгейское море. По пути на борт был посажен клефт^[33] Андруцос с отрядом в 800 человек. 15 апреля флотилия подошла к острову Кеа и высадила там воинов Андруцоса. Турок на острове уже не было. Вскоре моряки и клефты восстановили сооружения базы Качиони.

По примеру Орлова Ламбро решил создать свою «губернию», разумеется, в меньших масштабах. Губернской столицей он сделал порт на острове Зея. Кроме этого острова в губернию вошел остров Андрос, а все близлежащие острова были обложены «российским» налогом.

Тем временем новый султан Селим III приказал своим адмиралам немедленно уничтожить флотилию Качиони. В начале 1790 г. туркам пришлось держать в Архипелаге 2 корабля (60- и 56-пушечный), 11 фрегатов (от 20 до 32 пушек), 6 кирлангичей и 4 канонерские лодки. А ведь все это могло быть двинуто против Ушакова! В Константинополе периодически возникали голодные бунты. Специально для поимки Качиони в Алжире была сформирована эскадра адмирала Сеит-Али в составе 66-

пушечного корабля, трех 30-пушечных фрегатов, шести 18-пушечных и двух 12-пушечных гребных судов. Но самым неприятным для греков было то, что сам Сеит-Али и большинство личного состава были профессиональными алжирскими пиратами.

1 мая местные греки сообщили Качиони, что неподалеку видели турецкую эскадру, состоящую из восьми судов. Не поверив им, Качиони 5 мая вывел свою флотилию в море и подошел к острову Андрос для поиска неприятеля. Из-за штиля корабли Качиони смогли удалиться от острова всего лишь на 40 миль, где 6 мая они обнаружили турецкую эскадру, состоящую не из восьми, а из 19 судов, включая корабль под предводительством Мустафы-паши. Также в эскадру входили: четыре 40-пушечные каравеллы, десять 18–22-пушечных легких фрегатов, три кирлангича и одна большая чайка.

Бой 6 мая произошел по той же схеме, что и предыдущие сражения турок с корсарами. Турки обладали громадным перевесом в личном составе и артиллерии, но боялись корсаров, а те в свою очередь очень хотели, но не имели физической возможности побить басурман. В итоге артиллерийская дуэль велась до поздней ночи. До абордажа не дошло, потери в судах не было, повреждения судов и потери в личном составе незначительные.

Ночью на военном совете несколько офицеров тщетно уговаривали Качиони уйти. Но тот посчитал турок «совершенно оробевшими», а оппонентов обвинил в трусости.

Рано утром 7 мая 1790 г. неприятельский флот находился под ветром и старался избежать сражения. Качиони начал преследование турецкой эскадры. К большому удивлению корсаров на горизонте показалась алжирская эскадра Сеит-Али. В ее составе был один двухдечный корабль, три 30-пушечных фрегата, пять 18-пушечных шебек, одна большая 20-пушечная тартана и две тунисские 12-пушечные шебеки.

Алжирские суда, имея попутный ветер, быстро приближались, и вскоре их флагманский корабль с тремя самыми большими шебеками напал на «Минерву Севера». Две шебеки попытались взять «Минерву» на абордаж. Но им удалось высадить всего 12 человек, которые вскоре были убиты. Отказавшись от абордажа, турецкие суда усилили артиллерийский огонь по флагману корсаров. В конце концов Качиони сел в лодку и попросту удрал с корабля. Команда фрегата держалась до наступления темноты. Ночью к «Минерве Севера» подошли гребные суда. Экипаж был эвакуирован, а фрегат сожжен.

Полакры «Лабелла Виенна», «Виктория» и «Принчипе Паоло» были взяты алжирцами на абордаж, а их экипажи вырезаны.

Фрегат «Ахиллес» несколько часов вел бой с двумя фрегатами и тартаной. Алжирцы приготовились пойти на абордаж. Тогда капитан Левтераски пошел на хитрость. Он приказал поднять на шестах несколько бочонков. Турки решили, что там порох, а корсары хотят взорвать их при абордаже. Алжирские суда кинулись в разные стороны. Это позволило «Ахиллесу» дойти до острова Андрос, где экипаж высадился на берег, а фрегат был затоплен.

8-пушечный кирлангич капитана Стратти сдался в плен вместе с экипажем. Всего в бою 7 мая корсары потеряли 400 человек из шестисот.

После боя алжирская эскадра пришла к островам Зея и Андрос, где соединилась с турецкой эскадрой, не участвовавшей в сражении. Однако 380 албанцев-клефтов, оставленных там Качиони для охраны острова Зея, были ночью эвакуированы на другие острова. Турки по своему обыкновению устроили расправу над мирными жителями обоих островов.

Качиони с тремя уцелевшими кирлангичами и одной полакрой, не участвовавшей в сражении, укрылся на острове Цериго.

26 октября 1790 г. состоялся торжественный вход алжирской эскадры в Константинополь. Султан приказал палить из пушек.

Свидетелем расправы над греческими моряками стал капитан 1 ранга Вениамин Тиздель, сдавший туркам корабль «Мария Магдалина» в 1787 г. Турки специально вывели его из тюрьмы, чтобы показать экзекуцию. 5 декабря 1790 г. Тиздель писал из тюрьмы Потемкину: «После происшедшего сражения в Архипелаге между турко-барбаресцами с нашими крейсерами майора Ламбро Кацонием. Первая, будучи в несравненном количестве судов против второго; имели шастие захватить 111 человек в полон, в том числе Лейб-Гренадерского полку капитана Егора Палатино, посланного от господина контр-адмирала Гибса с повелением к оному господину майору Качиони и 4 маленьких судна.

Барбересы, возвратившись в сию столицу, праздновали оную победу целых 5 дней непрерывною пушечную пальбою и в пятый день отрубили шестерым человекам головы в присутствии самого султана, повеся при том по всем судам на рейнах двадцать человек, имея перед ними повешанной Всероссийской державы флаг и с таким позорищем входили они в Адмиралтейство.

Не довольствуясь и сим, на другой день взяли из тех же новоприведенных из сей тюрьмы двадцать человек и отрубили им головы, по всем воротам Константинопольской Крепости.

В числе тех 46 человек казненных были многие офицеры и некий капитан Герасим Калига, который еще сей чин заслужил в прошлой войне,

а прочие при настоящей...»

Несмотря на разгром флотилии Качиони, турки к концу кампании 1790 г. продолжали держать в Архипелаге значительные силы – 60-пушечный корабль, 56-пушечный корабль, 11 малых фрегатов, вооруженных от 20 до 32 пушками, 4 канонерские лодки и 6 кирлангичей.

Потемкин писал Екатерине: «Порта, встревоженная его предприимчивостью и мужеством, старалась уловить его разными обещаниями, которые он отверг с презрением. В самой неудаче высказывает он неустрашимую смелость. Он потерпел в этом сражении с турками, но сам почти со всеми спасся и, оправясь, пойдет опять. Он один только дерется». Далее Потемкин ходатайствовал перед императрицей о награждении Ламбро Качиони за его боевые заслуги в должности командующего легкой российской флотилией перед Российской империей: «Всемиловитейшее пожалование в полковники умножает ревность его, а если еще Вашему Величеству благоугодно будет позволить мне отправить к нему знаки военного ордена 4-й степени, то сие, разнесшись повсюду, много произведет действия в народе греческом к пользе высочайшей Вашего Императорского Величества службы».

29 июля 1790 г. Ламбро Качиони за военные заслуги и личную храбрость был произведен в полковники. В указе Екатерины II говорилось, что очередной чин дается ему «в награждение усердной службы, отличной его храбрости и мужества, неоднократно оказанных в сражениях с турецким морским вооружением».

В соответствии с высочайшим указом от 12 сентября 1790 г. полковник Ламбро Качиони «в награждение его храбрости и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля» становится кавалером российского ордена Святого Георгия 4-го класса.

После гибели флотилии Ламбро попытался создать новую. Ему удалось захватить две вооруженные шебеки, принадлежавшие грекам с острова Идра. Но по приказанию генерал-майора Псаро Качиони был вынужден вернуть захваченные призы идриотам. Все же Ламбро удается собрать отряд из нескольких малых судов, базировавшихся на острове Итака. Конфликт Ламбро с руководством «казенной» флотилии продолжался.

Взбешенный Потемкин решил «сменить коней на переправе». В ордере от 24 декабря 1790 г. он вызвал в Петербург для отчета контр-адмирала Гибса.

В конце 1790 г. Качиони, передав управление оставшимися судами флотилии своему заместителю Николаю Касими, прибыл в Вену, чтобы

встретиться там с главнокомандующим князем Потемкиным-Гаврическим. Для выяснения, где находится главнокомандующий, Качиони направил в Яссы несколько офицеров с письмом к генерал-фельдмаршалу, а сам с оставшимися тринадцатью офицерами остался в Вене ждать сообщений. Ждать пришлось долго, поскольку Потемкин в это время находился в Петербурге.

Суда флотилии Качиони и казенной флотилии генерал-майора Псаро в это время ремонтировались в бухтах Ионических островов, в основном у острова Занте, готовясь к кампании 1791 г. По приказу Ламбро в начале 1791 г. его флотилия в составе пяти судов под командованием Николая Касими убыла в Архипелаг, а затем пошла к южным берегам Македонии, чтобы захватить там суда с хлебом, идущие в Константинополь.

Согласно донесению Касими, его отряд сжег «в заливе Воло, ниже Салоники, множество турецких судов с пшеницею, для Константинополя нагруженных, и три санины (разновидность полаки. – *А.Ш.*) взял в плен».

В начале 1791 г. прибывший в Вену генерал-майор Томара нашел там Качиони в затруднительном материальном положении, но не сломленного духом. Томара в присутствии офицеров вручил Ламбро указы императрицы о производстве его в чин полковника и награждении орденом Святого Георгия и лично прикрепил на грудь полковника орден. Потом Томара передал устные и письменные наставления и указания князя Потемкина. Генерал-майор оплатил все венские долги в сумме «1436 червонцев» «полковника и кавалера Ламбро Качиони и находившихся при нем 13 человек офицеров».

В начале апреля 1791 г. Качиони и его спутники возвращаются в Триест. Там Ламбро энергично приступил к формированию новой флотилии. В мае Качиони купил у судовладельца Куртовича за 24 тысячи флоринов два судна, получившие названия «Святой Спиридон» и «Святой Стефан». «Святой Спиридон» был вооружен 24 пушками, а команда его насчитывала 45 человек. По одним документам, судно это числилось малым фрегатом, а по другим – корветом. «Святой Стефан» имел 20 пушек и 35 человек команды. Вооружены оба судна были за казенный счет.

В Триесте у австрийцев Ламбро купил две канонерские лодки (барки) – «Сила» и «Святая Варвара». Они были вооружены двумя медными 24-фунтовыми пушками, взятыми взаймы у австрийцев. Команда каждой лодки состояла из 12 человек.

В состав флотилии Качиони вошел и турецкий кирлангич, захваченный ранее «казенной» флотилией. Он был вооружен на казенный счет у острова Каламо. Судно стало называться шебекой (по другим

документам – полакой) «Святой Иоанн ди Патмос». Вооружение его составляли 20 пушек, команда – 67 человек.

Кроме того, к 1 сентября 1791 г. в составе флотилии Качиони были следующие суда:

Фрегат «Святой Георгий». Команда 99 человек.

Корветы «Святой Матвей» и «Святой Николай». Команды каждого 55 человек.

Полака «Святая Елена». Длина 26,2 м, ширина 7,9 м, осадка 2,3 м. 28 пушек. Парусное вооружение фрегата (3 мачты).

Кирлангичи «Святой Константин», «Святой Александр», «Ахиллес», «Князь Потемкин». Все они были двухмачтовые. Имели команды по 34 человека. Известны данные лишь «Ахиллеса»: четыре 6-фунтовые английские пушки; длина 23,8 м, ширина 7,3 м, осадка 3,4 м.

Полугалеры «Зеа» и «Дафне» (команды по 22 человека).

Большинство этих судов были захвачены у турок, а некоторые куплены у греческих и итальянских судовладельцев. Так, кирлангич «Святой Константин» был куплен в складчину (пополам) Ламбро Качиони и Николаем Касими.

Согласно формулярному списку от 12 августа 1791 г. под командой Качиони служило 69 офицеров русской службы, среди них капитанов – 21, поручиков – 27, прапорщиков – 21. Большинство по национальности были греки, этнических русских не было ни одного. И вообще никто из этнических русских офицеров или адмиралов на судах Качиони или казенной флотилии в море ни разу не выходил. Все они предпочитали руководить, сидя на берегу.

Триест был слишком удален от района боевых действий обеих флотилий. Кроме того, Австрия готовилась выйти из войны. Поэтому судам, плававшим под Андреевским флагом, срочно нужна была оперативная база в Архипелаге. Генерал-майор Томара обратился к вождям населения области Мани (юг полуострова Пелопоннес) с предложением построить военно-морскую базу в Мани.

3 августа 1791 г. «поверенный от всех греко-россиян в Майне»^[34] капитан Дмитрий Григораки прибыл из Мани на остров Каламо к генерал-майору Томара и вручил ему «Прощение жителей Порты Гайя и Поганя в Майне». Там говорилось: «Во удовлетворение желаний Вашего Превосходительства уступаем мы наши места для плацдарме и наш порт для флотилии.

Для Вашего защищения будем иметь около 3000 человек сухопутных, и сколько можно будет постараемся сыскать других для смотра ваших

судов.

Сверх того обязываемся помогать Вашему превосходительству и на море, ежели захотят наши служить на судах.

Все мы офицеры обязываемся служить Вашему Превосходительству на сухом только пути, а не на судах.

Все те, которые вступят из нас в службу, будут состоять под командою Антона Григораки (капитана, родного дяди Дмитрия Григораки. – *А.Ш.*), а он должен только давать свои рапорты Вашему превосходительству, яко главнокомандующему, и потом господину полковнику Ламбро Качони, как верному слуге Ея Величества и который приглашал нас к таковому предприятию еще в прошлом году».

К началу августа 1791 г. во флотилии Ламбро был уже 21 вымпел. Но 11 августа 1791 г. Россия подписала перемирие с Турцией.

По приказу Томары суда «казенной» флотилии и часть судов флотилии Качиони под командованием Николая Касими ушли зимовать в Сицилию, а в Архипелаге остались лишь несколько судов под командованием самого Качиони. Там их застало известие о подписании в Яссах 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) мирного договора между Россией и Турцией.

Глава 11.

Триумф и трагедия Ламбро Качиони

По окончании боевых действий Екатерина повелела все суда обеих флотилий – «казенной и Качиони» – разоружить в Триесте. А затем часть судов продать на месте, другие же отправить через Проливы в Черное море, погрузив на них греков, желающих выехать в Россию.

С судами, ушедшими в 1791 г. зимовать в Сицилию, проблем не было. Они были разоружены и большей частью проданы итальянским и греческим купцам. Весной 1792 г. в Севастополь из Средиземного моря пришли шесть корсарских (крейсерских) судов. Из них три судна ранее состояли во флотилии Качиони – полакра «Святая Елена», кирлангичи «Ахиллес» и «Святой Александр». Все шесть судов были введены в состав Черноморского флота, где и прослужили несколько лет. Так, «Ахиллес» погиб 16 июля 1798 г. в шторм у Евпатории. А вот «Святой Елене» удалось даже поучаствовать в следующей войне с Турцией в 1806–1812 гг.

Ясский договор в Греции вызвал большое разочарование. Сотни греков, поверивших обещаниям русской императрицы содействовать освобождению Греции от турецкого ига, сражались и гибли на кораблях в составе флотилии Качиони. Но обещания эти опять оказались невыполненными, и в Ясском договоре Греция даже не упоминалась.

Получив от главнокомандующего русскими силами на Средиземном море В.С. Томары приказ отвести свои корабли в Триест и там разоружить их, Качиони не стал его выполнять.

В марте 1792 г. 11 судов флотилии Качиони подошли к мысу Матапан (сейчас греки называют мыс Матапан мысом Тенорон) – самой южной точке области Мани на Пелопоннесе. Там Ламбро выбрал для своей базы Порто-Кайло (Порто Кагио) – бухту с узким входом, со скалистыми берегами, хорошо защищенную от господствующих ветров.

Ламбро поддерживал известный греческий «полевой командир» Андруцос со своими клейфтами. В свою очередь генерал-майор Томара отправил Ламбро несколько посланий с требованием покинуть Мани и отправиться в Триест. Но все было напрасно.

В мае 1792 г. Качиони издал манифест, в котором выразил недовольство и возмущение греков тем, что правительство Екатерины снова пожертвовало ими. В манифесте подробно описывались действия флотилии Качиони, отвлекавшие турецкий флот с черноморского театра

боевых действий, вклад греков в успех многих операций и понесенные ими жертвы. Греки надеялись, «что в мирном соглашении будет сделано кое-что и для греческого народа: он будет иметь небольшую свободную область и получит вознаграждение за те усилия, которые он предпринял и еще собирался предпринять. Но ничего этого сделано не было». Оставались без защиты и помощи жены и дети тех греков, которые пожертвовали своей жизнью «во славу России», и Качиони, говорилось в манифесте, решил взять их под свою защиту и отомстить за павших. Греки будут продолжать войну до тех пор, «пока не получат принадлежащие им права».

Качиони больше не называл себя полковником русской службы, а объявил себя королем Спарты.

Качиони и Андруцос укрепили бухту и построили у ее входа пять береговых батарей. Базируясь на Порто-Кайло, корсары продолжали держать в страхе Восточное Средиземноморье, захватывая торговые суда как турок, так и нейтралов. Так, у города Навплия Качиони ограбил, а затем сжег два французских торговых судна.

Подстрекаемый французами султан решил покончить с флотилией Качиони. Турки вывели из Дарданелл эскадру из 20 судов. Среди них было 12 кораблей, то есть все, которые могли плавать. Любопытно, что там же был и 58-пушечный «Худа Верди» (бывшая «Мария Магдалина»). К оной армаде присоединился и французский фрегат «Модест».

5 (16) июня 1792 г. эскадра подошла к Порто-Кайло и начала бомбардировку батарей и судов Качиони.

Одновременно турки решили заставить бея области Мани Джанетоса Григоракиса^[35] напасть на Качиони с суши. Для этого сорок видных маниотов были арестованы в Стамбуле, и турецкие власти заявили, что все они будут казнены, если властями Мани не будет выдан живой или мертвый Ламбро Качиони.

Мало того, султан надавил на константинопольского патриарха, и тот послушно стал грозить жителям Мани отлучением от церкви, если они будут помогать «королю Спарты».

Бей Григоракис принял турецкий ультиматум и одновременно предложил Качиони и его людям мирно пройти через область и укрыться в другом районе Греции. У Качиони не было иного выхода, и он согласился. По приказу Ламбро были взорваны и сожжены береговые батареи и суда флотилии. Большой части личного состава флотилии удалось скрытно просочиться между отрядами майонитов. А сам Ламбро с несколькими спутниками на малом судне ночью прорвался через строй турецких судов и добрался до острова Киферс, а затем перебрался на Итаку.

Далее Качиони попытался найти новое крейсерское судно и завербовать команду на Ионических островах. Однако после окончания Русско-турецкой войны венецианские власти осмелели и арестовали несколько греческих моряков и клефтов. Среди них был и Андруцос, выданный венецианцами туркам и погибший в турецкой тюрьме.

Сотни моряков, воевавших с Качиони, были насильно посланы турками служить на их корабли и галеры. Любопытно, что десятки из них находились на судах турецкой эскадры Кадыр-Бея, действовавшей в 1799 г. совместно с эскадрой адмирала Ушакова. Несчастные греки просили заступиться за них русского адмирала. Но Кадыр-Бей отказал Ушакову, поскольку он-де не может отпустить греков без санкции султана. 9 апреля 1799 г. Ушаков отправил письмо русскому послу в Турции В.С. Томаре: «... греки, служившие прежде с Ламброю Качони и попавшие в плен, которые должны по замирению и по нынешнему нашему освобождению островов и по объявлению от Блистательной Порты дружелюбному к ним расположению, как в конференции в бытность мою в Константинополе было предположено, должны быть освобождены. Таковые многие находятся ныне на эскадре и наиубедительнейше просят исходатайствовать им милосердие, командующий же эскадрой Блистательной Порты Кадыр-бей без повеления высшего начальства уволить их сам собою не смеет и обещал об оном представить в высшее начальство, я прошу покорнейше ваше превосходительство употребить ваше об них ходатайство испросить им свободу».

Но, судя по всему, Томара не пожелал освобождать своих соотечественников.

Качиони пришлось покинуть Ионические острова и почти два года скитаться по Европе.

В 1794 г., после многочисленных обращений через консула в Триесте надворного советника Спиридона Варуки, полковник Ламбро Качиони получил наконец долгожданное письменное разрешение от фаворита Екатерины II графа Платона Зубова вернуться в Россию. В октябре того же года Качиони с семьей прибывает в Херсон к председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н.С. Мордвинову.

Формальной причиной приглашения Качиони в Россию было начало работы комиссии, учрежденной для рассмотрения претензий по бывшей в Архипелаге флотилии, созданной указом императрицы от 7 апреля 1794 г. Действительно, без объяснений бывшего командующего было бы практически невозможно разобраться с массой жалоб и претензий, поступивших на имя императрицы, с потоком предъявленных

неоплаченных денежных счетов и финансовых исков.

Однако главной причиной было намерение императрицы начать новую войну с Турцией, при подготовке которой Ламбро мог быть отличным консультантом, а после начала войны заняться привычным делом.

19 апреля 1795 г. по указу императрицы началось формирование Одесского греческого дивизиона численностью в 348 человек. Среди греков, зачисленных в состав дивизиона, было несколько десятков моряков, служивших ранее во флотилии Качиони.

Кроме того, для греков-переселенцев в районе Одессы было выделено 15 тысяч десятин земли. По приказу императрицы для греков построили 53 каменных дома. Греческим, славянским и албанским переселенцам выдавались денежные пособия, и они на 10 лет освобождались от податей. Была учреждена должность попечителя, и им стал подполковник грек Косоглу. К концу 1795 г. в Одессу с островов Архипелага переселилось до 100 семейств, из которых было 27 купцов.

После 1792 г. большинство греческих судовладельцев постепенно через подставных лиц – российских подданных – переводили свои суда под юриспруденцию империи. К 1819 г. из тысячи судов, плававших в Восточном Средиземноморье, не менее пятисот принадлежали турецкоподданным грекам. Причем около 250 приходилось на жителей островов Индра, Специя и Псари, и все они плавали под русским триколором – флагом торгового флота империи.

По высочайшему повелению полковнику и кавалеру Ламбро Качиони было выплачено «за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской».

Прибывший в Петербург полковник Ламбро Качиони 20 сентября 1795 г. был официально представлен Екатерине II на балу в Царском Селе в день торжества рождения цесаревича Павла Петровича. Запись в Камерфурьерском журнале за этот день гласит: «Ея Императорское Величество изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсон полковника Ламбро Качиони, которого представил старший по дежурству камергер князь А.А. Кольцов-Масальский».

Итак, императрица не только простила ему все грехи, но и обласкала его. А Потемкина не было в живых. Качиони часто появлялся при дворе Екатерины, а на голове у него была феска с вышитой серебряной рукой с надписью «Под рукой Екатерины».

Как писал П.В. Чичагов, в 1796 г. у императрицы опухли ноги, а затем появилась какая-то сыпь. В конце концов сыпь ей надоела, и она обратилась к лейб-медику Роджерсону с просьбой избавить ее от сыпи. Он

отказался, «потому что знал сидячий образ жизни императрицы, полагал, что этот исход, явленный самой природой, будет благоприятствовать ее здоровью». Как-то раз вечером, во время беседы в Петергофе во дворце Марли, на которой присутствовал Качиони, когда зашла речь о здоровье, а потом о болезнях ног, Ламбро рассказал, что вылечил сыпь, употребляя соленую воду. Тогда Екатерина, тайком от своего медика велела привезти воды из Северного моря и стала делать из нее ножные ванны. Они произвели желаемое действие, но позже, по мнению доктора Роджерсона, «ванны, вероятно, вызвали апоплексический удар».

Вряд ли соленые ванны оказали серьезное воздействие на сердечно-сосудистую систему Екатерины, зато воспоминания Чичагова свидетельствуют о близости Качиони к императрице в последний год ее жизни. И дело, разумеется, не в личных симпатиях, Екатерине корсар нужен был для реализации своих планов в отношении Турции.

Адмирал Шишков в своих записках утверждает, что, получив известие о смерти императрицы, Качиони стал больше похож на восковую куклу, нежели на живого человека. О чем думал старый пират в этот момент? О славном царствовании Екатерины, с которым неразрывно переплелась его судьба? Или о крахе надежд на освобождение Греции?

20 декабря 1796 г. Павел I подписывает указ, согласно которому Качиони предписывалось отправиться на Черноморский гребной флот «в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу».

31 декабря того же года указом Павла I Ламбро Качиони было подтверждено его воинское звание полковника и старшинство в данном чине с 29 июля 1790 г., а также выдан соответствующий патент на чин полковника, при правлении Екатерины II ему так и не врученный. Обращают на себя внимание многозначительные слова указа, несомненно, напоминающие об ошибках Качиони. «Мы надеемся, – подчеркивает Павел I, – что он в сем Всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».

Но Качиони явно не хотел ехать в Одессу и служить в гребной флотилии. В мирное время практически все гребные суда на Балтике и Черном море стояли на берегу, а само направление в гребную флотилию среди флотских офицеров считалось ссылкой.

И 20 февраля 1797 г. полковник Ламбро Качиони обратился к Павлу I с прошением: «Уволить с абшифом в Архипелаг, Отечество его ради поправления таковых нужных дел», а именно для оказания необходимой помощи и поддержки родственников, ибо «заимодавцы, оставшиеся без удовлетворения, непременно будут нападать на имения родственников его и

разорять их до крайности». При этом в своем прошении Качиони особо подчеркнул: «...буде впредь необходимость... то по единоверию и усердию к престолу Его Императорского Величества служить готов будет, и по подписанной при том справке».

Поначалу упрямый Павел настаивал на отправке Качиони в гребную флотилию, но потом унялся и высочайше разрешил остаться в Петербурге до полного завершения деятельности комиссии по делам его флотилии.

В 1798 г. комиссия закончила свою работу. По ее итогам Ламбро Качиони была выплачена солидная сумма в качестве компенсации за истраченные в ходе боевых действий его личные деньги.

В связи с отправкой в 1798 г. эскадры Ушакова в Адриатическое море для войны с Францией Качиони обратился к Павлу I с просьбой разрешить ему на свои средства вооружить судно «для разъезда противу французов» в Средиземном море. Император с интересом и весьма благосклонно оценил предложение Качиони, и 24 октября 1789 г. последовало высочайшее повеление «вооружение сие ему дозволить». Но пока суд да дело, война с Францией кончилась, и Качиони больше не удалось выйти в море на корсарском судне.

В Петербурге при Павле Качиони делать было нечего, и он отправился в Крым в подаренные ему еще Екатериной II поместья. Проживая в Крыму, Качиони купил недалеко от Ялты местечко Панас-Чаир, что в переводе с греческого означает «священный луг». Там Ламбро начинает строительство своей усадьбы, которую переименовывает в Ливадию по имени своего родного городка Ливадия, находящегося в 120 км от Афин, недалеко от горы Парнас и Дельфийского храма.

В Крыму бывший корсар становится крупным промышленником. Его крымская соль, пшеница, ценные породы рыб и другие товары отправляются на юг и на север, от Греции до Петербурга. В 1799 г. Качиони строит завод по производству виноградной водки, принесший ему большие барыши и многочисленные тяжбы с конкурентами.

Однако судьбе было угодно, чтобы виноторговец Качиони умер не в своей постели, а с кинжалом в руке. В 1805 г. в возрасте 53 лет Ламбро направился один в двуколке в Керчь по своим торговым делам. По пути к нему в коляску напросился какой-то господин. Слово за слово, затем они достали стаканы. Собеседник незаметно опустил кристалл яда в вино Ламбро. Тот выпил, но, почувствовав страшную резь в желудке, догадался об отравлении и выхватил кинжал. Лошадки довели до Керчи два холодеющих трупа.

Ходили слухи, что знаменитый корсар был отравлен турецким

агентом. На мой взгляд, это наиболее достоверная версия, но документальных подтверждений ее нет.

Похоронили Ламбро Качиони в его поместье в Ливадии, хотя есть версия, что похоронили его в Керчи. Могила Качиони утрачена еще в конце XIX века. Возможно, это было связано с тем, что после смерти Ламбро имение его несколько раз меняло владельцев, а с 1860 г. стало южной резиденцией императора Александра II. Наверяд ли Романов хотел иметь рядом со своей резиденцией могилу пирата.

Любопытно, что французский историк Лавис утверждал, что в 1806 г. Качиони появился на Средиземном море и вновь занялся пиратством.

Сын Ламбро Ликург Качиони в 1812 г. поступил на службу в Черноморский флот, позже стал командиром Балаклавского батальона, а закончил свою карьеру инспектором Керченского карантинного пункта. Внук пирата Александр Ликургович начал служить гардемаринном в Черноморском флоте, а затем в чине мичмана был переведен на Балтику.

Правнук Ламбро Спиридон Александрович Качиони, родившийся в 1858 г. в Феодосии, стал известным юристом, а потом – писателем. Он был свояком художника И.К. Айвазовского. Умер Спиридон в начале 1930-х годов в Ленинграде.

Еще при жизни Качиони о нем и о греческих корсарах в России практически забыли. Павел I сделал все, чтобы исчезла сама память о его матери, Потемкине и о всех победах славного царствования Екатерины Великой. Тавриду он приказал переименовать опять по-татарски в Крым, Севастополь – в Ахтиар и т.д. Как-то Павел спросил Попова, бывшего адъютанта князя Потемкина: «Как исправить зло, причинное России одноглазым?» Попов быстро нашелся: «Отдать Крым туркам, Ваше Величество!»

Не менее, чем указы Павла, забвению корсаров способствовали и наполеоновские войны. Кто после пожара в Москве и взятия Парижа вспоминал о каких-то баталиях в Архипелаге века минувшего? Помните, Грибоедов писал: «...времен очаковских и покоренья Крыма», то есть дела давно прошедших лет, преданье старины глубокой.

В Греции же Ламброс Кацонис, как греки называют Качиони, стал национальным героем. Ему посвящены десятки книг. В январе 1914 г. греческое правительство дало заказ Англии на постройку крейсера «Кацонис», но в связи с началом Первой мировой войны англичане решили достроить его для себя и назвали «Честер».

Греки не успокоились и назвали «Кацонис» подводную лодку, построенную в 1927 г. во Франции. Она была потоплена германским

охотником за подводными лодками UJ–2101 19 сентября 1943 г. в Эгейском море. В 1980-х годах греки присвоили имя «Кацонис» подводной лодке S–115 типа «Тэнг», полученной от США.

Да и в Европе помнили Качиони гораздо лучше, чем в России. В 1813 г. Джордж Гордон Байрон пишет знаменитую поэму «Корсар». Прототипом главного героя поэмы Конрада, естественно, был Ламбро Качиони, а его главным противником – турецкий Сеид-паша, в жизни паша Сеит-Али.

Естественно, что «Корсар» не был строго документальным. Байрон не только романтизировал Конрада, но и придал ему многие свои черты. Как писал Андре Моруа: «...байроновский герой становился неестественной театральной фигурой, которой Байрон считал долгом подражать. Защищая Конрада, он защищал самого себя».

Так или иначе, но поэма «Корсар» стала бессмертным памятником славному пирату Ламбро Качиони.

А имя Конрад превращает в мел
Загар любого, кто свиреп и смел.
Властитель душ, искуснейший стратег.

Мелькнула череда
Идущих дней – он сгинул без следа
И без вестей, без слухов, где же он,
Где с горем – жив иль с горем – погребен...
Оплакан он; надгробием в горах
Прекраснейшим почтен Медоры прах;
Ему ж не ставят памятник пока?
Вдруг жив Корсар: а слава – на века:
Одною добродетелью был он?
И тысячью пороков наделен... [\[36\]](#)

У нас же, повторю, не только Ламбро Качиони и его пираты, но с 1917 г. Екатерина Великая и князь Потемкин были преданы забвению. Молчание нарушил Валентин Саввич Пикуль, посвятивший Ламбро Качиони одну из своих лучших исторических миниатюр «Первый листригон Балаклавы», а Потемкину – большой роман «Фаворит», где также фигурирует Ламбро Качиони.

IV. ПРОТИВ КОВАРНОГО АЛЬБИОНА

Глава 1.

Первая американская экспедиция

В январе 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание. Царское правительство по старинке стало пугать европейские правительства призраком революции, очагом которой на сей раз стала Польша. Увы, это было далеко от действительности. Восстание было поднято исключительно шляхтой и католическим духовенством, к которым присоединилось некоторое число деклассированных элементов.

Напомню, что 1863 год – это разгар реформ в Российской империи, проводимых императором Александром II: освобождение крестьян, царь подписал закон о запрещении телесных наказаний, идет подготовка к созданию земств, судебной реформы. Довольно узкий круг русских революционеров из дворян и разночинцев требовал более кардинальных реформ – ликвидации помещичьего землевладения. Советские историки в своих трудах даже пытались объединить польских повстанцев и русских революционеров, мол, они вместе боролись с «проклятым царизмом». Цели у них были совсем разные.

Повстанцы не стремились провести какие-либо демократические или экономические реформы. Главным их лозунгом была полная независимость Польши в границах 1772 года «от можа до можа», то есть от Балтийского до Черного моря, с включением в ее состав территорий, населенных русскими или немцами. Диссиденты, то есть православные и протестанты, должны были кормить оголодавшую шляхту. Любопытно, что ряд польских магнатов «умеренных взглядов» сделали русским сановникам компромиссное предложение – Польша останется в составе Российской империи под властью царя, но ее административные границы следует расширить до территориальных границ Речи Посполитой образца 1772 г., то есть попросту панам нужны хлопы, и бог с ними, с «тиранией» и самодержавием.

Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксендзы, а Александр II и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырех уездах губернии Витебской прекращались обязательства крестьян перед землевладельцами и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на

губернии Могилевскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием.

Подавляющее большинство польских крестьян оставалось в стороне, а многие помогали русским войскам. В отчетах об уничтожении польских отрядов в Люблинской и Гродненской губерниях говорится: «Местное население (малороссы) приняли самое деятельное участие в истреблении шаек».

Возникает риторический вопрос: о чем думали ясновельможные паны, затеявая мятеж? Как без поддержки всего населения одолеть сильнейшую в мире армию? Расчеты панов опирались не на хлопков, а на французскую армию и британский флот. И замечу, что эти расчеты не были беспочвенны. И в Лондоне, и в Париже всерьез рассматривали планы вооруженного вмешательства во внутренние дела Российской империи. Папа Пий IX призывал всех католиков в мире помочь Польше, то есть к новому крестовому походу. В Петербурге Александр II, вице-канцлер Горчаков и другие сановники трепетали от одной мысли о новой Крымской войне.

В начале 1863 г. в мире сложилась очень любопытная ситуация. Англия и Франция – поборники «свободы в Польше», одновременно выступили на стороне южан в Америке, которые начали войну с северными штатами, чтобы не допустить освобождения черных рабов. Это, в свою очередь, привело к сближению североамериканских демократов с самой реакционной монархией Европы.

Флот Северо-Американских штатов был слишком слаб, чтобы противостоять флотам Англии и Франции, так что они могли легко высадить большой десант в любом пункте американского побережья. Не следует забывать и 35-тысячную французскую армию, находившуюся к 1863 г. в Мексике, оттуда было совсем недалеко до южных штатов, примкнувших к конфедерации.

23 июня 1863 г. управляющий Морским министерством Н.К. Краббе^[37] подал Александру II всеподданнейшую записку. Там говорилось: «Примеры истории морских войн прежнего времени и нынешние подвиги наскоро снаряженных каперов Южных штатов служат ручательством в том, что вред, который подобные крейсеры в состоянии нанести неприятельской торговле, может быть весьма значителен. Не подлежит сомнению, что в числе причин, заставляющих Англию столь постоянно уклоняться от войны с Американскими штатами, – опасения, возбуждаемые воспоминаниями об убытках, понесенных английской морской торговлей в прошедшие войны с Америкой. Они занимают одно из первых, если не

первое место, и потому я позволяю себе думать, что появление нашей эскадры в Атлантическом океане в настоящее время может иметь на мирное окончание происходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в особенности в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской и коммерческой страны».

Далее Краббе предлагал отправить эту эскадру как можно скорей и секретно, поскольку опасался, что если об этом узнают лорды Адмиралтейства, то британская эскадра легко заблокирует Датские проливы и воспрепятствует выходу в океан судов Балтийского флота. По мнению Краббе, крейсерские суда следовало отправить поодиночке и дать им вид очередной смены судов, плавающих в Средиземном море и Тихом океане. По выходе из Бельта судам надлежало соединиться и следовать в Нью-Йорк по самым неоживленным морским путям. Тихоокеанской эскадре он тоже предлагал предписать следовать в Сан-Франциско и обеим эскадрам ожидать в этих портах конца дипломатических переговоров, а в случае неблагоприятного исхода занять все важнейшие торговые морские пути и начать крейсерские операции с целью нанести наивозможно больший убыток воюющим против нас державам, истребляя и захватывая их коммерческие корабли.

Краббе советовал не останавливаться при потере некоторых крейсерских судов, так как это неизбежная случайность, всегда допустимая во время военных действий.

Александр II в столь сложной обстановке попросту был вынужден согласиться на это смелое предложение адмирала. Подробную разработку планов операций для обеих эскадр царь поручил тому же Краббе, который в отсутствие генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, бывшего в то время наместником царства Польского, временно исполнял его обязанности.

Разработанной адмиралом Краббе инструкцией предписывалось в случае открытия военных действий по прибытии наших эскадр в Америку распределить суда обеих эскадр на торговых путях Атлантического, Тихого, а по надобности – и других океанов и морей для нанесения всевозможного вреда неприятельской торговле и, в случае возможности, для нападения на слабые места английских и французских колоний.

Капитан 2 ранга Кроун по соглашению с начальниками обеих эскадр и с русским посланником в Вашингтоне должен был организовать быструю и непрерывную доставку на эскадры всех нужных припасов при помощи зафрахтованных судов, на заранее условленных рандеву.

В состав снаряжавшейся в Кронштадте эскадры Атлантического океана, начальником которой был назначен контр-адмирал С.С. Лесовский, вошли фрегаты «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь» и клипер «Алмаз».

В состав эскадры Тихого океана вошли корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында» и «Новик» и клипера «Абрек» и «Гайдамак». Начальником эскадры был назначен контр-адмирал А.А. Попов.

В ночь на 18 июля 1863 г. фрегат «Александр Невский», имея на борту адмирала Лесовского, тайно покинул Кронштадтский рейд. У Ревеля к нему присоединился фрегат «Пересвет», у Дагерорта (Хийумаа, западная оконечность о. Даго) – корветы «Варяг» и «Витязь», а в проливе Малый Бельт – клипер «Алмаз» и доставившие уголь для пополнения запасов винтовые транспорты «Артельщик» и «Красная Горка».

Только утром 26 июля, когда корабли находились в походном строю, командам было объявлено, что «Александр Невский» – флагманский корабль впервые сформированной эскадры Атлантического океана, отправлявшейся под командованием С.С. Лесовского к берегам Северо-Американских штатов. Сберегая уголь на случай боя или длительного штиля, отряд шел в основном под парусами.

24 сентября 1863 г. эскадра Лесовского вошла в Нью-Йоркскую гавань, где ее уже ждал фрегат «Ослябя», пришедший туда из Средиземного моря.

Вскоре фрегат «Александр Невский» под флагом контрадмирала Лесовского в сопровождении фрегата «Пересвет» и корвета «Витязь» отправился в Карибское море и Мексиканский залив, то есть в районы, буквально кишевшие английскими торговыми судами. Фрегат «Ослябя», корвет «Варяг» и клипер «Алмаз» были оставлены в портах США.^[38] Командовать ими было поручено командиру фрегата «Ослябя» капитану 1 ранга Бутакову.

В пути отряд Лесовского разделился. «Пересвет» посетил южные порты Кубы. «Витязь» посетил Британский Гондурас, Гавану, порт Рояль (на острове Ямайка), Кюрасао и Картогену. Сам адмирал на «Алекса́ндре Невском» посетил северные порты Кубы. Следует заметить, что испанцы с удовольствием снабжали русских углем и продовольствием. С одной стороны, наши моряки платили золотом, а с другой – испанцы недолюбливали англичан.

Между тем корабли отряда Бутакова также не стояли на одном месте, а постоянно перемещались вдоль восточного побережья США. Они заходили в крепость Моир, в Балтимор, в Аннаполис и т.д. Таким образом, англичане не смогли бы внезапно заблокировать русские крейсерские суда.

9 февраля 1864 г. «Александр Невский» покинул гостеприимную Гавану и пошел в Нью-Йорк. 6 апреля в Нью-Йорк после крейсерства у Больших Антильских островов и захода в Гавану возвратился «Пересвет». Вместо него к Антильским островам отправился «Варяг».

А теперь перенесемся из Америки на другую сторону земного шара, в Николаевск-на-Амуре – главную базу Сибирской флотилии. 8 июля 1863 г. там получили срочный приказ из Петербурга от адмирала Краббе: «Немедленно сосредоточить силы, чтобы по получении известия об открытии военных действий немедленно направить их на слабые и уязвимые места противника». Контр-адмирал Попов отправил в Петербург достойный ответ: «В случае нужды мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю, прежде чем понадобится нас исключить из списков флота».

Русские крейсера поодиночке пересекли Тихий океан и встретились все вместе на рейде Сан-Франциско. К 27 октября 1863 г. здесь собрались корветы «Калевала» (флагман), «Богатырь» и «Рында», клипера «Абрек» и «Гайдамак».

К сожалению, по пути из Хакодате в США погиб корвет «Новик», которым командовал капитан-лейтенант Скрып-лев. 14 сентября 1863 г. в сильный туман «Новик» налетел на камни у мыса Лос-Рейес севернее Сан-Франциско. Мичману Гертнеру удалось добраться до берега, а оттуда – в Сан-Франциско и обратиться за помощью к русскому консулу Клинковстрему. Тот, в свою очередь, обратился за помощью к американским властям и получил в свое распоряжение пароход «Шабрик».

Когда «Шабрик» подошел к корвету, вся его команда уже находилась на берегу в бухте Драк. После краткого совещания консул, командир «Шабрика» и капитан-лейтенант Скрыплев решили не проводить спасательные работы. Экипаж «Новика» был переправлен на «Шабрик» и доставлен в Сан-Франциско. Позже по приказу контр-адмирала Попова вся команда корвета была распределена по другим судам эскадры. Остатки разбитого корвета были проданы с аукциона за 1700 долларов.

16 октября 1863 г. при входе клипера «Абрек» на рейд Сан-Франциско был замечен небольшой пароход, имевший какой-то странный флаг на корме: белые и красные полосы, но не вдоль, как на американском флаге, а поперек, а в углу американский гюйс. Когда «Абрек» приблизился к пароходу, то увидели, что с парохода сделали выстрел. Но командир «Абрека» не принял это на свой счет, тем более что находясь в прошлом году в Сан-Франциско, командир клипера Пилкин знал правила этого порта. Вскоре после первого выстрела последовал второй ядром, давшим

рикошет под бушпритом клипера, и это привело Пилкина в полное недоумение. Так как флаг парохода был незнаком, то Пилкин решил, что часть города Сан-Франциско захвачена южанами, приказал прибавить ходу и остановил клипер перед носом парохода. Тем временем с парохода спустили шлюпку с офицером, который, пристав к борту клипера, объяснил, что это их новые правила по случаю нападений крейсеров южных штатов и что пароход этот занимает брандвахтенный пост и имеет флаг, присвоенный судам этого рода.

Когда клипер стал на якорь, то к нему подошел на шлюпке и командир брандвахты и принес свои извинения. Такого объяснения было достаточно, и дело осталось без последствий.

Присутствие эскадры Попова внесло реальный вклад в безопасность порта Сан-Франциско от набегов каперов конфедератов. В начале гражданской войны правительство Северо-Американских штатов послало один из своих броненосцев в Сан-Франциско для охраны его от нападения южан. Вскоре после прихода Тихоокеанской эскадры этот броненосец погиб, оставив, таким образом, город практически не защищенным, поскольку имеющиеся там береговые батареи были слишком слабы для оказания эффективного отпора. В связи с этим контр-адмирал Попов предписал командирам своих судов следующее. Если на рейде покажется какой-нибудь корсар, старший из присутствующих офицеров делает сигнал: «Приготовиться к бою и развести пары!» и одновременно посылает офицера на пришедшее судно, чтобы передать требование оставить рейд, а в случае отказа должен силой удалить его. Если же ворвавшийся корсар прямо откроет огонь, то старший на рейде делает сигнал: «Сняться с якоря по способности!», а сам, подойдя к пришедшему кораблю, требует прекращения военных действий, а в случае отказа немедленно атакует его.

Копия этого предписания была отослана управляющему Морским министерством, который передал его вице-канцлеру Горчакову для отзыва. Тот ответил, что не может одобрить этого предписания, так как Россия должна строго держаться нейтралитета, о чем и было сообщено контрадмиралу Попову.

8 марта 1864 г. вся эскадра выходила на пять дней в море для артиллерийской стрельбы и возвратилась обратно в Сан-Франциско. 21 марта по получении тревожных известий из Китая корвет «Калевала» был послан в Гонолулу, чтобы в случае надобности он мог появиться в китайских водах и в то же время быть вблизи эскадры. Корвет «Абрек» 8 марта отправился в Ситху, а корвет «Рында» пошел в Южное полушарие для отвлечения внимания иностранных держав.

Весной 1864 г. в европейских и американских газетах появились воззвания французского капитана Маньяка к матросам Российского флота польского происхождения. Капитан призывал их к службе на корсарских судах, вооруженных им для нападения на русские военные суда в Старом и Новом Свете, а также для пресечения нашей морской торговли.

Поэтому Краббе отдал распоряжение начальникам обеих эскадр принять соответствующие меры предосторожности, войти в непрерывные сношения по этому поводу с русским консулом в Вашингтоне и со всеми нашими консулами в Америке. Кроме того, послать в крейсерство вдоль берегов наши корабли и в случае появления корсаров принять самые решительные меры к их уничтожению.

Вскоре появились слухи, что в Ванкувере собирается много поляков, которые замышляют нападение на суда Русско-Американской компании на Аляске и в северо-восточной части Тихого океана. Контр-адмирал Попов упомянул об этом в своем рапорте. Для проверки этих слухов корвету «Абрек» было приказано из Ситхи зайти в Ванкувер.

Все эти сведения частично подтвердились. Выяснилось, что действительно капитан Маньяк с другими выходцами из Польши приобрел в Англии для корсарства одномачтовый колесный пароход «Princess» и переименовал его в «Prince Poniarovski». Этот пароход вышел из Нью-Касла в Анкону (Италия). Выяснилось также, что главный театр действий польских корсаров предполагался в Черном море. И план бы этот удался, но Турция, боявшаяся войны с Россией, решительно заявила, что будет поступать с поляками как с пиратами.

Говоря о первой экспедиции русского флота в Америку, нельзя забывать о том, что часть наших крейсерских судов одновременно находилась на Средиземном море. Суда были в полной боевой готовности. Надо ли объяснять, что «добычи» для них на Средиземном море было более чем достаточно. Так, например, фрегат «Олег» 16 сентября 1863 г. вышел из Кронштадта и ровно через месяц вошел на Тулонский рейд. 25 октября фрегат покинул Тулон и через 6 дней бросил якорь в греческом порту Пирей. За время перехода из Кронштадта в Пирей «Олег» находился в море 24,5 суток, то есть среднесуточное плавание его составляло 189 миль.

Независимо от фрегата «Олег» в Средиземном море в 1863 г. крейсировал и черноморский корвет «Сокол».

А теперь перейдем к реакции на действия русских крейсеров Англии и США. В Лондоне о приходе русской эскадры в Нью-Йорк узнали через неделю из американских газет, доставленных рейсовым пароходом из Нью-

Йорка. Немедленно в Форин офис^[39] заявили, что это обычная газетная утка. Позже наступил шок. Судоходные компании резко подняли стоимость фрахтов, страховые компании начали менять правила страховок. К сожалению, никто из современников не посчитал убытки, нанесенные экономике Британии. Замечу, что и без этого английская промышленность находилась в кризисе, вызванном войной в Соединенных Штатах и рядом других причин.

Вместе с англичанами здорово испугались и наши дипломаты. Из Лондона в Петербург прислал истеричную депешу наш посол барон Бруннов. А вице-канцлер князь Горчаков отправился с упреками к Краббе и стал сравнивать приход наших кораблей в Америку с уничтожением в 1853 г. Нахимовым турецкой эскадры, что, мол, тоже неизбежно приведет к войне с великими державами.

На это адмирал резонно возразил в служебной записке: «Это, быть может, синопские выстрелы были причиной падения Севастополя, но если бы выстрелы эти могли в то время раздаваться в Океане на путях английской морской торговли, то торговое сословие этой страны, имеющее на ход государственных дел то огромное влияние, о котором упоминает барон Бруннов, вероятно столь же сильно восстало против войны с Россией, как оно всегда восставало и восстает против войны с Америкой, несмотря на то, что каждый англичанин ненавидит американца более всего на свете за исключением разве француза».

Копия записки была препровождена Александру II, на которой он соизволил собственноручно написать: «Дельно».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала (от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей». Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях», которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить *casus belli*^[40], теперь было встречено западными державами молча, как заслуженный урок.

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, почуввав шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на

полпути, в Берлине, ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин офис пошел на попятную.

Пытаясь «спасти лицо», император Наполеон III предложил, как последнее средство, созвать конгресс для обсуждения польского вопроса. Но и эта его попытка не была принята ни Англией, ни Австрией. Наполеон, оставшись в одиночестве, вынужден был и сам отказаться от всякой мысли о вмешательстве.

С самого прибытия в Америку русские эскадры сделались предметом непрерывных восторженных манифестаций со стороны американских властей и населения. О политическом значении этих манифестаций достаточно ясно говорят заголовки статей американских газет того времени: «Новый союз скреплен. Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Восторженная народная демонстрация», «Русский крест сплетает свои складки с звездами и полосами», «Посещение эскадры», «Представление резолюции общинного комитета и речь адмирала Лесовского», «Военный и официальный прием», «Большой парад на Пятой улице» и др.

Все эти манифестации вполне соответствовали интересам вашингтонского правительства. Объявляя торжества по случаю приема русских всеобщими и искренними, государственный секретарь США Сьюард писал американскому послу в России Клею: «Президент искренне хотел, чтобы их прием... мог отразить сердечность и дружбу, которые нация питает к России... и я счастлив сказать, что это желание было реализовано. Визит русского флота оживленно обсуждался американской прессой. Русские моряки не оставались в долгу перед американцами. На корабли обеих эскадр прибывали представители самых различных слоев населения. Гостями русских моряков были механики, заводчики, литейщики, которые открывали русским свои достижения, свои фирмы и заводы. Американские деятели медицины установили дружественный контакт с корабельными врачами».

Один из гостей, обращаясь к своим русским коллегам, сказал: «Хотя отделенные друг от друга пространством океана, мы все принадлежим к одному и тому же сословию и трудимся общими силами на пользу человечества и науки». Все русское сделалось в Америке предметом увлечения. Характеризуя этот интерес к дружественной державе, морской офицер сообщал на родину: «Русские писатели, русские артисты и артистки в свою очередь не забыты, словом, у северян теперь русские и вообще все русское на первом плане». Популярность русских и России за океаном была столь велика, что новорожденным в массовом порядке

давали русские имена. В продажу поступили казацкие пистолеты, новгородские подвязки, московские рубашки, екатерининские кринолины. Даже мостовую улицы Бродвей называли Русской мостовой. Большое внимание американцев привлекали лекции на тему «Россия и русские», с которыми выступал бывший секретарь посольства в Петербурге Тейлор. Присутствовавший на одной из таких лекций русский офицер писал, что «...театр был полон и при всяком удобном случае публика аплодисментами заявляла свое сочувствие».

В знак особого расположения к своим гостям американские власти организовали поездку группы русских моряков в действующую Потомакскую армию. Русские офицеры во главе с капитаном 1 ранга И.И. Бутаковым были сердечно приняты войсками северян. Затем офицеров эскадры дружески принял генерал Мид, главнокомандующий Потомакской армией. После обеда у генерала американские офицеры «разобрали нарасхват» русских в свои палатки. В завязавшейся дружеской беседе, сообщал один из русских офицеров, федералисты с симпатией вспоминали о капитане артиллерии Раздеришине, который с дозволения нашего Военного министерства служил полгода в действующей Потомакской армии.

В манифестацию дружбы двух народов вылилась и поездка офицеров эскадры к Ниагарскому водопаду. «По дороге, – делился своими впечатлениями один из русских моряков, – из домов и домиков, отовсюду слали нам приветствия, и флаги американский с русским и в городах, и в селах, и в отдельных хижинах, повсюду нам напоминали дружественные международные отношения».

Общение русских моряков с американцами выходило за рамки официальных приемов и церемоний. Офицеры обеих эскадр за время восьмимесячного пребывания за океаном обзавелись многими знакомыми, встречали радушный прием в домах северян.

Степан Осипович Макаров, посетивший Америку в качестве кадета на корвете «Богатырь» эскадры Попова, оставил в своем дневнике записи, говорящие о дружественном общении русских офицеров с американцами. Сам будущий флотоводец был частым и желанным гостем в семье Сельфрич в Сан-Франциско.

Заключительным аккордом гостеприимства, которое оказали американцы русским морякам, явились празднества, организованные в их честь в Бостоне 19 июня 1864 г. Из разнообразной программы приема особенно большое впечатление на гостей произвел музыкальный праздник, организованный детьми из бостонских школ. Их концерт начался с

приветственной песни, специально сочиненной по случаю прихода эскадры и исполненной под музыку русского гимна. В ней были следующие строки, отражавшие чувства симпатии американцев к русским:

Морские птицы московской земли,
Оставайтесь в наших морях.
Невские владыки морей, наши сердца
Бьются приветствием к вам.
Звуки, которые вы к нам принесли,
Проникают до глубины сердца,
Подобно тому, как брошенные вами якоря –
до глубины моря.

На прощальном обеде мэр Бостона сказал: «Русская эскадра не привезла нам ни оружия, ни боевых снарядов для подавления восстания, но она принесла с собою более этого – чувство международного братства, свое нравственное содействие». «Россия, – говорил другой оратор, – показала себя в отношении к нам мудрым, постоянным и надежным другом».

Государственный секретарь США Сьюард заявлял, что хотя «... русский флот пришел по его собственным причинам, преимущество от его присутствия было в том, чтобы убедить Англию и Францию, что он явился, чтобы защитить Соединенные Штаты от вмешательства».

По мнению американского историка Уолдмена, большинство ньюйоркцев было убеждено, что русский флот проплыл тысячи миль через океан, чтобы помочь Соединенным Штатам. Чувства признательности американцев к русским ярко выразил банкир Варжон Баркер, заявив, что «...американцы обязаны в такой же степени России за поддержку в 1863 году, как Франции – в 1778 году».

Итак, исход «польского кризиса» 1863 года без единого выстрела решили наши храбрые моряки, готовые драться с англичанами на всех широтах. Не меньшую роль сыграли и наши солдаты, которые совместно с польскими и малороссийскими крестьянами укротили буйное панство.

После урегулирования польского кризиса весной 1864 г. русские крейсерские суда перешли на положение мирного времени. Часть их ушла в Кронштадт, а часть продолжала патрулирование в Средиземном море и в дальневосточных водах.

Глава 2.

Вторая американская экспедиция

Входе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русские войска в конце концов перешли через Балканы, заняли Адрианополь и двинулись к Стамбулу. В свою очередь британское правительство, которому всегда до всего было дело, ввело броненосную эскадру в Мраморное море. В результате с января по август 1878 г. Англия и Россия были на грани большой войны.

В мае 1878 г. в Англии приступили к формированию «особой эскадры». Ее командующим был назначен адмирал Кей, который 7 июня 1878 г. (по новому стилю) поднял свой флаг на броненосце «Геркулес». «Особая эскадра» должна была войти в Балтийское море и атаковать Кронштадт.

18 июня «особая эскадра» выстроилась на рейде Портленда. В ее состав входили 6 казематных броненосцев («Геркулес», «Резистенс», «Вэлиант», «Лорд Уорден», «Гектор» и «Пенелопа») и башенный броненосец «Тандерер», 6 броненосцев береговой обороны типа «Принц Альберт», один парусный фрегат, 4 канонерские лодки и одно посыльное судно.

Таким образом, «особая эскадра» представляла собой скопище самых разнотипных судов, не способных взаимодействовать в составе соединения.

Зато британская пресса не скупилась на похвалы своей непобедимой армаде. Кульминацией пропагандистской кампании стал высочайший смотр «особой эскадры» 13 августа 1878 г., устроенный королевой Викторией.

«Особая эскадра» страшно напугала престарелого князя А.Н. Горчакова и многих сановников. На самом деле не только «особая эскадра», но и пять таких эскадр не смогли бы взломать русскую оборону в районе Кронштадта. Если бы адмирал Кей пожаловал на Балтику, перед ним бы оказалась альтернатива – или постоять пару-тройку месяцев у входа в Финский залив, захватить десяток малых каботажных судов, пограбить дюжину чухонских деревень, изнасиловать десятка два чухонок, то есть в точности повторить стояние британской эскадры на Балтике в 1854–1855 гг., или атаковать в лоб Кронштадт. Последний вариант привел бы к уничтожению не менее половины британских броненосцев.

Надо ли говорить, что лорды Адмиралтейства всерьез нападать на

Кронштадт и не думали! «Особая эскадра» была одним из великих британских блефов, на который купились Александр II и его «железный канцлер». Был, естественно, и финансовый аспект сбора великой армады. В 1877–1878 гг. десятки миллионов фунтов стерлингов уплыли в бездонные карманы подрядчиков и лордов Адмиралтейства.

Между тем Россия готовилась не только к пассивной обороне, но и к нападению на британские коммуникации. Русские крейсера, корветы и клипера были отправлены в Атлантику и Тихий океан.

Еще до начала войны с Турцией Морское ведомство провело несколько зондажей на предмет возможности закупки в Северо-Американских штатах быстроходных пароходов, которые могли бы начать операции на коммуникациях Англии. В частности, был запрошен русский посланник в Вашингтоне: «Не осталось ли в архивах русского посольства... следов от плана, который был разработан на эскадре в 1863 г.? Если да, то пусть в посольстве составят докладную записку из имеющихся документов».

Телеграмма эта поставила посланника в сложное положение, но вскоре он вспомнил, что один из флаг-офицеров С.С. Лесовского, лейтенант Л.П. Семечкин, к настоящему времени уже капитан-лейтенант и адъютант великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, находится на Всемирной выставке в Филадельфии. И посланник обратился к нему. «Просьба пришлась как раз по адресу. Семечкин мог ясно припомнить всю переписку 1863 г., которая велась через него. Поработав над имеющимися документами, пополнив недостающие сведения своими воспоминаниями, он составил подробную докладную записку. Ее вывод звучал так: “Не нарушая своего нейтралитета, Америка может дополнить наш флот продажей России нескольких крейсеров и снаряжением их у себя”».

В марте 1878 г. русское правительство решило приобрести в Америке двенадцать пароходов, с тем чтобы вооружить их и переоборудовать в крейсера, однако из-за финансовых затруднений было решено ограничиться четырьмя. Естественно, вся операция проводилась в строжайшей тайне. 1 апреля 1878 г. из Ораниенбаума вышел зафрахтованный Россией германский пароход «Цимбрия», на борту которого находилось 66 русских морских офицеров и 606 нижних чинов под командованием капитан-лейтенанта К.К. Гриппенберга. Все господа офицеры получили огромные для того времени подъемные: мичман – 400 рублей, капитан-лейтенант – 800 рублей. Поэтому недостатка в добровольцах не было. Только в море Гриппенберг вскрыл пакет и прочитал приказ: «...обогнуть Северную Англию и... идти в небольшой порт Северо-Американских штатов, South-West-Harbour». Этот порт, расположенный в штате Мэн почти на границе с

Канадой, как нельзя лучше подходил для пребывания русских экипажей – подальше от любопытных глаз и ушей. Впрочем, была и еще одна причина, чисто русская: в штате Мэн действовал «сухой закон».

«Цимбрия» шла в Атлантике под торговым флагом Германской империи.

16 апреля «Цимбрия» прибыла в Соут-Вест-Харбор. Прибывшие представились русскими эмигрантами, приехавшими в Америку. «Эмигранты» были в штатском, но уж больно однообразно одеты, да и выправка выдавала.

Гриппенберг немедленно отправился на телеграф и отослал несколько зашифрованных цифрами телеграмм в Россию. Телеграфистам никогда не приходилось отправлять цифровые телеграммы, и это обстоятельство привлекло большее внимание прессы, чем сам факт прибытия «Цимбрии». У наших адмиралов не хватило ума составить зашифрованный текст на английском языке.

Покупку судов вел капитан-лейтенант Л.П. Семечкин, ранее прибывший в США на рейсовом пароходе. Семечкин

заранее вступил в сговор с филадельфийским банкиром Вортоном Баркером. В марте 1878 г. Баркер объявил, что собирается создать судоходную компанию для обслуживания линии Аляска – Сан-Франциско и приобрести три-четыре быстроходных парохода. Благодаря огромному капиталу и связям в правительственных кругах проект этот возражений не встретил. Правительство оставило за собой лишь право освидетельствовать пароходы и признать их годными для предполагаемой цели. Так возникло очевидно, не без ведома американского правительства фиктивное пароходство Баркера.

Договор Баркера с Семечкиным гласил: «В. Баркер приобретает на свое имя столько судов, сколько ему будет заказано, производит на них такие переделки... какие ему укажут», после чего Баркер должен был вывести суда в океан под американским флагом «в такое время, какое будет вызвано соображениями русского правительства. Для затрат ему делаются необходимые авансы. Окончательный расчет производится при исполнении всех взаимных обязательств. При найме капитанов, офицеров и команды В. Баркер руководствуется указаниями Семечкина и для исключения всяких претензий со стороны властей заключает с ним нотариальный договор». Выведя пароходы за пределы территориальных вод, Баркер «в присутствии необходимых свидетелей и нотариуса передает... Семечкину все свои права на пароходы, совершив на все купчую крепость».

Первым судном, которое купила Россия уже через двое суток после

прибытия Семечкина в Америку, стало «Stat of California». Л.П. Семечки писал впоследствии: «Я остановился в Филадельфии, чтобы возобновить сношение с некоторыми из прежних друзей... и осмотреть на верфи Крампов оконченный в постройке, но еще не спущенный пароход «Stat of California»... Осмотрев внимательно корпус, стоявший на стапеле, и машину, собранную в мастерской, я убедился, что пароход... имеет право называться лучшим в Соединенных Штатах по тщательности и прочности постройки».

Пароход был признан годным «для крейсерских целей» и куплен за 400 тысяч долларов.

Узнав о намерении русских, англичане также начали скупать через своих агентов в Америке пароходы. Положили глаз они и на «Stat of California», за который Крамп запросил с них 500 тысяч долларов. Но в британском Адмиралтействе слишком долго думали и рассчитывали, и разрешение на его покупку пришло через два дня после того, как пароход приобрела Россия.

Покупка «Stat of California» сильно взволновала американскую прессу, газеты подняли шум: «Имеют ли русские право покупать суда? Даже если соблюдены все формальности, должно ли этим довольствоваться правительство?» Тогда русские представители обратились к самым влиятельным юристам-международникам, среди которых были известный государственный деятель, соратник Авраама Линкольна, сын и внук двух президентов Ч. Адамс, крупнейший юрист и дипломат, бывший министр юстиции К. Кашинг, член конгресса герой гражданской войны генерал В. Бутлер и другие. Все они сочувствовали русским. «Г-н Адамс созвал репортеров главнейших газет и разъяснял, что американский закон позволяет продавать оружие, но запрещает выпускать вооруженные экспедиции. Закон... позволяет продавать корабли, но последние должны выходить из гавани без пороха и вооруженных людей... Статьи, разъясняющие дело, были напечатаны в 35 газетах».

Но американские юристы настаивали, что спуск американского флага и подъем Андреевского должен производиться вне территориальных вод США, то есть на расстоянии трех морских миль от американского берега. «Всякий корабль пользуется правом экстерриториальности. Приобрести его он может только у своих берегов или в пределах вод, никому не принадлежащих».

Американские судовладельцы быстро посчитали ожидаемые барыши от продажи пароходов русским и пришли к выводу, что дело это очень выгодное. Большую роль сыграла и поддержка Промышленной лиги,

объединявшей полторы тысячи заводов и более двух миллионов рабочих. «Русские дали работу многим тысячам людей, и потому лига также приняла сторону наших».

Проблема была решена, и 8 мая 1878 г. пароход «Stat of California» сошел на воду. Впоследствии, будучи переоборудованным в крейсер, он получит название «Европа».

Затем Россия купила в Филадельфии за 275 тысяч долларов пароход «Columbus», переименованный в «Азию». Его также переоборудовали на заводе Крампа.

«Последовательность... и осмотрительность, с которой действовала наша экспедиция, произвела на американцев сильное впечатление», – вспоминал Л.П. Семечкин. Американские судовладельцы резко подняли цены на пароходы, они были уверены в кредитоспособности русских, и сколько им понадобится еще пароходов – никто не знал. И третий пароход, «Saratoga», переименованный в «Африку», пришлось купить уже за 335 тысяч долларов. Переделывался он также на заводе Крампа. Русские моряки – офицеры и нижние чины – принимали активное участие в переоборудовании купленных пароходов.

Между тем Морское ведомство России заказало Крампу за 275 тысяч долларов клипер «Забияка». По контракту на постройку корабля от закладки до спуска на воду отводилось всего четыре месяца. В случае невыполнения договорных условий предусматривалась система штрафов. Всего за три недели была разработана проектная документация, и 1 июля 1878 г. на верфи Крампа произошла закладка крейсера. 9 сентября «Забияка» был спущен на воду и уже 27 сентября прошел пробные ходовые испытания. Зима в этот год выдалась суровая, реку Делавер рано сковало льдом, и это не позволило закончить испытания в 1878 г. Только на следующий год Крампу удалось сдать клипер, да и то с большими штрафами. За опоздание со спуском на 9 дней с Крампа сняли 63 тыс. долларов, за переуглубление на 9 дюймов – 60 тыс. долларов, за меньшую на 0,5 узла скорость – 35 тыс. долларов. В результате Крамп получил всего 153 тысячи долларов да еще он должен был за свой счет снабдить корабль всем необходимым для перехода в Европу. В итоге «Забияка» стал самым дешевым крейсером русского флота.

Несколько слов стоит сказать и об устройстве судов, закупленных в Америке.

Клипер «Европа» имел длину 93,6 м, ширину 11,3 м и осадку 5,2 м. Водоизмещение его составляло 3169 т. Машина типа компаунд мощностью 3000 индикаторных л.с. позволяла развивать скорость до 13,5 уз. 1 винт.

Запас угля 1100 т. Дальность плавания 14 000 миль при 10-узловом ходе. На малом ходу обеспечивалось плавание под парами до 120 суток.

Клипер «Азия»: длина 86,4 м, ширина 10,7 м, осадка 4,5 м, водоизмещение 2449 т. Одна машина двойного расширения мощностью 1200 л.с. 1 винт. Скорость 15,6 уз. Запас угля 750 т. Дальность плавания 1500 миль. Парусное вооружение трехмачтового клипера.

Клипер «Африка»: длина 82,6 м, ширина 11,6 м, осадка 4,6 м, водоизмещение 960 т. Одна машина двойного расширения мощностью 1417 л.с. 1 винт. Скорость 12,7 уз. Дальность плавания 6400 миль при 9 уз. Парусное вооружение трехмачтового клипера.

21 декабря 1878 г. «Европа» и «Азия» с русской командой вышли в океан. В трех милях от берега они спустили американские и подняли русские Андреевские флаги. Через пять дней то же проделала и «Африка».

Поскольку к этому времени кризис миновал, все три крейсера под Новый год пришли в Копенгаген, где перезимовали, ожидая освобождения Кронштадтского рейда ото льда.

Об этой экспедиции и до 1917 г., и после написано очень много. Однако во всех источниках обойден один очень любопытный момент – откуда на русских кораблях должны были взяться пушки? Ведь без орудий эти корабли были абсолютно беспомощны. Получалось, что в условиях войны с Англией надо идти в Кронштадт, там вооружаться, а затем вновь идти в океан на британские коммуникации?

На самом же деле орудия для русских крейсеров были заказаны фирме Круппа. «Европа» получила одну 8,26-дюймовую (210-мм) гаубицу, три 5,9-дюймовые (149,3-мм) пушки и четыре 9-фунтовые (107-мм) пушки; «Азия» – три 5,9-дюймовые и четыре 9-фунтовые пушки; «Африка» – пять 5,9-дюймовых и четыре 9-фунтовые пушки. Все эти орудия были изготовлены Круппом. Кстати, 5,9-дюймовые крупповские пушки в 1878 г. получили и другие наши крейсерские суда, как например корветы «Богатырь» и «Варяг».

Первоначальный замысел предусматривал вооружение «Европы», «Азии» и «Африки» в море с нейтральных пароходов, доставивших пушки из Германии. И лишь после окончания Берлинского конгресса было решено пушки ставить в Кронштадте.

Что же касается клипера «Забияка», то он с 28 мая по 5 августа 1879 г. перешел из Филадельфии в Кронштадт. Вооружение он получил лишь к началу кампании 1880 г. Оно состояло из двух 6-дюймовых образца 1867 г., четырех 9-фунтовых и одной 3-фунтовой образца 1867 г. пушек. В середине 1880-х годов были добавлены одна 2,5-дюймовая пушка Барановского и

шесть 37-мм пятиствольных пушек.

Покупка пароходов в Америке была осуществлена Морским ведомством и на казенные деньги. Однако параллельно по всей стране в 1878 г. шел сбор средств с населения на покупку за границей крейсерских судов. Инициативу в сборе средств проявило «Императорское общество содействия русскому торговому мореходству». В Москве был учрежден главный комендант для сбора пожертвований, а звание почетного председателя принял на себя цесаревич Александр Александрович. К началу мая 1878 г. было собрано уже более двух миллионов рублей, в мае 1879 г. – 3 835 500 рублей, к концу 1881 г. – 4 132 800 рублей. Суммы пожертвований частных лиц составляли от нескольких копеек до 100 тысяч рублей. Большая часть населения с энтузиазмом отнеслась к строительству Добровольного флота. Любопытно, что великий композитор Петр Ильич Чайковский в 1878 г. сочинил марш «Добровольный флот». Он попросил издателя П.И. Юргенсона перечислить гонорар за марш на строительство флота.

6 июня 1878 г. Россия купила в Германии первые три парохода. Первый пароход «Holsatia» прибыл в Кронштадт уже 14 июня. Газета «Новое время» так описала торжественное мероприятие, посвященное приходу судна в Россию: «20 июня, около часа пополудни, после торжественного молебна, первый рейдер добровольного флота “Holsatia” был окрещен “Россией”. На рейдере под звуки музыки, игравшей национальный гимн, был поднят русский флаг и гюйс. По окончании молебна надпись на пароходе “Holsatia” была немедленно закрашена».

Второй из приобретенных пароходов «Hornmania» прибыл в Кронштадт 19 июня и впоследствии был переименован в «Москву». Третий пароход «Turinga», оказавшийся в Кронштадте, 24 июня был назван «Петербургом». Все три парохода были приобретены за 165 тысяч фунтов стерлингов, что по курсу 1878 г. составляло примерно 1580 тысяч рублей. Водоизмещение судов составляло около 3000 т, а скорость 13,5–14,5 узлов.

А 17 июля, отремонтированные, вооруженные крупновской артиллерией и укомплектованные военными экипажами, они уже стояли на кронштадтском рейде в полной готовности для крейсерской службы. 26 июня был приобретен пароход «Нижний Новгород».

Между тем мирный исход Берлинского конгресса устранил угрозу войны, и 1 августа разоруженные крейсера были исключены из списков военного флота и переведены в ведение комитета, ведающего Добровольным флотом. Крейсера были отправлены на Черное море и приняли участие в перевозке русских войск из Сан-Стефано в Одессу (до

13 тысяч человек, 3600 лошадей и около 5 тысяч тонн другого груза).

1 июня 1878 г. представители великих европейских держав подписали в Берлине трактат, состоявший из 64 статей, который фактически лишал Россию плодов ее победы над турками.

Вернувшись в Петербург, Горчаков грустно сказал при встрече с императором: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Александр ответил: «И в моей тоже».

Стратегический просчет и Горчакова, и самого Александра II был в том, что они оценивали внешнеполитическую обстановку и силы по речам политиков (ах, Дизраэли заявил, ах, Андраши заметил), не обращая внимания на реальное соотношение сил в Европе и на последствия тех или иных угроз Англии или Австро-Венгрии.

Англия была бессильна вести войну с Россией без помощи сильных европейских армий. Из-за географического расположения России с учетом развитой сети железных дорог британский флот даже не мог осуществить эффективную морскую блокаду России.

Такую точку зрения разделяют и многие британские историки. Тот же Хибберт писал: «...войны Дизраэли не хотел, а военную риторику использовал в качестве фактора политического давления на противников как внутри страны, так и за ее пределами. Словом, он предпочитал угрожать войной, а не вести ее, и очень надеялся, что этого будет вполне достаточно для реализации своих внешнеполитических целей».

Глава 3.

Как все могло быть и должно было быть

В царствование королевы Виктории Россия и Англия несколько раз оказывались на грани войны. Наиболее грозными были 1863, 1878 и 1885 годы. Естественно, у многих возникает вопрос, а что если у русского или английского капитана не выдержали бы нервы под наведенными на его корабль вражескими орудиями.

Кто-то обронил крылатую фразу: «История не терпит сослагательного наклонения», которая сейчас стала среди историков почти аксиомой. В самом деле, к примеру, прогнозировать историю России в XVIII веке в случае смерти Петра Алексеевича в возрасте 15 лет – заниматься ненаучной фантастикой.

Но любой серьезный исторический анализ должен включать в себя рассмотрение альтернативных вариантов.

Самое интересное, что сценарий войны в океанских просторах между Россией и Англией описан еще 120 лет назад капитаном 2 ранга Александром Егоровичем Конкевичем. Сам Конкевич был из семьи моряков и много лет плавал во всех океанах.

Служебные обязанности не помешали Конкевичу заняться публицистикой. В 1887 г. под псевдонимом Беломор была опубликована его повесть «Крейсер “Русская Надежда”», а затем еще ряд других книг, в которых описывались будущие войны России.

В повести «Крейсер “Русская Надежда”» говорится о предполагаемой войне России и Англии. Опытный моряк, на мой взгляд, в основном верно изложил ход военных действий, если бы в 1886–1887 гг. началась война между империями. Думаю, что читателям небезыntenерсны основные моменты предполагаемой войны.

Следует заметить, что названия русских кораблей, действующих против англичан, вымышлены Беломором, а названия британских судов оставлены подлинными.

«В апреле 18... года крейсер «Русская Надежда» получил приказание вооружиться. На этот раз крейсеру благоприятствовало все. Командир его и офицеры считались лучшими и опытнейшими во флоте, команда выбиралась из всех экипажей – хотя в нашем флоте, право, грешно выбирать».

Беломор приводит краткое описание крейсера. Это было недавно

построенное стальное судно длиной 300 футов (91,4 м) и шириной 45 футов (13,7 м). Его фор- и ахтерштевни были выкованы из железа. Прямой форштевень был приспособлен для тарана небронированных судов. Крейсер имел двойное дно и множество поперечных непроницаемых переборок. Стальная броневая палуба толщиной от двух до трех дюймов защищала от затопления и разрывных снарядов подводную часть крейсера и все находившиеся там механизмы, котлы и другие важные отделения. Эта же палуба служила и креплением тарана.

Машина крейсера состояла из двух независимых друг от друга механизмов смешанной системы, приводивших в движение два винта. Мощность машины достигала 6500 индикаторных л.с, что позволяло развивать скорость до 16,5 миль в час. Запас угля составлял 1000 тонн. Дальность плавания 10-узловым ходом – 8000 миль, 8-узловым ходом – 10 000 миль.

Артиллерия «Русской Надежды» состояла из двух 8-дюймовых орудий, восьми 6-дюймовых и четырех 25-мм пушек Норденфельда. Минное вооружение включало в себя два подводных и четыре надводных аппарата для стрельбы по килю и траверзам минами Уайтхеда, а также два катера, вооруженные шестовыми минами и минами Уайтхеда.

Рангоут и парусность были достаточными, и крейсер мог при благоприятных обстоятельствах идти под парусами.

Таким образом, вымышленный Беломором крейсер «Русская Надежда» был очень близок по своим характеристикам к броненосным фрегатам «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской», вступившим в строй в 1883–1885 гг.

Крейсер «Русская Надежда» пересек океан и приблизился к берегам Бразилии. Командир решил зайти в порт Пернамбуко. Стоянка должна была быть кратковременной, чтобы крейсер не был захвачен британской эскадрой, базировавшейся на островах Вест-Индии. Там командир узнал, что 5 мая началась война с Англией.

Беломор решительно осуждал Парижскую декларацию от 4 (16) апреля 1856 г., которая «сильно парализовала деятельность крейсеров и отняла у них половину добычи, признав неприкосновенность нейтральных грузов под неприятельским флагом. С открытием военных действий неприятель легко мог заключить множество незаконных и подложных сделок в этом смысле, трудно уловимых для призового судна и спасительных для самих призов. Подобный приз с нейтральным грузом, или даже с частью его не мог быть уничтожен, а следовательно значительно ослаблялась та паника, которую должны производить крейсера. При отпуске приза за выкуп

затягивались выгоды взявшего его и вред попавшегося. Все условия со шкиперами и выкупные обязательства были бы рассмотрены только после войны, – и Господь ведает, до какой степени они имели бы тогда силу и значение.

Такая льгота для нейтральных грузов, конечно, ни для кого не была так невыгодна, как для России, почти не имеющей своего торгового флота и получающей едва ли не все заморские грузы исключительно на иностранных судах. И обратно, она была очень выгодна и удобна для английского торгового флота, производящего 70% морской торговли всего мира и представляющего собой стоимость в миллиард рублей. Английский торговый флот – это мировой монополист-перевозчик. Чтобы разорить или совсем убить его, мало было сжечь или утопить несколько десятков пароходов, надобно было лишить его возможности работать в течение более или менее продолжительного времени. Надобно было сделать этот весь миллиардный капитал мертвым, приносящим даже убыток, а людей, зарабатывающих службой на пароходах свой хлеб, обратить в излишнюю тягость для государства, лишив их этого заработка.

Все это было бы возможно сделать, только отказавшись от той невыгодной для нас части парижской декларации, которая охраняет нейтральный груз под неприятельским флагом.

Если бы Россия отказалась от 3-го пункта Парижской декларации, то английский флаг с объявлением войны моментально потерял бы свой кредит на всех морях, так как ни один торговый дом нейтрального государства не вверил бы этому флагу свои товары и богатства, и английские пароходы, лишившись половины работы, остались бы без дела, а в случае продолжительной войны это дело и вовсе могло бы выскользнуть из их рук, как это случилось с торговым флотом Северной Америки. Нет сомнения, что такое отступление от Парижской декларации было бы осуждено институтом международного права в заседаниях его в Турине, Милане или Женеве, а самое действие крейсеров было бы названо несовременным и негуманным. Но это были бы тщетные и ошибочные рассуждения, так как подобная мера была бы, в сущности, самой гуманной, она колотила бы англичан по карману, являясь самым радикальным средством для окончания с ними войны.

К сожалению, Россия не отказывалась пока от третьего пункта и строго придерживалась Парижской декларации, а Морское министерство, имея это в виду, добросовестно подготовлялось на всякий случай».

Крейсер «Русская Надежда» покидает берега Южной Америки и движется на восток. Около полудня фор-салинговый заметил дым с правой

стороны, и крейсер лег прямо на него, дав полный ход. Через полчаса показался большой пароход, который на требование поднять флаг положил право на борт, по-видимому, надеясь уйти. Борьба была далеко не равная, и крейсер без особых усилий быстро настиг своего противника. Последний, видя свое безвыходное положение, по первому же снаряду, пронесшемуся у него по борту, поднял английский флаг и остановил ход. Крейсер подошел ближе и, оставив неприятеля под ветром и выстрелами, послал на него тотчас же вельбот с офицером и бумагами.

Корабельные документы гласили, что захваченный пароход «Elbe» был английским, вместимостью 1500 тонн, вышел из Буэнос-Айреса 1 мая, а из Монтевидео уже после телеграммы о войне – 7 мая. Груз – кожи и мясные консервы, отправленные английским торговым домом в Лондон на имя министра Башвуда. Из вахтенного журнала парохода было видно, что он не шел более девяти узлов.

«Elbe», объявленный законным призом, по снятии с него экипажа в числе 25 человек и был затоплен.

Затем «Русская Надежда» захватила пароход «Рахо» водоизмещением 1265 тонн, под английским флагом. Груз его из Рио-де-Жанейро – кофе, какао и сахарный песок – принадлежал английскому торговому дому в Лондоне. Забрав часть груза и сняв экипаж, «Рахо» был затоплен с оставшимся грузом.

Направляясь к югу малым ходом, около 5 часов того же дня с крейсера заметили быстро приближающийся дым с севера. «Русская Надежда» подняла русский торговый флаг и продолжала идти прежним румбом, уменьшив ход еще более. С грот-салинга усиленно рассматривали приближающееся судно, а офицеры, стоя на юге с трубами и биноклями, делали различные предположения по мере того, как вырастали из воды рангоут и корпус неизвестного корабля. Это мог быть и приз, мог быть и неприятельский крейсер – «Ирис» или «Меркурий».

Наш крейсер стал преследовать неизвестное судно, а с дистанции 3 мили открыл огонь из носовой 8-дюймовой пушки. После двух попаданий судно застопорило машины.

Солнце уже садилось, необходимо было торопиться, и поэтому крейсер сам пристал к борту парохода. Допрос и осмотр бумаг показали, что это был английский пароход «Моог» («Мур»), принадлежавший обществу «Union Steam Ship Company» и зафрахтованный британским правительством для военных целей. Построен он был недавно на заводе Ярроу. Длина парохода составляла 365 футов (111 м), а водоизмещение 3500 тонн, скорость около 15 узлов. Пароход вез уголь на Фолклендские

острова и артиллерийские запасы для флота на мыс Доброй Надежды, где должен был и сам вооружиться и переоборудоваться во вспомогательный крейсер. Его 6-дюймовые орудия пока еще лежали в трюме со своими станками. На пароходе также отправлялись и две миноноски для Саймунстаунского порта с большим запасом мин и минных принадлежностей.

Этот приз жалко было топить, и капитан решился исполнить предложение лордов Адмиралтейства, для чего немедленно же приступили к работе, пользуясь темнотой ночи и спокойным морем.

Два 6-дюймовых орудия и 4 пушки Норденфельда достали из трюма со станками и установили на местах. Обе миноноски со всеми принадлежностями поместили на крейсере. Дымовая труба и фальшборт были исправлены. лейтенант Копыткин был назначен командиром призового судна, а в помощь ему даны два мичмана и 30 человек команды.

К утру все уже было готово. «Мур» был переименован, и в 8 часов утра под именем «Сынок» поднял военный флаг.

Приз был очень хорош сам по себе, но становился несравненно ценнее, обращаясь в страшное оружие против самих же своих хозяев, сбивая их расчеты и лишая английский флот на Фолклендской станции в самое горячее время драгоценного материала – угля. Он предназначался для крейсеров, которые должны были охранять путь судов, идущих Магеллановым проливом. Копыткин отделился от крейсера и при общих пожеланиях успеха и благополучного плавания пошел на юго-восток.

Поздним вечером того же дня крейсер подошел снова к Пернамбуко, но уже не так близко, как в первый раз, спустил на воду взятый с «Мура» барказ и, посадив на него всех пленных с трех призов, предоставил их собственной судьбе, снабдив компасом, веслами и провизией. Впрочем, им предстояла только несколько утомительная ночная гребля, но ни малейшей опасности не грозили им. Сам же крейсер лег на юг, по направлению к пустынному Тринидаду, чтобы сойтись там с угольным транспортом. Не встречая никого, «Русская Надежда» благополучно дошла до острова, где и нашла стоящий на якоре под самым берегом гамбургский пароход «Доротея», зафрахтованный и посланный сюда русским агентом. Хотя немец и дорого взял за уголь, но зато своевременно доставил законтрактованные 70 тысяч пудов угля. Для успешности погрузки пришлось стать борт о борт, что позволяло сделать спокойное море. Работа не прекращалась день и ночь, но все-таки окончилась только через 48 часов.

Письма и донесения были сданы капитану парохода, и с приемом

последней корзины угля оба судна одновременно оставили маленький Тринидад.

Крейсер лег на юг и, пройдя параллель Рио-де-Жанейро, приблизился к континенту Южной Америки, вступив снова на большой тракт судов, идущих в Тихий океан вокруг мыса Горн или Магеллановым проливом. Плавание от Рио-де-Жанейро до островов Штатов обычно спокойное и безопасное. Наш крейсер опять шел небольшим ходом, давая полный ход только по временам, когда на горизонте показывался дым или парус.

«Русская Надежда» пересекла Атлантику, обогнула мыс Доброй Надежды и повернула на север, чтобы перехватывать британские суда, идущие в Ост-Индию и Китай.

Первым призом в Индийском океане стал парусный корабль «Лорд Байрон», шедший из Рангуна с тиком. Спустя несколько часов попался парусный бриг «Скорпион» из Манилы с сигарами и пенькой.

С первого сняли только экипаж, а со второго – несколько ящиков лучших сигар взамен причитающегося пайка табаку экипажу, а затем оба приза, как законные, сожгли.

С этого дня крейсер, идя на север, чаще и чаще встречал суда по преимуществу парусные, с различными грузами. Большая часть этих судов были английские с английскими же грузами. Пенька, сигары, сахар, чай, кофе, гуттаперча, тик, камфара и прочие ценные материалы вместо лондонских доков шли ко дну или горели среди океана.

Самым лучшим призом оказался великолепный чайный клипер «Дельфин», 20 дней тому назад оставивший Вусунг. По рассказу капитана он уже взял два приза за свои быстрые переходы из Китая и надеялся получить приз и в этот раз. Только суровая необходимость заставила предать огню это чудо корабельного искусства, и офицеры крейсера вполне сочувствовали бедному шкиперу «Дельфина», который со слезами на глазах смотрел на горящее судно.

Между прочим, на «Дельфине» нашли и привезли на крейсер несколько номеров последних шанхайских газет. Из них было видно, что главные морские силы неприятеля в Индийском океане заняты охранением и доставкой к Карачи транспортов, военных грузов и десантных войск. Все это выгружалось и высаживалось там с целью достичь как можно быстрее Кандагара.

Между тем на крейсере набралось так много пленных, что необходимость отделаться от них сделалась настоятельной. Конечно, их можно было бы высадить на какой-нибудь ближайший остров, хотя бы на Бурбон. Но здесь представлялось то неудобство, что весть о присутствии

крейсера в Индийском океане, когда за ним, вероятно, гонялись у берегов Бразилии, дошла бы преждевременно. Поэтому-то и велика была радость капитана, когда он становил, наконец, нейтральное судно – германский барк, шкипер которого согласился взять к себе всех пленных в Капштадт, куда он сам направлялся.

Продержавшись еще неделю между островами Маврикий и Диего, крейсер перехватил и утопил четыре больших парохода, шедших с различными грузами из Австралии, и отпустил под обязательствами три парусных корабля, везших нейтральных груз в Европу из Индии и Китая. Ощущая недостаток угля, «Русская Надежда» направилась в Мозамбикский пролив к Радамскому архипелагу, где по расчетам капитана должен был уже стоять «Сынок».

«Сынок» действительно в ожидании крейсера уже стоял второй день за большим Радамом, почти прижавшись к берегу этого острова. На пустынном берегу острова было несколько хижин бедных рыбаков, не имевших никакого понятия о нейтральности их территории и вследствие этого, вероятно, с готовностью предлагавших «Сынку» купить у них рыбу и раковины.

По донесению лейтенанта Копыткина он сделал очень удачный переход, утопил три паровых и пять парусных судов и благополучно ускользнул от английского крейсера, с которым сошелся на высоте Игольного мыса. Густой туман скрыл его от неприятеля.

По окончании перегрузки угля капитан крейсера дал время отдохнуть экипажу. После двухдневного отдыха крейсер одновременно с «Сынком» оставил остров Радаму с ее рыбаками. Обогнув мыс Амбер, оба судна разошлись в разные стороны: «Сынок» снова на юго-восток, а «Русская Надежда» в Бенгальский залив.

На пути туда началось новое истребление неприятельских судов – попадались пароходы, шедшие из Европы в Австралию и Новую Зеландию или обратно. Особенно часто стали попадаться призы, когда, не доходя миль 50 до Цейлона, легли на северо-восточную оконечность острова Суматры. На этом самом бойком пути крейсер держался малым ходом, между 5° и 6° широты.

Пройдя в ночное время полным ходом между Никобарскими и Андаманскими островами, крейсер приблизился к полуострову Малакка. Первый попавшийся здесь приз был большой парусный клипер с балластом, направлявшийся из Пенанга в Рангун за рисом. На это судно высадили всех пленных, которых на крейсере понабралось уже порядочно. Лейтенант Михайлов был назначен командиром клипера и получил

приказание спуститься к острову Саланга, скрыться за ним, поставить клипер на мель и, срубив мачты, замаскировать свое присутствие. Для охранения пленных и в помощь Михайлову было дано 20 человек матросов.

Крейсер продолжал свою разрушительную деятельность с большим успехом. От шкиперов нейтральных пароходов он узнавал о положении английских военных судов в этом районе. В Сингапуре в это время стояли на рейде корвет «Бритон», канонерки «Пингвин» и «Филомел», а в Новой гавани исправлялся недавно пришедший броненосец «Агамемнон». Эти сведения капитан проверил на нескольких пароходах и решился нанести англичанам удар так, где они его не ожидают, – в самом громадном центре торгового движения, в одной из лучших колоний – в Сингапуре.

На третий день своего пребывания в Мартабанском заливе небольшая паровая яхта лорда Давенпорта сделалась призом крейсера. На ней шли сыновья лорда из Пенанга в Калькутту. Взяв этот приз на буксир, «Русская Надежда» пошла полным ходом к своему блокшиву у острова Саланги. Капитан теперь нашел возможным привести в исполнение свое намерение нападения на Сингапур.

Для входа в Сингапур с юга или востока пришлось бы обойти Суматру и миновать Зондский пролив, причем неприятель мог узнать о приближении крейсера. С другой стороны, вход с запада узким Малакским проливом привлек бы внимание на крейсер стационаров Пенанга и Малакки. Поэтому для нападения капитан решил воспользоваться своим последним призом – яхтой лорда Давенпорта, не подвергая, таким образом, явной опасности свое судно и его будущую деятельность. Капитан хорошо знал, что гора Фабер и форты Каннинг и Фуллертон укреплены, а горизонт их, открытый на 16 миль, дает возможность привычному глазу безошибочно рассмотреть и определить характер приближающегося к городу судна.

По приходе к месту стоянки за островом Саланги блокшива с пленными капитан «Русской Надежды» энергично принялся за приготовление к задуманной экспедиции. На яхте снесли долой рубку и взамен поставили две миноноски, взятые с парохода «Мур» в Атлантическом океане. Для быстрого спуска их на воду сделали две переносные стрелы и раскрепили шкафутный фальшборт яхты.

Миноносный катер с крейсера был поставлен на малайскую пирогу, купленную в тот же день в проливе в обмен на роскошные украшения пленной яхты. Пирога имела около 60 тонн водоизмещения, и на нее пришлось втащить миноноску на катках сзади, вырубив для этого

отверстие в кормовой части наподобие лац-порта.

На яхту и пирогу капитан назначил 20 человек экипажа, трех офицеров и одного лоцмана. Приведение в исполнение плана атаки было поручено старшему офицеру крейсера лейтенанту Кононову, который по окончании дела должен был бежать с миноносками на юг и встретиться с крейсером у северо-восточной оконечности острова Енгано. На экспедицию давалось семь или восемь дней.

Ранним утром при общих пожеланиях успеха яхта с малайской пирогой на буксире оставила остров Саланга и направилась к Суматре, а затем вдоль его берега – на юг.

Следующий день был посвящен спуску миноносных катеров, перегрузке угля и окончательному составлению плана атаки. Решено было, что Кононов и Михайлов с двумя катерами нападут на фрегат «Агамемнон», войдя в Новую гавань с востока, а Злобин атакует «Бритон», но не ранее того времени, как услышит взрыв в Новой гавани. Предполагая взять с собой и зажечь в удобном месте захваченную пирогу, ее наполнили сухим ломом и сучьями деревьев, облитыми керосином и сложенными в трюме. Как только солнце село и начало темнеть, все подняли пары. В 10 часов вечера яхта с пирогой на буксире и в сопровождении катеров тихо перешла в пролив между островами Св. Иоанна и там стала на якорь, а атакующие разделились и пошли далее – Михайлов и Кононов с джонкой в Новую гавань, а Злобин – на рейд.

Ночь была безлунная и очень темная, но Михайлов и Кононов поставили на своих катерах фальшивое вооружение с большими парусами, прикрывавшими их котлы и трубы.

Немного впереди «Агамемнона» и не доходя кабельтова до пароходов «Кама и К°» с опиумом, окруженных громадными китайскими джонками, пирога тихо бросила свой якорь. Задержавшись на нем, застопорили тросовый якорный канат, имевший более полутора саженей в длину и уложенный на палубе, и тотчас же подожгли в трюме в нескольких местах весь горючий материал. Когда все это загорелось и огонь охватил палубу и мачты с опущенными парусами, стопорки у каната обрезали, дали пироге ход, и она быстро понеслась по течению на джонки и пароходы.

Сняв с пироги людей, Михайлов и Кононов прошли без шума немного далее и остановились на траверзе «Агамемнона» в ожидании удобной минуты. Фрегат, кажется, первый обратил внимание на пожар. На пароходах и джонках работы не было, и все спали мирным сном. На палубе «Агамемнона» слышались движение и команды. Паровой катер подошел к трапу, два фалрепных фонаря «Бреша» моментально зажглись и так же

моментально погасли, когда отвалил катер. Электрический фонарь с формарса осветил громадное пространство впереди и показал Михайлову и Кононову, что их пирога успела уже зажечь несколько джонок и пароходов и что там происходил невообразимый хаос. Но чем яснее было впереди фрегата, чем лучше его сигнальщики и часовые видели действие огня на судах, тем хуже они могли заметить сзади. Настал момент действовать.

Михайлов направился на кормовую башню фрегата, а Кононов – на ютовую надстройку, чтобы шестовая мина его пришлась около левого дейдвуда. Имея очень небольшое пространство пред собой из-за узкости пролива, они шли тихим ходом, не выпуская ни одной искры из трубы. Но тем не менее с кормового банкета раздался оклик: «Boat ahoy!» («Эй, на лодке!»). Кононов остановил машину.

Часовой опять крикнул и скинул ружье, но в этот момент шест тихо коснулся борта фрегата, и Кононов замкнул цепь. Раздался страшный, оглушительный взрыв. Поднявшийся столб воды еще не успел упасть обратно, как раздался новый взрыв с катера Михайлова.

Моментально все смолкло в Новой гавани. Электрический свет погас, и среди мертвой тишины и непроглядного мрака ночи слышны были дружные удары винтов удалявшихся миноносок и треск горящих джонок и пароходов. Уже на выходе из пролива наши моряки услышали третий взрыв и затем частую и беспорядочную пальбу на рейде и поняли, что в эту минуту решалась судьба «Бритона» и Злобина.

Впрочем, за последнего они не боялись.

Когда корвет заметил пожар у Пуло-Брани и отправил туда свой паровой катер, Злобин, стоявший недалеко от него и все время наблюдавший, пошел на «Бритон» полным ходом.

Там, вероятно, его приняли за собственный катер, почему-то возвращавшийся, и вызвали фалрепных. Злобин, не отвечая на оклик, спокойно подошел к самому трапу и взорвал свою шестовую мину. Но он не успел дать заднего хода, как шкафутный часовой сделал по нему выстрел, а затем почти мгновенно в том же направлении открылась пальба с тонувшего корвета из ружей и скорострельных пушек. Паровой катер с «Филомела», шедший, вероятно, к месту пожара, заметил миноноску, по несчастью попавшую в полосу электрического света фонаря «Пингвина», и, осыпаясь выстрелами своих же судов, самоотверженно погнался за Злобиным.

Имея преимущество в ходе, он нагнал его и уже готов был свалиться и вступить в рукопашный бой, как Злобин воспользовался английским оружием, взятым с «Мура», и бросил в противника ручную мину. Баковый

матрос с неприятельского катера успел перескочить на миноноску к Злобину и, вероятно, был единственным спасшимся из всего экипажа погибшего катера, так как мина разорвалась, ударившись об его палубу. Английский катер заслуживал лучшую участь за свою безумную храбрость и самоотверженность, и Злобин, наверное, попытался бы спасти остальных членов его команды, но теперь не время было выказывать великодушие. Не останавливаясь ни на мгновение, Злобин понесся на условленное свидание, выйдя из полосы света и огня с «Пингвина» и «Филомела».

К 2 часам пополуночи все три катера почти одновременно пристали к яхте. Миноноски были тотчас же подняты на палубу, и по окончании этой операции яхта пошла полным ходом опасным каналом Филиппа в Банковский пролив. Расстояние 180 миль до Зондского пролива было пройдено благополучно под берегом Суматры. Но Кононов не без основания ожидал встречи с английским крейсером южнее, у Анжера или Батавии. Конечно, в этих двух пунктах уже знали по телеграфу о происшествиях в Сингапуре.

Это предположение оказалось верным, так как клипер «Ренжер» получивший известие из Анжера и зорко наблюдавший за всяким судном в Зондском проливе, заметил яхту и погнался за ней. Не имея никаких средств к защите, кроме двух орудий Гочкиса, яхта должна была рассчитывать только на свой 12-узловой ход и случайность. «Ренжер» имел ход до 11,5 узла, значит отставал очень немного, но зато на нем были два 64-фунтовых и одно 7-дюймовое орудие.

Не прошло и четверти часа погони, как с «Ренжера» раздался выстрел из носового орудия. В ответ на это яхта подняла русский военный флаг и продолжала бежать полным ходом из пролива. Первое ядро ушло недалеко у нее за кормой. Второе и третье легли близко по правому борту. Это доказывало, что на клипере прицеливаются порядочно и пока только пристреливаются. Оно действительно так и было, потому что следующие снаряды подряд начали попадать в яхту и последовательно снесли ей кормовой фальшборт, грот-мачту, часть мостика, пробили борт в нескольких местах, убили минного унтер-офицера, ранили трех человек, в том числе и лейтенанта Злобина.

Положение яхты ежеминутно становилось все опаснее, быстрее идти она не могла, а предпринять было нечего. Но случай и знание местности спасли яхту. Яхта прошла над 12-футовой мелью, а «Ренжер» налетел на нее.

Ровно через 8 суток в назначенном свидании яхта соединилась с «Русской Надеждой», встретившей на своем пути к Енгано голландский

пароход, от которого и узнали о гибели двух английских военных судов в Сингапуре от русских миноносок и о громадном пожаре в Новой гавани. Об «Агамемноне», впрочем, телеграфировали, что он не затонул благодаря исправности своих непроницаемых переборок, но надолго вышел из строя.

Еще через пару дней в заранее намеченной точке произошло рандеву «Русской Надежды» и «Сынка». Далее «Сынок» отправился в Тихий океан, а «Русская Надежда» двинулась к берегам Аравии.

На двенадцатый день плавания крейсер пришел к берегам Аравии на вид мыса Фартак. В тот же день, собрав у себя в каюте офицеров, капитан изложил им свой план нападения на английскую транспортную эскадру, которую надеялся подкараулить и встретить на пути из Адена в Карачи. В возможности этого, по словам капитана, его убедили как газетные известия, так и рассказы всех шкиперов нейтральных пароходов.

Миноноски были спущены на воду, вооружены и распределены между офицерами. Минные катера с крейсера – № 1 под командой лейтенанта Быкова и № 2 под командой лейтенанта Михайлова – должны были напасть и подвести каждый свои мины отдельно, выбрав жертвы из судов арьергарда неприятельского отряда. Оба катера с «Мура» под командой мичмана Федорова и лейтенанта Рыкина должны были действовать соединенно, напав на какое-нибудь судно в центре. А крейсер предоставил себе право выбрать противника из числа главных судов и должен был первым пустить свою мину и открыть огонь, чтобы привлечь на себя силы и внимание конвоя.

Сборным пунктом после атаки назначалось пространство между мысами Фартак и Шарвеин, а сами атаки предполагалось проводить по возможности в ночное время.

Два дня подряд перед заходом солнца крейсер «Русская Надежда» с катерами на буксире оставлял свой наблюдательный пункт у мыса Фартак, выходил на почтовый тракт и держался на нем до утра. Днем ничего не видели, ночью никто не встречался. Но третий день был счастливее, так как около полудня остановили и осмотрели замеченный пароход, оказавшийся германским. Он шел с различными грузами в Маскат. Шкипер его сообщил, между прочим, что одновременно с ним из Адена вышла английская эскадра в 12 военных транспортов с кавалерией и артиллерийскими запасами, эскадра шла под конвоем броненосцев «Монарха» и «Султана» и корвета «Ириса».

Получив эти сведения, капитан решил оставить немедленно Фартак, идти на встречу эскадре и напасть на нее даже среди дня, если бы обстоятельства того потребовали.

День, впрочем, прошел спокойно, и только перед спуском флага был снова осмотрен встречный пароход. Это было большое судно «City of Birmingham», застрахованное английским правительством и шедшее прямым рейсом из Ширнеса в Персидский залив с военным грузом, среди которого к величайшему удивлению нашли 50 маленьких легких стальных миноносок со всеми принадлежностями, в разобранном виде и упакованных для вьючной перевозки. Собрать и вооружить такую миноноску не составляло труда даже на крейсере, но на «City of Birmingham» для этого имелась легкая подвижная мастерская с достаточным количеством инструментов и мастеровых.

Для чего неприятель вез такое количество миноносок в Персидский залив, где царило полнейшее спокойствие? На этот вопрос никто из служащих на пароходе не дал никаких объяснений.

– Неужели они предназначались в Каспийское море? – спрашивали одни.

– А почему бы и нет? Представьте себе, что могли бы наделать они там и что бы мы им противопоставили на первое время! При этом вспомните, что мы сами перетащили миноноски из Кронштадта на Дунай, а из Аржантеля целых пять пароходов в Рени, через Австрию.

Этот интересный вопрос так и остался неразрешенным – до поры до времени. Покончив с призом, крейсер, не открывая ни одного огня, встретил третью ночь в точке 15,5° с. ш. и 52° в. д. Во втором часу ночи наконец заметили с крейсера приближающиеся с запада огни. Чем ближе эти огни, тем больше у капитана становилось уверенности, что он видит перед собой эскадру, о которой сообщил ему германский пароход.

Не прибавляя хода, крейсер тотчас же поворотил на 16 румбов и лег курсом, одинаковым с эскадрой, чтобы пропустить ее мимо себя и при этом осмотреть ее строй и состав. Все, что возможно было рассмотреть с расстояния двух кабельтовых, на котором держался крейсер, чтобы оставаться незаметным от проходящих судов, заключалось в том, что они шли в две растянутые колонны, в количестве 14 вымпелов. Впрочем, опытный глаз капитана, несмотря на темноту ночи, отличил по расположению огней и громадности всей фигуры головное судно правой колонны и признал его за броненосец.

Продолжая держаться тем же ходом и на том же расстоянии, капитан заметил еще одно судно, шедшее на траверзе той же правой колонны на довольно большом расстоянии, так сказать, только на виду огней и сигналов остальных судов. Без всяких колебаний капитан признал в нем посыльное или флагманское судно этой эскадры.

Осмотревшись, капитан отдал окончательные приказания миноноскам напасть по первому выстрелу с крейсера, согласно прежней диспозиции, на суда ближайшей колонны, то есть левой, и, напомнив место рандеву, приказал отваливать. Сам же крейсер, уклонившись влево и увеличив расстояние от эскадры, полным ходом обогнал ее, поворотил у нее под носом опять на 16 румбов вправо и направился своим форштевнем на «Монарха», так как этот броненосный фрегат действительно был передовым правой колонны.

Баковый часовой фрегата заметил крейсер впереди и моментально дал знать об этом вахтенному начальнику. Но за то время небольшое расстояние, разделявшее два судна, было уже пройдено, и борт «Монарха» оказался менее чем в полукабельтовых (90 метров) от крейсера. В ту же минуту две правые мины были пущены и сделан залп из шести орудий с той же стороны.

Оглушительный, страшный шум двух взрывов и залпа орудий в первый момент обезумил и остановил эскадру. Все суда вышли из строя и перемешались. Вслед затем замелькали электрические огни с разных сторон, отыскивая врага, ослепляя и вместе с тем сбивая друг друга.

В это время раздалось два минных взрыва, последовательно, через короткие промежутки, в конце эскадры, и затем учащенная пальба из орудий.

Судно, шедшее на траверзе (это был «Ирис»), поворотило налево и быстро несло к месту катастрофы «Монарха». Освещая его, оно указывало свое место и подставило свой правый борт крейсеру, не замечая его в тот момент, когда он находился на его траверзе на расстоянии не более кабельтова. Новый залп из левых орудий с добавлением двух мин Уайтхеда был пущен в борт «Ириса». Покончив с ним, крейсер полным ходом пошел к югу.

Среди скученной эскадры слышались крики и новые минные взрывы, перемешанные с артиллерийской пальбой. Можно было, наверное, предположить, что катера так или иначе окончили свое дело и направились уже к месту рандеву. Времени терять было нельзя.

Итак, не прошло и часа с момента встречи с неприятельской эскадрой, а дело было закончено. Отойдя мили на три к югу и не видя за собой никакой погони, крейсер лег на мыс Шарвеин. Капитана не интересовала более английская эскадра. Главной его заботой было теперь собрать своих помощников с миноносками.

Эскадра после этого ночного погрома была в ужасном состоянии. Весь экипаж крейсера видел бедственное положение «Монарха», а в роковых

последствиях двух мин и залпа для «Ириса» никто не сомневался. Великолепный транспорт «Кляйв», взорванный катером № 1, пошел ко дну со всем лошаадьми, а людей его спасали по мере сил и возможностей шлюпки товарищей по несчастью. Та же судьба постигла громадный пароход «Индия», взорванный катерами № 3 и № 4. Фрегат «Султан», шедший в хвосте эскадры, пострадал сравнительно немного, так как катер № 2 взорвал под ним только одну мину, проводники же другой мины были перебиты, а сам лейтенант Михайлов и его минеры были тяжело ранены выстрелами с «Султана».

К 10 часам утра все катера были собраны и подняты на места. На катерах № 3 и № 4 оба офицера и три матроса были серьезно ранены, так как они случайно попали в полосу электрического света одного из транспортов и получили залп целой батареи пушек Норденфельда с «Султана». Один только катер № 1 отделался благополучно.

Всем раненым была подана помощь, а сам крейсер снова поворотил к югу и пошел по направлению к Зондскому заливу.

Между тем «Сынок» у острова Беби встретился с русским судном снабжения «Лермонтов». На борт «Сынка» доставили уголь, мины и торпеды, а также приказ адмирала Казанцева вновь следовать в Индийский океан.

Затем «Сынок» оставил Пуло-Беби и направился к порту Карачи, топя и сжигая английские коммерческие суда и дорогие грузы, в большом количестве встречавшиеся ему на этом пути.

Через две недели «Сынок» подошел на вид мыса Муари, где и остановился в ожидании. Капитан Копыткин решил, собрав точные сведения от пленных, заградить в удобную минуту вход в Карачи и предоставить случай команде охотников с подходящего места испытать на английских судах новые стале-бронзовые мины Уайтхеда.

На наружном рейде, исполняя брандвахтенную службу, стоял фрегат «Шах». Но так как он стоял очень близко от мыса Манори, то, по словам Колобова, несмотря на строгую сторожевую службу фрегата, «Сынок» легко мог совершенно незамеченным под прикрытием ночи забросать вход в Карачи минами Герца, тем более что все эти последние, к счастью, имели автоматические вьюшки и, следовательно, об измерении глубины на рейде заботиться не было никакой надобности.

Гораздо труднее было бросить несколько мин Герца в самом узком месте пролива, выше брекватера^[41] на рейде Киамарии, так как он и день и ночь находился на глазах англичан. «Сынку» самому пробраться туда не было никакой возможности. Но и в этот раз случай помог успеху дела:

рыбаки-индусы предложили доставить несколько самых больших рыбацких лодок и потом, вместе с сетями, под носом англичан выбросить на рейд сколько возможно мин Герца.

В эту же ночь «Сынок» оставил мыс Муари и тихим ходом, не открывая ни одного огня, прошел в трех кабельтовых от фрегата «Шах», забрасывая вход на рейд Карачи минами Герца. Он бросил их со своих кормовых шлюп-балок, особо для этого установленных, и успел благополучно положить в шахматном порядке 140 штук на 80-футовом (25 м) расстоянии друг от друга. Затем, к восходу солнца, он был уже вне видимости судов и маяка Карачи на условленном randevу с минным офицером Колобовым, входа в один из глубоких рукавов Инда.

Лейтенант Колобов успел в ту же ночь бросить по 6 мин Герца на рейдах Манори и Киамарии и установить свои небольшие плотки с минными решетками, замаскировав их рыбацкими лодками и сетями, вдоль западного берега Андаи. Когда наступило утро, и горячее солнце осветило своими первыми лучами крышу Манорского маяка, Колобов заметил густой дым на горизонте и затем поднимающиеся и спускающиеся сигнальные флаги на флагштоке ближайшей батареи. Он понял, что береговой телеграф переговаривался с приближающимися судами.

Вскоре он начал различать рангоут и стал пересчитывать и сами суда. Впереди всех шел, как оказалось, наш старый ночной знакомый «Султан» под контр-адмиральским флагом, тяжело буксируя накренившийся и глубоко севший в воду «Монарх». За ними следовали в две тесные колонны десять громадных транспортов. Прошло некоторое время, и вся эскадра приблизилась к берегу. На «Шахе» проббили восемь склянок, подняли брам-реи, флаг и гюйс, а вместе с тем начали и салют контр-адмиральскому флагу.

Но каково было изумление «Шаха» и его экипажа, когда они услышали как бы в ответ на свой недоконченный салют страшный взрыв мины под килем «Султана». Злополучный капитан «Монарха», к своему несчастью, на этот раз не потерял присутствия духа и успел, обрубив буксиры и сильно рыскнув вправо, пройти два кабельтова вперед. Но этим маневром он погубил себя окончательно, так как наткнулся на вторую линию заграждения. Взорвавшаяся мина dokonала «Монарха» окончательно, и он пошел ко дну в виду пораженного ужасом «Шаха» и бедствующего «Султана».

Транспорты в испуге потеряли свой строй и руководствовались уже только чувством самосохранения, кто как умел, сообразно находчивости и способностям капитанов. Из них «Гималай» погиб на наружном рейде,

задев мину первого ряда заграждения, а «Британия» и «Оронтес», резавшие друг за другом в кильватер почти по борту «Султана» и «Монарха», так как считали этот путь уже очищенным и безопасным, были удачно поражены лейтенантом Колобовым, который при спуске мины не забыл вынуть предохранительной чеки, чего так боялся мичман Зенобин.

Остальные транспорты бросили якоря там, где они были в минуту гибели своих товарищей, и этим спасли себя от подобной же участи. Большой буксирный пароход, отваливший при первой тревоге от пристани Киамарии, наткнулся на мину там же на рейде и моментально пошел ко дну. Все это произошло в течение не более часа. Имея точное приказание щадить себя и людей, Колобов утопил остальные еще не спущенные мины Уайтхеда и, пройдя по берегу на восточную сторону острова Андаи, сел там в рыбацкую лодку и вовремя скрылся от преследования в разветвлениях Инда. Почти к вечеру, после утомительной гребли под палящими лучами солнца, эта голодная и измученная партия охотников вышла в море и наконец достигла борта «Сынка».

Идя к югу средним ходом, «Сынок» встретил в Камбрейском заливе английское деревянное судно «Коллингвуд» водоизмещением 1800 тонн. Весь груз его состоял из нефти в бочках и был адресован в Бомбей на имя торгового дома «Максфильд и К°».

В первую минуту капитан Копыткин хотел поступить с «Коллингвудом» так же, как он поступал до сих пор со всеми деревянными судами, признанными законными призами, то есть сжечь его. Но потом, после некоторого размышления, он решился употребить нефть более целесообразно с обстоятельствами времени.

Так как на «Коллингвуде» большая часть экипажа состояла из арабов и негров, очень мало или вообще незнакомых с политикой и не знавших английского языка, Копыткин оставил их на корабле, сняв с него только несколько человек британцев и послав взамен своих матросов. Лейтенант Лидин, живший три года в Лондоне и отлично владевший английским языком, был назначен капитаном «Коллингвуда», а Никитин – его помощником. Перемена личного состава в экипаже этого судна не могла в Бомбее возбудить ни малейшего подозрения, тем более что сам «Коллингвуд» шел первый раз в этот порт и бывший капитан его не знал ни одного лица того торгового дома, которому нефть была адресована.

Лидину приказано было идти в Бомбей, стать там на якорь, попасть в тот же день в порт и затем, выпустив всю нефть с «Коллингвуда», поджечь ее тем способом, которым делал это Никитин. Бомбей обладает лучшим портом на всем западном берегу Ост-Индии. Порт этот всегда переполнен

коммерческими судами, стоящими тесно друг подле друга. Там же находятся и самые главные военно-морские сооружения.

После погрома в Сингапуре и Карачи капитан Копыткин полагал невозможным с успехом напасть на этот город. По его предположению, англичане, наверное, сделались опытнее и осторожнее и, конечно, теперь хорошо охраняли днем и ночью вход в Бомбей. Но попытка произвести там пожар с помощью «Коллингвуда» делалась очень соблазнительной и успех чрезвычайно вероятным, хотя результаты пожара нефти казались многим сомнительными. Только один Никитин уверял, что если ему удастся выпустить нефть в гавани и если течением ее не унесет в море, то все стоящие там суда можно заранее считать погибшими, как деревянные, так и железные.

Для ускорения дела «Сынок» подвел на рассвете на буксире свой приз почти на вид самого Бомбея и поворотил в море. Пожар предполагалось сделать во время прилива, что приходилось на около полуночи. Офицеры со своими матросами должны были после поджога выйти на шлюпке в открытое море и по условным огням на «Сынке» и створам маяков найти его.

Тихо, под одними марселями, ведомый лоцманом, «Коллингвуд» вошел на Бомбейский рейд. Бойкий и сметливый саратовский уроженец, когда-то плававший на корвете «Быстром» вокруг света, рулевой Рыбалченко на все приказания лоцмана громко и вполне английским тоном отвечал: «Ес, сэр!» Во-первых, он очень хорошо заучил, что значили «star-board» и «port»^[42], а во-вторых, и Лидин при каждой команде лоцмана делал, как бы невольно, очень выразительный и точный знак рукой, куда класть руль. Других слов и разговоров между лоцманом и рулевым быть не могло.

Судно поставили на якорь на месте, указанном начальником порта. Все формальности прошли быстро и гладко.

Лидин был очень рад, когда, наконец, последний из портовых досмотрщиков оставил его судно. Но лишь только все убрались и начало смеркаться, Лидин приказал открыть трюмы и начал выпуск нефти. Главная работа заключалась в выбрасывании сломанных бочек на верхнюю палубу. Благодаря двойной порции коньяку, ничего не понимавшим арабам и усердию своих матросов работа шла успешно и быстро. В десятом часу начался прилив, и «Коллингвуд» поворотился кормой к гавани. Приподняв якорь и продрейфовав кабельтова два, он оказался почти в ней. Брошенная с корабля пустая бочка была унесена приливным течением в ту же гавань.

Тогда Лидин, собрав всех черных в свою каюту, запер их на замок во

избежание шума и непредвиденных случайностей и прорубил с обеих сторон борта у самой ватерлинии. «Коллингвуд» стал наполняться водой и медленно погружаться. Нефть, вытесняемая водой, поднялась наверх, выступила на палубу и хлынула в море через прорубленный верхний баргоут. Никитин со шлюпки молча и внимательно наблюдал за струей нефти и убедился наконец, что всю ее несет в гавань на стоящие там суда.

Пробило уже полночь на всех кораблях, а «Коллингвуд» все продолжал медленно уходить в воду. В неподвижном ночном воздухе уже чувствовался запах нефти, что не на шутку беспокоило Лидина, но он не торопился и ждал известий от своего товарища. Наконец в час ночи Никитин вернулся на «Коллингвуд», уже едва державшийся на поверхности воды.

– Пора, – тихо сказал он Лидину, – все готово.

Мигом все арабы были выпущены из-под замка и посажены на судовой барказ. Им сказано было, что судно тонет, и приказано было безостановочно, ради их же собственного спасения, грести против течения на ближайший маяк. Сам же Лидин со своей командой сел в вельбот и последним оставил злополучный «Коллингвуд». Сдавшись по течению в гавань, они опустили ведро и зачерпнули из-за борта воды. Но в ведре оказалось наполовину нефти. Теперь более тысячи тонн ее плавало на поверхности гавани, омывая борта отшвартованных в ней кораблей и пароходов.

– Я начинаю! – прошептал Никитин и, взяв румпель в свои руки, скомандовал в полголоса: – Весла на воду!

Шестерка тихо вышла из гавани. Никитин несколько раз пробовал рукой воду и затем, круто поворачив носом опять в гавань, велел сушить весла.

Он взял в обе руки по несколько кусков калия и бросил их далеко от себя в воду. То же самое и по тому же направлению сделали и оба боковых гребца.

Синеватые струйки огня, как тонкие змейки, забегали и запрыгали по тихой зеркальной поверхности моря по направлению к спящей гавани.

В эту же полночь «Сынок» малым ходом подошел на вид огней Бомбея. Капитан и весь экипаж с напряженным вниманием смотрели вдаль, на ярко освещенный город. Но этот многолюдный широко раскинувшийся и богатый город не занимал их теперь нисколько. Все без исключения думали о своих товарищах и их трудном предприятии. Прошел час. Но в половине второго капитан с мостика заметил какое-то неестественное освещение воды под самым городом.

Вначале это освещение то вспыхивало, то погасало, но потом море на

большом пространстве сразу как-то зажглось ярким красным светом. С неимоверной быстротой этот свет обратился в высоко поднявшееся над водой пламя, более и более росшее в длину и ширину. Общий говор, сдержанный и глухой, но довольно веселый, прошел по палубе «Сынка». Все поняли, что это горит нефть в гавани Бомбея. Капитан дал ход вперед и наблюдал далее, обмениваясь живыми фразами со штурманом и старшим офицером.

По мере того как «Сынок» приближался к городу, огонь рос и рос. Теперь уже было видно с его палубы, что кроме воды горят и суда в гавани. Шум и крики, как отдаленный прибой бурунов, уже достигали ушей Копыткина и его сослуживцев. Прошло еще несколько минут, и «Сынок» остановил ход.

Между тем необъятное море огня гуляло и разливалось впереди «Сынка». Чудовищное зарево поднялось над Бомбеем. Адский шум, крики и проклятия носились в воздухе. По мере того как этот страшный шум и пожар росли и увеличивались, на «Сынке» становилось тише и тише. Экипаж его в первый раз делался свидетелем такого невообразимого бедствия. Какой-то суеверный ужас постепенно овладевал всеми, от капитана до матроса.

Через пару часов вельбот достиг «Сынка». Сразу после подъема вельбота Копыткин повел судно в открытое море.

На следующее утро с «Сынка» заметили на горизонте за кормой густой дым и очень стройный, высокий рангоут. Приближавшееся судно, бесспорно, было военное. Прежде нежели механик успел доложить капитану о стуке в цилиндре, поступил приказ дать самый полный ход. Петр Михайлович был старый служака. Стоя между офицерами на юте, он убедился, что к «Сынку» в кильватере идет военное судно, и что легко, может быть, теперь наступил момент рискнуть отдаться во всем на волю Божию.

Прошло еще полчаса, судно нагоняло «Сынка» и, находясь в двух или двух с половиной милях, подняло свой флаг – английский. «Сынок» ответил тем же и начал прибавлять ходу.

Неприятель приблизился еще немного, и Копыткин безошибочно определил тогда, что это был корвет «Ровер», вооруженный шестнадцатью 6-фунтовыми бортовыми орудиями и двумя 7-дюймовыми на поворотных платформах в носу и на корме. Копыткин был очень доволен тем, что он имел на корме два орудия. Правда, они были только 6-дюймовые, но зато дальнобойные, и стрельба из них могла быть чаще неприятельской.

Теперь, когда «Сынок» шел полным ходом, расстояние между судами

почти вовсе не изменялось. По-видимому, их разделяло 10 кабельтовых, не более. Такое расстояние, по крайней мере, назначил капитан комендорам кормовых орудий, решившись отвечать англичанам. Прошло довольно много времени, и оба судна, нанося незначительный вред друг другу, продолжали идти прежним курсом на расстоянии 10 кабельтовых друг от друга.

В правом цилиндре «Сынка» стук усиливался более и более. Механик после тщательного наблюдения за этим стуком пришел к заключению, что ослабла гайка поршня. Безусловно, необходимо было нажать эту гайку, а для этого нужно было открыть крышку цилиндра, значит, остановить машину по меньшей мере на полчаса, а как и кто мог теперь потребовать от Копыткина, чтобы он подставил свое неподвижное судно огню неприятеля. Тяжела была обязанность механика, но необходимость заставляла доложить капитану положение дела. Сделав это, он получил приказание пока уменьшить ход до 10 узлов.

Капитан «Сынка» ввиду крайней необходимости решился переменить тактику. Он положил право на борт и, поворотив на 16 румбов, пошел прямо навстречу «Роверу», готовясь дать залп из своего правого борта с расстояния не более 200 сажень (430 м) и наведя орудие в ватерлинию английского корвета. Копыткин, выслушав своего механика, пришел к заключению, что пока еще его судно располагает каким-нибудь ходом, успех боя зависит от меткости прицельного огня, а он знал хорошо своих комендоров и вполне рассчитывал на них.

«Роверу», по-видимому, не понравилась такая тактика, тем более что она была неожиданна, но он теперь уже не мог ничего сделать другого, как приготовиться дать отпор. При сближении судов первыми открыли быстрый и непрерывный огонь скорострельные пушки с «Ровера» и марсовые орудия с «Сынка», а затем почти одновременно раздались залпы с обоих противников.

Страшное и жесткое опустошение пронеслось над палубами «Сынка». Ни один из десяти снарядов «Ровера» не пролетел даром, не сломав, не убив или не исковеркав чего-либо. Два бортовых орудия были приведены в полную негодность, борт пробит в пяти местах над самой ватерлинией, труба пробита. Одна бомба взорвалась в каюте капитана, по счастью пустой. Сам Копыткин был ранен. Но не собственные страдания от раны, не вид убитых и раненых своих товарищей теперь интересовали и занимали его. Он сознавал, что страшный момент для его судна миновал, не принесся ему гибели. Машина шла тем же ходом, трюмы не наполнились водой, руль свободно переключался в борта на борт.

Затем все внимание Копыткина обратилось на противника. Он заметил, что «Ровер», пройдя траверз, быстро покатился вправо. Копыткин ожидал и боялся этого. Английскому корвету было гораздо выгоднее, пользуясь своим преимуществом в ходе, идти за «Сынком», громя его из своего носового 7-дюймового орудия и посылая по временам залпы то правого, то левого борта. «Что теперь предпринять?» – думал Копыткин, следя за «Ровером» и выслушивая доклад механика об увеличивающемся стуке в цилиндре и о невозможности идти далее даже до десяти узлов.

Но вдруг Копыткин заметил, что английский корвет производит необыкновенные действия, не предвиденные никакими тактиками. Придя в кильватер «Сынка», он все продолжал катиться вправо и вправо, описывая полную циркуляцию и не прекращая огня.

При второй подобной же циркуляции, по-видимому, уже с уменьшенным ходом, Копыткин убедился, что на «Ровере» случились серьезные повреждения в руле. В тот момент, когда «Ровер» получил попадание, его руль и заклинило в этом положении. Волею случая корвету оставалось одно из двух: или оставить ход вовсе, или вертеться вроде волчка впродолжение до исправления руля. По-видимому, он избрал последнее.

Копыткин решил воспользоваться временным затруднением неприятеля, и он с величайшим риском для своей машины приказал увеличить ход. Поворотив опять на 16 румбов и воспользовавшись тем моментом, когда «Ровер» невольно сделал по нем залп со своего еще целого левого борта с расстояния не более 300 кабельтовых. Потом, приблизившись до полукабельтова, под страшным градом выстрелов скорострельных неприятельских орудий, теряя в большом количестве убитыми и ранеными прислугу своей открытой батареи, Копыткин удачно пустил с полубака метательную мину, разорвавшуюся под машинным отделением «Ровера». 80-фунтовая пироксилиновая мина на этот раз верно сослужила свою службу и положила конец смертельному бою. Штурманский офицер Гаганов, стоявший все время с секстаном на мостике для определения расстояний, первый заметил, что «Ровер» начал тонуть.

Капитан «Сынка» долго не верил своим глазам, так как неприятель, по-видимому, сам не замечая своей гибели, продолжал бой с величайшим ожесточением. Но роковой конец приближался, и уже ничто не могло спасти английский корвет. Его водоотливные средства, отчасти испорченные взрывом, оказались ничтожными в сравнении с прибылью воды в отверстие, сделанное миной. Раздался последний выстрел с «Ровера», и он, как бы от ужаса предстоявшего ему шага, вздрогнул всем корпусом и, нагнувшись немного направо, пошел ко дну экипажем. С

«Сынка» были немедленно посланы шлюпки для спасения англичан, которые еще могли остаться на воде, держась на обломках или всплывших койках погибшего корвета.

Через полчаса все было закончено, и возвратившиеся катера привезли 50 человек, оставшихся в живых, из трехсот, составлявших экипаж «Ровера». Пока спасали и подбирали с воды англичан, механик успел поправить цилиндр. Подняв шлюпки и разместив пленных, «Сынок» лег на старый курс и пошел обыкновенным средним ходом.

Итак, победа была полная. Но дорого досталась она. Старший офицер был тяжело ранен. лейтенант Никитин был убит при спуске метательной мины. Он пал последней жертвой этого боя. Мичман Зенобин и артиллерийский офицер, смертельно раненные у своих орудий, томились в предсмертной агонии в кают-компани. Из 130 человек 25 оказались убитыми и более 40 ранеными.

Между тем «Русская Надежда» у берегов Новой Гвинеи встретила с отрядом русских крейсеров, от которых получила известие о заключении мира с Англией. Одиннадцатимесячное рейдерство «Русской Надежды» подошло к концу. Капитан Сорокин произведен был в контр-адмиралы, старший офицер Кононов – в капитаны 2 ранга с назначением командиром крейсера. А сам крейсер получил высшую награду. Он поднял славный георгиевский флаг и должен был увековечить имя «Русская Надежда» в русском флоте по примеру «Азова» и «Меркурия».

Глава 4.

Почему русские корсары не топили японцев

Прочитав рассказ о победах «Русской Надежды» и ее «Сынка», иной читатель усмехнется и скажет, что это патриотическая сказка, а может, даже сравнит с небезызвестным фильмом «Если завтра война...». Но давайте попробуем сравнить «сказку» Беломора с былью, а конкретно – с действиями германских рейдеров в 1940–1943 гг.

С 31 марта 1940 г. (рейдер «Атлантис») по 21 мая 1943 г. (рейдер «Мишель») на коммуникации англичан и американцев вышло 9 рейдеров, из которых «Тор» и «Мишель» сделали по два рейда.

За три года они потопили 139 (по английским данным) торговых судов противника общим тоннажем свыше 850 тысяч тонн водоизмещения, а также новейший английский крейсер «Сидней».

Во время крейсерства (потери при входе и выходе из мест базирования не учитываются) союзникам удалось потопить 4 рейдера – «Атлантис», «Пингвин», «Корморан» и «Стиер».

Что же представляли из себя германские рейдеры? Это были переоборудованные сухогрузы водоизмещением от 7500 до 17 600 тонн, имевшие максимальную скорость хода от 14 до 18 узлов. Вооружение их было стандартное: шесть 15-см пушек, которые раньше состояли на вооружении кайзеровского флота.

Помимо охоты за торговыми судами германские рейдеры осуществляли минные постановки. Для атаки судов противника активно использовались торпедные катера типа LS. Вспомним о минных постановках «Русской Надежды» и «Сынка» и об использовании ими трофейных английских миноносков. Реально же русские крейсерские суда несли на борту минные катера еще с 1878 г.

Британский крейсер «Сидней» был вооружен восемью новейшими 152-мм пушками в четырех башенных установках и четырьмя 102-мм пушками, а также восемью торпедными аппаратами. Броневой пояс крейсера имел толщину 102 мм, а толщина палубной брони составляла 51 мм. Скорость крейсера 32,5 узла.

«Корморан» не имел броневой защиты, его максимальная скорость составляла 18 узлов, а фактически после долгого плавания он едва выжимал 14 узлов. Вооружение его состояло из шести старых 150/45-мм пушек и четырех торпедных аппаратов. А самое главное, рейдер был

перегружен минами заграждения и мог взлететь на воздух от одного удачного попадания «Сиднея».

Тем не менее командир рейдера капитан Теодор Детмерс решил принять бой. «Корморан», маскируясь под голландское судно, сумел сблизиться с «Сиднеем» на дистанцию 1800 м и открыл огонь. В ходе боя торпеда с рейдера поразила «Сидней». В свою очередь четыре торпеды, выпущенные крейсером, прошли мимо «Корморана».

Бой продолжался около двух часов. Оба судна охватил пожар. В 18 ч. 30 мин. объятый пламенем «Сидней» вышел из боя и направился на юго-восток. В 22 часа германские моряки увидели за горизонтом, там, где скрылся «Сидней», яркую вспышку, а через несколько секунд донесся звук взрыва. Больше никто не видел крейсера. Все 650 человек его команды бесследно исчезли.

К полуночи пожар на «Корморане» усилился, огонь подбирался к минным погребам. Детмерс приказал команде покинуть судно. Из четырехсот (по другим источникам 393) членов команды рейдера было подобрано проходящими судами или самостоятельно достигло австралийского берега 315 (по другим сведениям 320) человек.

Следует заметить, что соотношение сил и возможностей между рейдерами и британскими силами, противостоящими им, с 1885 г. по 1940 г. резко изменилось в пользу англичан. Как видим, артиллерия рейдеров за эти 55 лет изменилась ненамного. У английских же крейсеров в 1885 г. в подавляющем большинстве были дульнозарядные пушки против русских орудий образца 1877 г. А к 1940 г. на английских крейсерах стояли новейшие пушки в бронированных башнях, а их баллистика была существенно лучше, чем у германских пушек на рейдерах.

В 1885 г. скорость русских крейсерских судов и пароходов Добровольного флота мало отличалась от скорости британских броненосцев и крейсеров. Зато в 1940 г. английские крейсера имели двойной перевес в скорости над германскими рейдерами (32–34 узла против 14–18 узлов). Наконец, наличие парусов позволяло у русских крейсерских судов резко увеличить автономность.

А главное, что в 1940–1943 гг. англичане активно использовали авиацию, радиосвязь и радиолокацию. Хотя на германских рейдерах и были радиостанции, радары и даже легкие гидросамолеты, все эти нововведения на 99,9% сыграли на руку англичанам.

Наконец, вспомним, что первый германский рейдер вышел только 31 марта 1940 г., то есть ровно через 7 месяцев после начала войны, когда Англия и ее союзники отобилизовали свои флоты, береговую оборону,

создали систему конвоев и т.д. Представим на секунду, что было бы, если бы немцы заблаговременно в августе 1939 г. отправили 20–30 рейдеров в океан. И с объявлением войны эти рейдеры обрушились бы на коммуникации врага.

А наше Морское ведомство всегда имело возможность заранее вывести крейсера в заданные районы мирового океана.

Казалось бы, «теорема доказана». Но, увы, все предыдущие рассуждения автора оказываются несостоятельными после простых вопросов: а почему мы так позорно проиграли Русско-японскую войну? где был наш хваленый крейсерский флот?

Главная и решающая причина позорного поражения России в войне с Японией – полная разруха в головах царя, его министров, генералов и адмиралов.

Возрождению русского флота после Крымской войны немного способствовали либеральные идеи и реформы Александра II и его брата Константина, которым было тогда 37 и 28 лет. Реакция же Александра III стала тормозить развитие нашего флота, а главное, резко усилилась косность мышления наших адмиралов.

Русские корсары могли за полгода покончить с Японией. И это не авторская гипотеза. Давайте прикинем: в 1902 г. из собственного сырья железной руды Япония была в состоянии выплавить 240 тысяч тонн чугуна и добывала всего 10 миллионов литров нефти. Потребность страны в том же году составила 1850 тысяч тонн чугуна и 236 миллионов литров нефти. Стоимость импорта черных металлов и металлоизделий в 1901 г. составила 24 406,5 тысячи йен, нефти и нефтепродуктов – 15 миллионов йен, машин и оборудования для промышленных предприятий – 16,6 миллионов йен, шерсти и шерстяных изделий – 12 миллионов йен. А всего эти четыре вида товаров, имеющих важное значение для военно-экономического потенциала, обходились Японии в 73 006,5 тысячи йен, или 54,1% всей стоимости импорта в 1901 г.

В годы войны почти все тяжелые орудия, включая 11-дюймовые гаубицы, были получены Японией из-за рубежа. В 1904–1905 гг. в Японию было ввезено огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки и торпеды и даже подводные лодки.

С другой стороны, Япония расположена на десятках островов, ее береговая линия составляет тысячи миль. Большинство ее городов находится на побережье в пределах досягаемости 152/45-мм пушек Кане. Страна в значительной мере зависит от рыболовства.

Все это было хорошо известно русским политикам и адмиралам

задолго до 1904 года. Прервав морские коммуникации японцев и напав на ее побережье, можно быстро поставить на колени Страну восходящего солнца. Так, кстати, и сделали американцы в 1943–1945 гг. Их надводные корабли и подводные лодки и самолеты действовали по принципу «Sink them all» («Тоги их всех» – *англ.*) и пускали на дно все суда, идущие в Японию или из нее, невзирая на национальность.

К концу 1903 г. в составе Добровольного флота насчитывалось 74 парохода водоизмещением от 900 до 15 000 тонн.

Россия вполне могла к концу 1903 г., переоборудовав в угольщики (суда снабжения) часть пароходов Добровольного флота и зафрахтовав для этого часть угольщиков, например германских, создать тайные склады снабжения на бесчисленных тихоокеанских островах, на Камчатке и Сахалине. Кроме того, Китай с 1904 г. был уже достаточно децентрализован, и туземные китайские начальники за хорошие деньги всегда бы продали русским крейсерам уголь, пресную воду, продовольствие и даже девиц для господ офицеров. Своевременный выход броненосцев, броненосных и вспомогательных крейсеров в океан и порты Китая в начале 1904 г. стал бы отличным козырем в дипломатических переговорах и исключил бы нападение Японии.^[43]

Не поздно было начать крейсерскую войну и после нападения японцев на Порт-Артур. На Балтике к тому времени находилось несколько броненосцев и крейсеров, которые устарели для линейного боя с современными японскими броненосцами и были бы обузой для 2-й Тихоокеанской эскадры, но вполне годились бы для крейсерской войны. Среди этих кораблей были броненосцы «Александр II» и «Николай I», введенные в строй в 1891–1893 гг. Водоизмещение их составляло 9244 и 9600 тонн, вооружение: две 305/30-мм, четыре 229/35-мм, восемь 152/35-мм пушек, а также несколько бесполезных 65-, 47- и 37-мм пушек. Скорость хода броненосцев достигала 14,5–15 узлов, дальность плавания – до 4000 миль при нормальном запасе угля.

«Николай I» был включен в состав 3-й Тихоокеанской эскадры, захвачен японцами в Цусиме и под названием «Ики» находился до мая 1915 г. в составе японского флота.

«Александр II» прибыл в Кронштадт из последнего дальнего плавания в сентябре 1901 г. и встал на ремонт. В декабре 1903 г. была закончена замена котлов. В 1904 г. всю артиллерию, кроме двух 305-мм пушек, заменили на одну 203/45-мм, десять 152/45-мм, четыре 120/45-мм и четыре 47-мм пушки. Кстати, в 1915 г. десять 152-мм пушек заменили на пять 203-мм.

152/45-мм и 203/45-мм установки были палубными тумбового типа. Монтаж и демонтаж их проводили легко и быстро. В годы Гражданской войны и белые, и красные производили монтаж 152-мм и 203-мм пушек на мобилизованные суда и бронепоезда за одни-двое суток. 152/45-мм пушек Кане было более чем достаточно. Это и новые пушки, изготовленные Обуховским и Пермским заводами. Это пушки кораблей Черноморского флота «Потемкин», «Кагул», «Очаков», «Три Святителя» и др. Наконец, десятки 152-мм пушек Кане можно было взять в береговых крепостях – Кронштадте, Либаве, Севастополе и др. Береговые 152-мм пушки Кане отличались от корабельных мелкими деталями. К примеру, сейчас на крейсере «Аврора» в Петербурге большая часть 152-мм пушек – это пушки сухопутных крепостей, но вряд ли во всем СНГ найдется хоть дюжина специалистов, способных отличить их от рядом стоящих корабельных пушек.

Так что «Николай I» и «Александр II» могли выйти в крейсерство из Кронштадта уже весной 1904 г., вооруженные современными 152/45-мм и 203/45-мм пушками. Эти броненосцы могли стать легкой добычей японских броненосцев, но были вполне способны поразить броненосный крейсер и гарантированно разнесли бы в щепки японские суда береговой обороны, включая «Чин-Иен» и «Фуси».

К 1904 г. в строю на Балтийском флоте находились броненосные крейсера:

«Владимир Мономах»^[44], вступил в строй в 1883 г., водоизмещение 6000 т, вооружение: 5 – 152/45, 6 – 120/45-мм орудий;

«Дмитрий Донской»^[45], вступил в строй в 1885 г., водоизмещение 6200 т, вооружение: 6 – 152/45-мм, 10 – 120/45-мм орудий;

«Адмирал Нахимов»^[46], вступил в строй в 1887 г., водоизмещение 8300 т, вооружение: 8 – 203/35-мм, 10 – 152/35-мм орудий;

«Адмирал Корнилов», вступил в строй в 1889 г., водоизмещение 5377 т, вооружение: 14 – 152/35-мм орудий;

«Память Азова», вступил в строй в 1890 г., водоизмещение 6734 т, вооружение: 2 – 203/35-мм, 13 – 152/35-мм орудий.

Имелось и несколько судов меньшего тоннажа, но вполне годившихся в рейдеры. Это яхта «Алмаз», построенная в 1903 году. Ее водоизмещение составляло 3885 т. Вооружение в Цусиме состояло из четырех 75/50-мм и восьми 47-мм пушек, но в 1915 г. она несла семь 120/45-мм пушек и четыре гидросамолета.

Яхта «Полярная Звезда» 1891 года постройки водоизмещением 4000 т.

К 1904 г. была императорской яхтой, но проектировалась как яхта-крейсер и по проекту должна была нести после мобилизации восемь 152/35-мм, четыре 9-фунтовые и шесть 47-мм пушек, а также два торпедных аппарата.

Яхта «Штандарт», вошедшая в строй в 1896 г. Водоизмещение ее 5500 т. К 1904 г. была императорской яхтой. В 1930-х годах большевики переделали яхту в минный заградитель. Ее вооружили четырьмя 130/55-мм пушками, семью 76-мм зенитными установками 34К и четырьмя 45-мм пушками. Запас мин – 516 образца 1908 г.

В 1904 г. профессор Военно-морской академии по кафедре стратегии Н.Л. Кладо неоднократно обращался в инстанции с предложением об обращении императорских яхт в крейсера. Отчаявшись, он даже написал об этом статью в газету «Новое Время», за что был немедленно отправлен под арест.

Замечу, что царь-батюшка и его августейшая родня в случае ухода «Полярной Звезды» и «Штандарта» на Дальний Восток не остались бы без морских прогулок. Только на Балтике в строю были императорские яхты «Царевна» (678 т), «Стрела» (290 т), «Марево» (51 т) и «Александрия» (544 т). Однако в ходе войны никто более не посмел и заикнуться о мобилизации «Штандарта» и «Полярной Звезды». Мало того, «принц-бастард» Е.И. Алексеев^[47] решил и себе занять океанскую яхту.

1 августа 1903 г. в списки крейсеров 2 ранга был включен один из лучших пароходов Добровольного флота «Москва». Он получил название «Ангара» и был вооружен шестью 120/45-мм и шестью 75/52-мм пушками. Но не тут-то было! Наместник приказал сохранить роскошную деревянную отделку судна, его пассажирские каюты и фактически превратил «Ангару» в свою яхту. Поэтому такой ценный крейсер водоизмещением 12 050 т, имевший максимальную скорость хода 20,1 узла и дальность плавания 5160 миль при 12,5-узловом ходе было приказано держать в Порт-Артуре, а не во Владивостоке, где он мог принести огромную пользу.

Кроме военных судов и яхт в крейсера можно было обратить и несколько пароходов Добровольного флота, а также пассажирских судов, закупленных за границей. Причем все возможности для этого имелись. Российские финансы к 1904 г. были в полном порядке, денег хватило бы и на покупку сотни пароходов.

А где взять личный состав для крейсеров? Традиционно в случае войны происходила мобилизация экипажей торговых судов. Но это само собой. Кроме того, в России имелось два источника, откуда можно было получить тысячи хорошо подготовленных матросов и офицеров. Это старые корабли Балтийского и все суда Черноморского флота.

К 1904 г. в составе Балтийского флота состоял ряд кораблей (формально они считались броненосцами береговой обороны) постройки 60–70-х годов XIX века, которые уже не представляли никакой боевой ценности. Орудия главного калибра этих броненосцев стали опасны только для их прислуги, а не для противника. Речь идет о броненосцах «Первенец», «Кремль», «Чародейка», типа «Адмирал Грейг» (4 единицы); устаревших крейсерах 1-го ранга «Князь Пожарский», «Минин», «Генерал-адмирал», «Герцог Эдинбургский»; устаревших крейсерах 2-го ранга «Азия», «Африка», «Вестник» и других.

Можно было взять часть экипажей и снять торпедные аппараты с ряда малых миноносцев Балтийского флота, которые были не способны идти на Дальний Восток.

Огромный запас личного состава и вооружения для войны на Дальнем Востоке представлял Черноморский флот. В мае 1904 г. контр-адмирал З.П.Рожественский поднял вопрос об отправке двух черноморских броненосцев «Потемкин» и «Три Святителя», а также минного заградителя «Дунай» с несколькими миноносцами на Дальний Восток. Однако из рапорта командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухина стало известно, что и такой небольшой отряд невозможно подготовить к сроку: «Потемкин» еще достраивался, а готовившийся ему на замену эскадренный броненосец «Ростислав» требовал переделки отопления котлов с нефти на уголь – общее топливо для отправляемой эскадры. Остальные суда, по мнению Чухина, можно было приготовить к 1 августа 1904 г.

Главной же причиной отказа от посылки кораблей Черноморского флота на Дальний Восток стала трусость русского министра иностранных дел Ламздорфа и его коллег. Они представили в Морское ведомство резюме: «В общем, стало быть, получилась бы следующая картина: тяжелая война с Японией, требующая все большего напряжения морских и сухопутных сил; разрыв добрых отношений с Турцией; столкновение русского и английского флотов в Средиземном море и, наконец, война с Афганистаном и Великобританией в Средней Азии».

В этом «резюме» все было поставлено с ног на голову. Это англичане еще во времена Павла I смертельно боялись похода русских на Индию. Главное же в другом: на Даунинг-стрит, в отличие от Певческого моста (где располагалось Министерство иностранных дел России) и Царского Села, никогда не было дураков. Там прекрасно понимали, что такое Порт-Артур и что такое Булонь и Антверпен, куда в случае войны неизбежно пришли бы русско-германские войска.

Англичане желали поражения России в войне с Японией, но они никогда не вступили бы в войну на стороне Японии. Об этом говорят и мемуары британских руководителей, и раскритикованные ныне документы. Главным противником Британии уже тогда была Германия, а Россия представлялась единственным средством для ее укрощения.

Справедливости ради надо сказать, что противодействие Англии проходу военных русских судов через турецкие проливы и трусость наших дипломатов (и Николая II, разумеется!) не были фатальными для России. Под командованием столь бездарного флотоводца, как Рожественский, «Три Святителя» и «Ростислав» не смогли бы изменить ход Цусимского сражения. Но зато без всяких проблем через проливы и по железной дороге из Черноморского флота и береговых крепостей можно было свободно вывезти десятки 152-, 120- и 75-мм пушек Кане, сотни снарядов калибра 37–305 мм, торпедные аппараты, торпеды, мины заграждения и, наконец, тысячи хорошо обученных матросов, а также крепостных артиллеристов и минеров (наши крепости имели свои морские мины и минные заградители).

Элементарный расчет показывает, что несколько десятков русских крейсеров могли поставить Японию на колени еще в 1904 г., до похода 2-й Тихоокеанской эскадры. В 1904 г. японский флот должен был сторожить порт-артурскую эскадру и владивостокские крейсера, а также обеспечивать коммуникации между Японией, Кореей и Маньчжурией, где находились многочисленные японские армии. Поэтому выделить достаточных сил для противодействия русским крейсерам японцы физически не могли.

Следует заметить, что робкие попытки ведения корсарской войны у нас предпринимались.

Состоявшееся 13 февраля 1904 г. «особое совещание» признало возможным проведение таких операций с привлечением либо мобилизованных и вооруженных быстроходных пароходов Добровольного флота, либо судов, специально закупленных за границей. Общее руководство по организации и проведению крейсерских операций было поручено контр-адмиралу великому князю Александру Михайловичу.

Среди великих князей Александр Михайлович слыл самым «великим комбинатором», бравшимся за все что угодно, но, в отличие от Остапа Бендера, не доводившим ничего до конца. В довершение всего он был буквально на ножах с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем, причем оба систематически стучали друг на друга обожаемому Ники (Николаю II).

Для проведения предполагаемых операций было вооружено шесть

вспомогательных крейсеров. В Либаве переоборудовались четыре приобретенных за границей судна – вспомогательные крейсера «Дон», «Урал», «Терек» и «Кубань», в Севастополе – два парохода Добровольного флота «Петербург» и «Смоленск». «Дон», «Урал» и «Кубань» были построены в Германии, а «Терек», «Петербург» и «Смоленск» – в Англии.

«Кубань» имела водоизмещение 12 000 тонн, скорость хода 18,5 узла, вооружение: два 120-мм и четыре 75-мм орудия. Водоизмещение «Дона» составляло 10 500 тонн, скорость хода 19,5 узла, вооружение: два 120-мм, четыре 75-мм и восемь 57-мм орудий.

«Урал» также имел водоизмещение 10 500 тонн, скорость хода его была 19 узлов, вооружение состояло из двух 120-мм, четырех 75-мм и восьми 57-мм орудий.

«Терек» водоизмещением 10 000 тонн развивал скорость хода 19 узлов и имел на вооружении два 120-мм, четыре 75-мм и восемь 57-мм орудий.

Водоизмещение «Петербурга» было 9460 тонн, скорость хода 19 узлов, вооружение: семь 120-мм, восемь 47-мм и десять 37-мм орудий.

«Смоленск» водоизмещением 12 050 тонн развивал скорость до 20 узлов и был вооружен восемью 120-мм, семью 75-мм и четырьмя 47-мм орудиями.

Для крейсеров Балтийского флота районом проведения операций был определен Атлантический океан (у северо-западного побережья Африки, островов Зеленого Мыса и Гибралтарского пролива). Черноморские крейсера должны были оперировать в южной части Красного моря и у восточного побережья Африки.

20 июня 1904 г. «Петербург», а 22 июня «Смоленск» под флагами Добровольного флота вышли из Севастополя. Благополучно пройдя Проливы и Суэцкий канал, они вошли в Красное море. Здесь пароходы подняли военно-морские флаги и начали установку артиллерии, спрятанной до этого в трюмах. Вспомогательным крейсерам (по классификации российского флота крейсерам 2-го ранга) ставилась задача останавливать в южной части Красного моря, в районе островов Джебель-эт-Таир (Таир), Зубейр (Зебеир) и Зукар (Цукур), грузовые суда и досматривать их на предмет наличия на борту военной контрабанды. Поиск, досмотр и задержание судов нейтральных государств предполагалось производить на основании данных, полученных из Главного морского штаба через специальных агентов, работу которых возглавлял контр-адмирал в отставке П.И. Пташинский.

В 10 ч. 15 мин. 30 июня у острова Малый Ханиш «Петербург» остановил английский пароход «Малакка». Для проверки документов на

пароход сошла призовая партия. На борту «Малакки» была обнаружена военная контрабанда: около двухсот стальных плит, мостовые части, электрический кран, стальные валы, телеграфная проволока, машины, назначение которых в документах не указывалось, а также спирт, консервы, галеты, кислоты и прочий груз, отмеченный в документах как «разное». Груз был адресован в Кобе, Йокогаму и Моджи. В итоге пароход был арестован, и призовая партия решила отвести его в Либаву.

До 15 июля «Петербург» и «Смоленск» арестовали в Красном море еще три парохода с грузом военной контрабанды. Помимо этого 2 июля «Смоленском» был остановлен для осмотра германский пароход «Принц Генрих». Призовая партия изъяла с парохода всю почту, адресованную в Японию, и отпустила «Принца Генриха» по назначению.

7 июля английский посол в Петербурге передал российскому МИДу ноту британского правительства, в которой указывалось на незаконность захвата парохода «Малакка», якобы не имевшего на борту контрабандного груза. 10 июля в Петербурге состоялось совещание по поводу захвата этого парохода. До принятия решения арестованным пароходам было передано приказание оставаться в Суэце.

Одиннадцать министров и представителей правительства под председательством генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича рассмотрели вопросы, связанные с проходом через Босфор и Дарданеллы русских вспомогательных крейсеров и задержанием ими в Красном море иностранных пароходов. Мнения участников совещания разделились. Министр иностранных дел Ламздорф предлагал освободить пароходы, и если приказ о прекращении крейсерства запоздает и аресты судов некоторое время будут продолжаться, то их, по мнению министра, не следует признавать. По вопросу прохода вспомогательными крейсерами черноморских проливов Ламздорф отметил необходимость решения вопроса о статусе Добровольного флота и заметил, что «не стоило коммерческие суда обращать на полпути в военные». В заключение он сообщил, что англичане не возражают против совместного осмотра «Малакки», однако если захваченные пароходы не будут освобождены, то разрыв дипломатических отношений между Англией и Россией неизбежен.

Ламздорфа поддержал министр финансов В.Н. Кокорцев, считавший, что вопрос об использовании судов Добровольного флота в качестве крейсеров должен решаться в мирное время. Если же до начала боевых действий суда не были включены в списки военного флота, то в ходе войны допустимо их использовать только в качестве транспортов.

Военно-морское начальство отстаивало правомерность своих

действий. Генерал-адмирал ссылаясь на аналогичный случай с пароходом Добровольного флота «Москва» во время боевых действий в Китае. В 1900 году, следуя на Дальний Восток, «Москва» также прошла черноморскими проливами и подняла военно-морской флаг в Красном море, но никакого протеста со стороны англичан, тогда союзников России, не последовало. Алексей Александрович отметил также, что решительность Великобритании объясняется принадлежностью «Малакки» к обществу «Peninsular and Oriental Steam Navigation Co» – самой влиятельной компании, «акционерами которой состоят почти все влиятельные в Англии лица, не исключая короля».

Великий князь Александр Михайлович сказал, что фактом освобождения арестованных пароходов Россия только признает неправомочность своих действий, а эти пароходы с грузом военной контрабанды все равно будут отправлены в Японию.

Профессор международного права подполковник И.А. Овчинников напомнил, что англичане вначале заявили об отсутствии на «Малакке» военного груза, а затем свели все свои претензии к тому, что суда Добровольного флота не имели права проходить Босфор и Дарданеллы. Овчинников справедливо полагал, что при положительном для России решении вопроса о правомочности прохода черноморских проливов «Петербургом» и «Смоленском» вопрос об освобождении арестованных судов отпадает сам собой.

Но на следующий день после этого совещания, 11 июля, граф Ламздорф явился к Николаю II и уговорил его прекратить все крейсерские операции и освободить все арестованные суда. Собственно, долго уговаривать царя не пришлось, он был сильно занят более важными делами. Увы, я не шучу и даже не сгущаю краски. Вот запись из царского дневника 11 июля: «Ольга получила подарки по случаю своих именин. В 11 час. с нею и Татьяной поехал к обеду. На Ферме был большой завтрак. Принял гр. Ламздорфа по вопросу о захваченных нами пароходах в Красном море. Катал Аликс в кресле и ездил на «Гатчинке» в море. Погода стояла великолепная, море наконец успокоилось. В 7 – поехали к Ольге и Пете, у них был семейный обед. В 10 час. отправились покататься. За чаем по обыкновению читал вслух интересные статьи Краснова в “Рус. Инвалиде”».

В тот же день великий князь Александр Михайлович отдал приказ о прекращении крейсерских операций и освобождении всех арестованных судов, уведомив об этом агента в Суэце контр-адмирала Пташинского и В.Н. Ламздорфа, который официально сообщил об этом министру

иностранных дел Великобритании.

Между тем 9 июля англичане ввели в Красное море броненосный крейсер и два миноносца для обеспечения прохода своих торговых судов. Английский крейсер мог вдребезги разнести наши вспомогательные суда, но это означало бы войну, на которую Британия никогда бы не пошла. Просвещенные мореплаватели блефовали и добились своего.

Получив приказы генерал-адмирала и управляющего Морским министерством адмирала Авелана, «Петербург» и «Смоленск» зашли в порт Дар-эс-Салам, погрузили уголь и 2 сентября через Красное море и Суэцкий канал направлялись в Либаву, куда прибыли: «Петербург» – 27 сентября, а «Смоленск» – 30 сентября 1904 г.

Одновременно с севастопольскими крейсерами в Атлантике действовала балтийская группа вспомогательных крейсеров («Дон», «Урал», «Терек» и «Кубань»).

16 июля крейсера «Дон» и «Урал» в сопровождении миноносцев «Рьяный» и «Прочный» вышли из Либавы и направились в Атлантический океан. Достигнув мыса Скаген, миноносцы повернули назад, а крейсера, выйдя в Северное море и обогнув Великобританию с севера, направились на юг. До 26 июля крейсера шли вместе, но затем на параллели Лиссабона они разделились: «Урал» пошел к Гибралтару, а «Дон» – к северо-западным берегам Африки. По прибытии в назначенные районы корабли приступили к выполнению поставленной задачи.

Первым судном, которое осмотрел «Урал», был английский пароход «Скотин», остановленный на подходах к Гибралтару 30 июля. «Скотин» пытался избежать досмотра и уйти в территориальные воды Испании, но после третьего предупредительного выстрела вынужден был остановиться. Призовая партия, высаженная на пароход, не обнаружила там военной контрабанды, и «Скотин» был отпущен.

5 августа «Урал» зашел в испанский порт Виго, откуда донес о результатах своих действий. Здесь же русский агент вручил командиру крейсера телеграмму за подписью адмирала Авелана с приказом возвращаться в Либаву. Командир корабля, объявив испанским властям о том, что он направляется для продолжения крейсерства в Средиземное море, 7 августа покинул порт Виго и пошел на юг, а затем резко изменил курс на север и 13 августа благополучно прибыл в Либаву.

За время своего крейсерства «Урал» осмотрел двенадцать пароходов и ни на одном из них не обнаружил военной контрабанды. После осмотра все пароходы были отпущены.

Крейсер «Дон», направившийся к северо-западному побережью

Африки, действовал неудачно. Из-за неисправности котлов он не мог развивать нужной скорости, а поэтому держался в стороне от обычных путей следования торговых судов. За свое сорокадневное крейсерство он не задержал и не осмотрел ни одного парохода. По прибытии 24 августа в Либаву «Дон» был поставлен на ремонт.

По возвращении крейсеров «Урал» и «Дон» в базу им на смену должны были выйти «Кубань» и «Терек». Но «Кубань» при выходе из дока получила повреждения и поэтому не смогла выйти в море, так что «Терек» 12 августа под командованием капитана 2 ранга К.А. Панферова вышел один. Миноносцы «Рьяный» и «Прочный» сопровождали «Терек» до мыса Скаген, а затем вернулись в Либаву.

За время крейсерства в районе Гибралтарского пролива «Терек» осмотрел пятнадцать пароходов, четырнадцать из которых были английскими. Но поскольку ни на одном контрабанды обнаружено не было, все пароходы пришлось отпустить. 13 сентября «Терек» благополучно вернулся в Либаву.

На этом, как сообщал в своем докладе начальник Главного морского штаба, «крейсерские операции судов особого назначения прекратились». Сделано это было по настоянию вице-адмирала Рожественского, который считал, что действия русских вспомогательных крейсеров на пути следования 2-й Тихоокеанской эскадры могут осложнить ее движение на Дальнем Востоке. Все вспомогательные крейсера, действовавшие на коммуникациях (за исключением «Дона», который находился в ремонте), были включены в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, к которой они присоединились уже на пути ее следования на восток.

25 ноября 1904 г., когда 2-я Тихоокеанская эскадра находилась на пути к острову Мадагаскар, в Главном морском штабе было получено донесение от русского агента в Берлине полковника Шебека об отправлении из Гамбурга на немецком пароходе «Самбия» 329 орудий для Японии. По приказанию управляющего Морским министерством для задержания «Самбии» был послан вспомогательный крейсер «Урал», находившийся в то время в районе Дакара. 2 декабря «Урал» вышел на поиск германского парохода. В течение нескольких дней «Урал» крейсировал на подходах к Гибралтару, но «Самбию» не обнаружил. Это был последний выход русских вспомогательных крейсеров для действий на океанских коммуникациях противника до прибытия их на Дальний Восток.

С прибытием 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий вице-адмирал Рожественский решил использовать вспомогательные крейсера для обеспечения прорыва своей эскадры через Корейский пролив.

Замысел Рождественского сводился к тому, чтобы действиями вспомогательных крейсеров на коммуникациях противника у Тихоокеанского побережья Японии и южной части Желтого моря отвлечь часть сил японского флота из Корейского

пролива и тем самым облегчить прорыв эскадры во Владивосток. Согласно предписанию № 380 от 30 апреля 1905 г. крейсера «Кубань» и «Терек» должны были действовать в районе между островами Синок и Иокогама, а «Урал» и «Рион» – в южной части Желтого моря. Перед крейсерами ставилась задача – «не стесняясь, топить» все пароходы, на которых будет обнаружена военная контрабанда.

8 мая 1905 г., когда 2-я Тихоокеанская эскадра подходила к островам Рюкю, от нее отделился крейсер «Кубань», а 9 мая – «Терек». Крейсера направились к Тихоокеанскому побережью Японии. «Днепр» и «Рион» отделились от эскадры 12 мая и, отконвоировав транспорты, посланные Рождественским в Шанхай, направились для действий на коммуникациях противника в южной части Желтого моря.

23 мая крейсер «Терек» перехватил английский пароход «Анкона», везший пять тысяч тонн риса в Японию. Груз был признан контрабандой, пароход решили затопить, а 73 человека английской команды доставили на «Терек». В машинное отделение «Анкона» заложили пиропатроны, но взрыв их не дал никакого эффекта. Тогда капитан 2 ранга К.А. Панферов приказал сделать несколько залпов. Всего выпустили двадцать два 120-мм, 76-мм и 57-мм снаряда, и в 11 ч. 50 мин. «Анкона» после внутреннего взрыва и пожара затонула.

8 июня был обнаружен датский пароход «Принцесса Мария». Призовая партия обнаружила на пароходе около 3,5 тысячи тонн стали и железа для Японии. Пароход было решено затопить, хоть это казалось и не совсем этично, ведь он носил имя русской вдовствующей императрицы Марии Федоровны – бывшей датской принцессы. Тем не менее в трюмах парохода заложили два 18-фунтовых подрывных патрона и открыли кингстоны. Но несмотря на все принятые к затоплению меры, «Принцесса Мария» пошла на дно только на следующий день в 13 ч. 50 мин.

Всего за время крейсерства «Терек» досмотрел несколько десятков пароходов, но потопил только два из них.

После заключения мира, 17 октября 1905 г., «Терек» ушел во Владивосток, а 10 января 1906 г. хорошо отдохнувший экипаж учинил «революционное выступление».

Крейсер «Кубань» находился до 23 мая 1904 г. на путях сообщения противника, идущих к Йокогаме, но не обнаружил ни одного парохода и

только на пути следования к Сайгону осмотрел два парохода, но за отсутствием военной контрабанды отпустил их. Далее крейсер «Кубань» зашел в порт Сайгон, получил там уголь и отправился на Балтику.

Крейсер «Рион», действовавший в южной части Желтого моря, задержал и осмотрел несколько пароходов. На двух из них (германском транспорте «Тетортос» и английском «Шилуриум») призовая партия обнаружила военную контрабанду. После того, как с задержанных транспортов были сняты команды, они были затоплены вместе с грузами.

Крейсер «Днепр» в ста милях от Гонконга потопил английский пароход «Сент-Кильдти» с грузом военной контрабанды.

Таким образом, четыре русских вспомогательных крейсера, действуя на коммуникациях Японии в Тихом океане, в течение двух недель потопили пять пароходов с военной контрабандой, а несколько транспортов осмотрели и отпустили.

Несколько слов стоит сказать о судьбе вспомогательного крейсера «Лена». «Лена» представляла собой отличный рейдер с хорошей скоростью хода и большой дальностью действия. Но владивостокские адмиралы все время ее использовали не по назначению. То она выполняла роль вспомогательного судна в ходе работ по снятию с камней бронепалубного крейсера «Богатырь», то ее таскали без нужды вместе с броненосными крейсерами. В ходе набега на Гензан ввиду отсутствия во Владивостоке тралящих средств «Лена» шла впереди в полном грузу, дабы предохранить остальные суда в опасном районе плавания от русских и японских мин заграждения. Неужели для этого нельзя было использовать другой пароход?

А далее следует совсем запутанная история, которая еще ждет своих исследователей. Я процитирую «Военную энциклопедию», том XIV, изданный в 1914 году: «29 июля 1905 г. (крейсер “Лена”. – А.Ш.) отправлен совместно с транспортами “Якут”, “Камчатка” и “Тунгуз” в экспедицию для охраны промыслов в Охотском море. Транспорты отправились Татарским проливом к рандеву в устье Амура, крейсер “Лена” Лаперузовым проливом вошел в Охотское море, зашел в Корсаковский пост, оттуда на Тюлений остров, около которого захватил и потопил японскую хищническую (браконьерскую. – А.Ш.) шхуну. В устье Амура, получив известие о поражении Порт-Артурской эскадры 28 июля и Владивостокской 1 августа, начальник экспедиции и командир крейсера (капитаны 1 ранга Гинтер и Берлинский) донесли о негодности его механизмов, получив разрешение из Владивостока прекратить экспедицию, отправили транспорты в Николаевск-на-Амуре, а сами пошли в крейсерство на торговые пути из Сан-Франциско в Йокогаму. Однако дня за

два до предполагавшейся встречи с японскими пароходами, везшими артиллерию из Америки, “Лена” свернула с обычного пути и пошла в Сан-Франциско. 29 августа крейсер получил разрешение из Санкт-Петербурга разоружиться, хотя состояние механизмов вполне допускало дальнейшее крейсерство. С окончанием войны “Лена” после частичного очередного ремонта с теми же котлами вернулась во Владивосток, а оттуда в Либаву».

Комментарии, как говорится, излишни. Можно только сказать, что случись такое в 1941–1945 гг., то господа Гинтер и Берлинский сразу попали бы в руки «злодеев из НКВД», а в 1956 г. были бы посмертно реабилитированы.

Подведем некоторые итоги. Русско-японская война была позорно проиграна из-за неспособности к правлению Николая II, некомпетентности генералов и адмиралов и панического страха руководителей Министерства иностранных дел перед «коварным Альбионом». Вывод относится не только к крейсерской войне, но и к действиям 1-й, 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, гарнизона Порт-Артура и Маньчжурской армии. Подробнее об этом я рассказал в книгах «Русско-японские войны 1904–1945» и «Падение Порт-Артура».

V. ЗАБЫТЫЕ ПИРАТЫ ЗАБЫТОГО МОРЯ

Глава 1.

Британские флибустьеры под Андреевским флагом

История Гражданской войны еще не написана. Гражданская война представляла собой явление фантастическое, невиданное в мировой истории и противоречащее всем законам тактики и стратегии. В Первой мировой войне командира, приказавшего пехоте атаковать крепость с неподавленной артиллерией и пулеметами, отдали бы под суд или заключили в психбольницу. А красная пехота в 1919 г. взяла неповрежденными неприступные башенные батареи Красной Горки, а в марте 1921 г. – Кронштадтские форты. На Южном фронте полк красных мог сдаться в полном составе белым и в том же виде (без расформирования) быть включенным в Добровольческую армию. На Восточном фронте в психическую атаку на красных ходила дивизия воткинских рабочих с красными знаменами и под звуки «Интернационала».

Летом 1919 г. деникинское командование спланировало уникальную операцию – совместную атаку двух бронепоездов и танков. Попав под огонь бронепоездов и увидев ромбообразные английские танки МК.V, красноармейцы бросили окопы и кинулись бежать. Белая пехота поднялась во весь рост и тоже бросилась бежать... в разные стороны: офицеры – в направлении красных, а нижние чины – в противоположном. Позже и советские, и эмигрантские историки предпочли забыть о первом в мире взаимодействии танков и бронепоездов.

Чего только не было на Гражданской войне... Была даже парусная пиратская эскадра.

К ноябрю 1917 г. на Каспии имелась старая царская флотилия в составе двух современных дизельных канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» и десятка сторожевых и транспортных судов. Флотилия базировалась на Баку. Части царской армии, находившиеся в это время на территории Турции и Персии и на Кавказе, в течение 1917 г. попросту разбежались, но большинство моряков остались на кораблях флотилии. Произошло это по двум причинам: во-первых, иной морской силы, способной противостоять «Карсу» и «Ардагану», ни у кого не было, а во-вторых, почти у всех оставшихся матросов в Баку были семьи, дома и прочее имущество. Поэтому Каспийская флотилия простояла в Баку с 1917

г. по май 1920 г., не вмешиваясь в Гражданскую войну.

С 1917 г. на Кавказе и в Закавказье царил хаос – малые и большие народы заявляли о «независимости». В Закавказье вторглись турки. И вот в середине 1918 г. на Каспии создаются еще две флотилии. По приказу Ленина и Троцкого в Астрахань с Балтики были направлены десятки эшелонов с матросами, пушками, снарядами, дальномерами и т.д. В местных мастерских танкеры (на Каспии их тогда называли наливными шхунами), грузопассажирские суда и ледоколы стали переделывать в крейсера и канонерские лодки, а большие баржи – в плавбатареи. Кроме того, начиная с июня 1918 г. и по 1920 г. на Каспий с Балтийского флота было отправлено 16 эсминцев и миноносцев, четыре подводные лодки, свыше десятка сторожевых судов и минных заградителей. Подводные лодки доставляли по железной дороге в Саратов, а оттуда – на буксире по Волге в Астрахань. Остальные суда прошли по Неве, Ладоге, Онеге, Мариинской системе каналов и Волге.

В свою очередь англичане заняли персидский порт Энзели на южном берегу Каспийского моря и создали там довольно сильную флотилию. Дело в том, что большая часть морского торгового флота из-за нестабильности в Баку и реквизиций большевиков в Астрахани ушла в Персию, тем более что в Энзели жили сотни русских, были торговые фактории и т.д. С некоторой натяжкой можно сказать, что Энзели был персидским Харбином, то есть полурусским городом.

Англичане мобилизовали дюжину русских наливных шхун и грузопассажирских судов и вооружили их своими морскими пушками калибра 152–102 мм, а также 40-мм зенитными автоматами Виккерса. Командный состав был английским, включая несколько русских морских офицеров. Артиллерийская прислуга и палубные команды – английские матросы. Штурманы, механики и трюмные команды остались от прежних владельцев, и англичане им хорошо платили. До весны 1919 г. на этих «крейсерах» развевались Андреевские флаги. Так что с точки зрения международного права британская флотилия была пиратской.

Несколько слов стоит сказать о специфике северной части Каспийского моря и особенностях выхода судов из Волги в Каспий. Северная часть Каспия (между устьем реки Терек и полуостровом Мангышлак) очень мелкая, максимальная глубина там не превышала 6 сажен (12,8 м). Речь, понятно, идет не о 2005-м, а о 1918 годе. Часто в местах с глубиной 6 футов (1,82 м) по всему горизонту не видно земли. Северная часть Каспия ближе к Астрахани замерзала в ноябре и до середины марта была покрыта сплошным льдом.

Прошу извинения у читателя за скучные сведения из отечественной географии, но приводить их приходится, поскольку у большинства наших маститых историков-маринистов, в том числе у уважаемого С.С. Бережного, боевые корабли приходят с Балтики в Астрахань в декабре, январе и феврале.

Морские суда, в мирное время шедшие к Астрахани, обычно подходили к так называемому 12-футовому рейду (12 футов – 3,65 м), находившемуся на параллели поселка Лагань^[48] в 14 км к востоку. Там морские суда притыкались носом к отмели и начинали перегрузку товаров на мелкосидящие колесные речные пароходы или баржи.

При большом или среднем уровне воды корабли с осадкой в 10 футов могли по очень узкому каналу, всего в несколько саженей шириной и длиной до 25 миль, под проводкой лоцмана войти в Волгу. Понятно, что в военное время условия плавания были совершенно другими. Красные сняли часть бакенов, а оставшиеся переставили. Даже если бы канал был найден и обвехован, то о маневрировании в нем не могло быть и речи. А если корабль сел бы в канале на мель, то он сразу же превратился бы в неподвижную мишень. При падении же воды, зависящей преимущественно от северо-западных ветров, и при наличии течения корабль мог быть окончательно потерян. Все это привело к тому, что дальше 12-футового рейда глубокосидящие корабли белых при наличии красного флота не продвигались. Даже стоянка на этом рейде была не всегда возможна, так как при северо-западных ветрах уровень воды очень быстро падал, и корабли могли сесть на мель на рейде. Англичане никогда не подходили ближе чем на 20 миль к 12-футовому рейду, чтобы под килем оставалось хотя бы 2–3 фута воды.

Астраханские большевики задавили поборами купечество и ремесленников, национализировали рыбацкие лодки и снасти, а 20 февраля 1918 г. упразднили Астраханское казачье войско. В результате 10 марта 1919 г. в городе началось восстание. Повстанцы захватили несколько кварталов и склад саперного батальона. По приказу С.М. Кирова эсминцы «Москвитянин» и «Финн» открыли по городу огонь из 102/60-мм орудий. Было разрушено несколько церквей. К вечеру 12 марта восстание удалось подавить.

На 15 февраля 1919 г. личный состав Астраханско-Каспийской флотилии составлял 2900 моряков и около 630 вольнонаемных. Корабельный состав подразделялся на три отряда: Северный речной отряд, Южный речной отряд и Морской отряд. Северный отряд действовал выше Царицына совместно с частями 10-й армии. Южный речной отряд вместе с частями

11-й армии оборонял Волгу на участке Царицын – Астрахань. Морской отряд вел боевые действия против английской и белогвардейской флотилий Каспийского моря.

24 апреля 1919 г. Ленин телеграфировал на имя Реввоенсовета Отдельной 11-й армии:

«Обсудите непременно:

первое – нельзя ли ускорить взятие Петровска для вывоза нефти из Грозного;

второе – нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная. Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти».^[49]

25 апреля красные узнали, что противник морем подвозит к Гурьеву снаряды и продовольствие для уральских войск. Реввоенсовет республики потребовал от командования энергичных мер для прекращения связи противника с Гурьевом.

Ленин, получив сведения о свободном сообщении интервентов с уральскими белыми войсками, телеграфировал Реввоенсовету 11-й армии: «“Ардаган” и “Карс” из Баку прошли в Гурьев безнаказанно... Это возмутительно и заставляет даже подозревать либо измену, либо злостный саботаж. Требуем от Вас строжайшего контроля...».^[50]

Откуда Ильич взял, что мирно стоявшие в Баку «Карс» и «Ардаган» ходили в Гурьев, – можно только гадать. Но малые суда действительно ходили по этому маршруту. Так, пароходы «Эдисон» (1802 брт) и «Самед Ага» (1474 брт) с экипажами прибыли с первым эшелоном деникинцев и перебросили из Петровска в Гурьев военные грузы, в том числе броневики. Старшим командиром в рейс пошел капитан 2 ранга Пышнов. На обратном пути, идя вне видимости берегов и обнаружив на горизонте дымы, он не изменил курса, чем ввел в заблуждение красные миноносцы, посчитавшие в свою очередь, что видят английские военные суда. Это стало известно белым от захваченных впоследствии в плен красных матросов.

20 апреля корабли красной флотилии вышли на Астраханский (12-футовый) рейд. Несмотря на усиленную подготовку к кампании, сразу же выявилось множество технических и организационных недостатков. Радиосвязь и воздушная разведка из-за устаревшей материальной части и слабой подготовки летчиков работали плохо. Сказывался некомплект специалистов, малая практика в плавании и ведении учебных стрельб.

Замечу, что англичане не догадались или не захотели заминировать 12-футовый рейд, чтобы лишить красных возможности выходить в Каспийское

море. Они лишь устроили с начала апреля 1919 г. дежурство своих судов у острова Чечень. 19 апреля крейсер «Азия» вступил в перестрелку с красным пароходом, а 23 апреля аналогичная стычка произошла у крейсера «Вентюр». В обоих случаях пароходы Астрахано-Каспийской флотилии быстро уходили из зоны огня, а англичане их не преследовали.

В ночь на 29 апреля Астрахано-Каспийская флотилия начала боевые действия. Речной отряд флотилии в составе вооруженных пароходов «Каспий» (флаг командира отряда), «Коммунист», «Спартаконец» и «Адлер» вышел в море с целью захватить форт Александровский. Через рыбаков и по радио гарнизону форта красные предъявили следующий ультиматум: «Перед вами стоят моряки Советской России. Пришли к вам не как к врагам, а как к оторванным сынам свободной России, и предлагаем вам, во избежание всяких неприятностей для вас, прекратить всякое сношение по радио и передать местному населению, что нами не будет причинено никакого вреда, если с их стороны не будет сопротивления. В противном случае будет открыт огонь и вы объявлены будете врагами Советской России». Вскоре был получен ответ: «Никакого сопротивления вам оказано не будет. Выслана делегация от форта Александровского и степного населения».

Десантный отряд, высаженный под командованием командира и комиссара корабля «Спартаконец», разоружил гарнизон и занял форт. Белое командование скрылось.

Овладев фортом, красные моряки немедленно приступили к организации маневренной базы. Днем корабли стояли на якоре без специального охранения, а ночью на подходах к стоянке выставлялись дозоры. Дозорная служба и близкая разведка велись ежедневно, что служило для предупреждения внезапного появления противника.

Так как белые и интервенты еще не знали о захвате форта Александровский, то его радиостанция продолжала получать радиogramмы из Баку и Петровска, дававшие красным ценные сведения об оперативной обстановке и намерениях противника. В числе прочих была перехвачена радиogramма о том, что на судне «Лейла» из Петровска в Гурьев направляется делегация во главе с генералом Гришиным-Алмазовым.

Пассажирский пароход «Лейла» (машина мощностью 200 л.с, скорость 12 узлов), несмотря на войну, принадлежал частному владельцу и не был вооружен. До форта Александровского «Лейлу» конвоировали «Президент Крюгер»^[51] и «Вентюр»^[52]. Не доходя 20 миль до форта, командующий английскими морскими силами командор Норрис заявил, что «Лейла» может идти дальше самостоятельно, «так как ей никакой опасности больше

не угрожает».

5 мая в 12 ч. 35 мин. эсминец «Карл Либкнехт» перехватил «Лейлу». Генерал Гришин-Алмазов и его адъютант застрелились, а остальные члены делегации были взяты в плен. К большевикам попали важные оперативные документы Деникина. Пароход был включен в состав Астраханско-Каспийской флотилии и 11 июля 1919 г. переименован в «Товарищ Петров».

Из-за отсутствия грамотных офицеров и полнейшей расхлябанности команд два выхода Астраханско-Каспийской флотилии в мае 1919 г. оказались неудачными. Поход отряда судов к Петровску (Махачкале) с целью его обстрела сорвался из-за неполадок в машинах эсминца «Москвитянин» и крейсера «Ильич».

На 18 мая 1919 г. был назначен набег на остров Чечень. Согласно плану, одна группа в составе миноносцев «Дельный», «Деятельный» и «Расторопный» с катерами-истребителями должна была идти прямым курсом на остров Чечень с расчетом быть на параллели Чеченя в 3 часа ночи. Задачей группы была атака на суда, находившиеся у Чеченя, и обстрел радиостанции, бензинового бака и батареи. По окончании атаки группа должна была идти на соединение с главными силами, а «Дельный» – остаться наблюдать за дальнейшими действиями противника. Вторая группа, состоявшая из миноносцев «Яков Свердлов», «Карл Либкнехт» и бригады крейсеров, обеспечивала набег, а на рассвете, получив сведения от миноносцев первой группы, должна была нанести удар всеми силами по флоту противника, вышедшему из базы, и занять остров. Подводная лодка «Макрель» занимала боевую позицию у острова Кулалы возле восточного побережья Каспия.

Между тем англичане, получив известие о взятии большевиками форта Александровский, решили провести воздушную разведку. 13 мая, погрузив на борт два гидросамолета типа «Шорта» (№9080 и №9082), гидрокрейсер «Аладир Усейнов»^[53] отплыл к острову Чечень, куда прибыл к вечеру того же дня. На следующий день на воду был спущен № 9080 с экипажем в составе капитана Садлера и лейтенанта Кингема. Их разведывательный полет вдоль северного побережья, длившийся 3,5 часа, не принес результатов – противника обнаружить не удалось. Соответственно не нашлось подходящих целей и для взятых с собой бомб (по одной в 230, 100 и 65 фунтов). Летчики лишь обстреляли из турельного пулемета «Льюис» несколько деревень на побережье.

В 16 часов «Аладир Усейнов», подняв на борт гидросамолет, вернувшийся из разведки, отплыл от острова Чечень и на рассвете

следующего дня взял курс на остров Купали, чтобы встретиться с остальными кораблями английской флотилии.

15 мая при приближении к форту Александровскому в море были замечены корабли большевиков, выходящие из гавани. Британская флотилия, в состав которой входили также вооруженные деникинские пароходы, устремилась навстречу противнику, который, бросив две баржи, поспешно скрылся в гавани. Эти баржи были уничтожены пушечным огнем с кораблей «Президент Крюгер» и «Эмиль Нобель».^[54] Сильное волнение на море и дождь не позволили использовать авиацию в последующие два дня.

В 5 часов утра 17 мая англичане все-таки попытались поднять в воздух свои гидросамолеты. Однако при спуске на воду «Шорта» № 9080 из-за сильной качки были повреждены о борт корабля правая законцовка крыла и поплавков. «Шорт» №9082 спустили удачно, но машина не смогла взлететь из-за сильного волнения. Во время подъема она также получила повреждения.

«Аладир Усейнов» в сопровождении корабля «Эммануил Нобель» направился в Петровск и прибыл туда утром 18 мая. Здесь поврежденный «Шорт» № 9082 отправили на берег для серьезного ремонта, вместо него на борт был взят № 9079. Ремонт № 9080 удалось осуществить своими силами, и к вечеру 18 мая гидрокрейсер вновь вышел из Петровска под охраной «Эммануила Нобеля». Оба корабля присоединились к основным силам флотилии в 20 милях от острова Чечень.

По данным красных поход к Чеченю был запланирован на 18 часов на 18 мая, но за час до намеченного срока в районе базы появился английский самолет. Пришлось несколько задержаться, чтобы не дать разведке противника обнаружить выход кораблей.

15 мая с 12-футового рейда в форт Александровский вышли транспорт «Алекбер» с шаландой «Усейн Абат» на буксире и транспорт «Баку» со шхуной «Дербент» под конвоем эсминца «Яков Свердлов». В 17 милях от форта Александровский конвой встретил «Президента Крюгера» и «Вентюр» (мичман Лишин^[55] утверждает, что это было в 40 милях от Александровского). Немедленно шаланда «Усейн Абат» и шхуна «Дербент» были брошены, а транспорты «Алекбер» и «Баку» с эсминцем «Яков Свердлов» укрылись в Тюб-Караганском заливе. Брошенные суда, груженные 35 тыс. пудов угля и 250 саженьями дров, англичане потопили артиллерийским огнем, предварительно сняв с них команды и документы. Риторический вопрос – неужели советский эсминец не мог снять людей с

судов, чтобы не оставлять их на расправу белым? Чтобы оправдать свою трусость, военморы донесли о шести английских кораблях. А может, в глазах троилось? Любопытно, что Лишин, находившийся на «Крюгере», даже не упоминает об эсминце, видимо, красные драпанули, лишь увидев дымы на горизонте.

А теперь перейдем к самому большому сражению на Каспии в ходе Гражданской войны – к бою в Тюб-Караганском заливе.

К 18 мая в Тюб-Караганском заливе были сосредоточены следующие силы Астрахано-Каспийской флотилии: бригада крейсеров – «III Интернационал», «Красное Знамя», «Ильич», «Пролетарий»; отряд минных судов – эсминцы «Карл Либкнехт», «Москвитянин», «Яков Свердлов», «Дельный», «Деятельный», «Расторопный»; речной отряд – «Каспий», заградитель «Демосфен»; дивизион подводных лодок – «Макрель», «Минога», их база пароход «Ревель»; дивизион катеров-истребителей – «Смелый», «Счастливый», «Пылкий», «Беспокойный», «Жуткий», «Дерзкий», «Пронзительный», плавучая батарея № 2, вооруженная 152-мм орудиями; отряд транспортов – «Баку» (угольщик, на нем флаг начальника отряда), «Мехти» (мастерская), «Алекбер» (снаряды), «Туман» (снаряды), «Мартын» (минный); гидрографические суда – «Красно-водск», «Николай Зубов», «Терек»; вспомогательные суда – «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер», «Лейла», «Гельма»; водяная баржа «Рюрик»; продовольственные базы – «Зороастр», Баржа № 2, угольная шаланда «Рыбачка». В форту находился десант в 400 красноармейцев.

На 12-футовом рейде стояли плавбатарея № 1, вооруженная 152-мм орудиями, вспомогательное судно «Игнатий», дозорное судно «Воля».

18 мая бригада крейсеров под флагом командующего флотом на «III Интернационале», отряд минных судов, за исключением эсминца «Москвитянин», оставленного из-за повреждения механизмов, и шесть катеров-истребителей вышли из Тюб-Караганского залива для операции под островом Чечень. Как уже говорилось, операция провалилась.

На рассвете 20 мая с гидрокрейсера «Аладир Усейнов», находившегося в 20 милях от форта Александровского, на воду был спущен «Шорт-184» № 9080 с экипажем из пилота 2-го лейтенанта Томпсона и наблюдателя лейтенанта Бикнелла. Летчики выполнили разведывательный полет над фортом и сбросили на плавбатарею № 2 и эсминец «Москвитянин» по одной 230-, 100- и 60-фунтовой бомбе с высоты 2500 футов (914 м), однако прямых попаданий замечено не было. Несмотря на сильный зенитный огонь, самолет вернулся без повреждений. Данные разведки подтвердили наличие в гавани кораблей красных.

Следующими стартовали 2-й лейтенант Моррисон и лейтенант Пратт на «Шорте» № 9079. Однако во время взлета на высоте 200 футов при выполнении виража внезапно «обрезал» мотор. Самолет упал в воду. Летчикам удалось выбраться из кабины и удержаться на полузатонувшем «Шорте» до подхода катера, команда которого доставила их на «Усейнов». Бомбить пристань и корабли красных вновь отправились Садлер с Кингемом на «Шорте» № 9080, но из-за перебоев в работе мотора экипаж возвратился, не выполнив задания. Выяснилось, что примесь воды в бензине вызвала плохую работу карбюратора.

К этому времени на рейде форта Александровского оставались следующие корабли красных: «Каспий» (флаг начальника отряда), эсминец «Москвитянин», заградитель «Демосфен», подводные лодки «Миного» и «Макрель» с их базой пароходом «Ревель», шесть катеров-истребителей, возвратившихся из рейда, плавбатарея № 2, транспорты «Баку» (флаг начальника отряда транспортов), «Мехти», «Алекбер», «Туман», «Мартын», вспомогательные суда «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер», «Лейла», «Гельма», водяная баржа «Рюрик», продбаза «Зороастр», баржа № 2, шхуна «Рыбачка» с углем.

20 мая из Петровска вышел отряд английских судов в составе «Президента Крюгера», «Вентюра», «Азии», «Эммануила Нобеля», «Славы», «Зороастра», «Биби Эйбата» и «Виндзора Кастла». Отряд, шедший кильватерной колонной, на рассвете подошел к форту Александровскому.

Любопытно, что в своем отчете от 30 мая 1919 г. командующий Астраханско-Каспийской флотилией С.Е. Сакс говорит о двух неприятельских эскадрах: «21 мая в 12 ч. 30 мин. на западе показались 6 неприятельских кораблей в строе кильватера курсом северо-восток, причем на горизонте видна была вторая эскадра в 5 кораблей, шедших по направлению к северу мористее первой эскадры. В первой эскадре, направляющейся к Тюб-Караганскому заливу, были замечены следующие суда: “Президент Крюгер”, “Вентюр”, “Боткинский завод”, “Слава”, “Гаджи Гаджи” и “Азия”».

Мичман Лишин находился на флагманском корабле «Президент Крюгер». «Утро было совершенно ясное и тихое, – вспоминает Лишин. – Только вдали держался легкий туман, постепенно рассеивающийся. По мере нашего приближения к форту стали вырисовываться высокие берега слева от нас. Высота берега над водой достигала здесь около 12 сажен. Не успели мы еще подойти до предела видимости городка в глубине бухты, как из-под высокого берега к нам понеслось три большевицких

вооруженных катера...

Поведение большевицких катеров сразу показало, что ими командовали не офицеры. Идя без всякого строя, вразброд, они не решились подойти даже на свой собственный пушечный выстрел, и когда они открыли беспорядочную стрельбу по нам, снаряды их дали большие недолеты. Катера крутились между нами и берегом, то приближаясь к нам, то удаляясь, то поворачивая прямо на нас, то идя параллельным курсом. При этом они все время меняли свои скорости. Мы же продолжали идти все тем же строем и курсом, постепенно сближаясь с высоким берегом. На огонь катеров мы не отвечали.

Вдруг на кромке высокого берега, ясно вырисовавшись на фоне неба, показалась игрушечная по виду благодаря дальности расстояния полевая батарея, несущаяся карьером. Ясно было видно, как батарея развернулась, построилась, и вскоре море вокруг нас стало пестриться разрывами – то совсем близкими, то далекими.

Большевицкие катера, дав полный ход, направились в форт, идя под берегом.

Через некоторое время мы увидели справа по носу, кабельтовых в пятидесяти, низко лежащий на воде длинный силуэт, оказавшийся вооруженной четырьмя шестидюймовыми орудиями баржей, стоящей на якорях. Эта плавучая батарея при нашем приближении открыла огонь, и ее снаряды, не дав в “Крюгер”, шедший головным, ни одного попадания, ложились, однако, хорошо, обдавая нас каскадами воды и осколков. Баржа стреляла вдоль всей кильватерной колонны наших кораблей. Наконец “Крюгер”, а за ним и все наши корабли открыли бортовой огонь по полевой батарее на высоком берегу, а затем “Крюгер” открыл огонь и по барже. Начался бой».

Сразу уточню: Лишину показалось, что на барже четыре 152-мм пушки. На самом деле плавбатарея № 2 (бывшая наливная баржа «Святополк» длиной 105,7 м, шириной 17,2-м и с осадкой 2,4 м) несла только две 152/45-мм пушки Кане.

Версия же Сакса существенно отличается от повествования Лишина: «В 13 час. 15 мин. “Москвитянин”, а затем и заградитель “Демосфен” снялись с якоря, и, выйдя из бухты на траверз Верхнего Тюб-Караганского маяка, эсминец “Москвитянин” открыл огонь по неприятелю, а потом, после поворота эскадры противника на юг, когда эскадра вторично появилась, открыл огонь и “Демосфен”. Маневрируя между нордовыми ветрами и самим входом в бухту, “Москвитянин” и “Демосфен” отстреливались от неприятеля, а подлодка “Макрель” и три истребителя

вышли в море.

Неприятель открыл огонь в 14 ч. 20 мин. с дистанции более 70 кабельтовых пятью кораблями, так как шестой корабль отделился от эскадры и скрылся на юге. По наблюдению, произведенному с марса эсминца «Москвитянин», было замечено, что после второго выстрела миноносца, когда корабли неприятеля повернули все на юг и почти скрылись за горизонтом, один из кораблей подошел к другому как бы для оказания помощи и в дальнейшем уже принимали участия в бою только пять кораблей».

Судя по всему, «Москвитянин» и «Демосфен» пытались прорваться, а не вступить в бой. Из донесения командира заградителя «Демосфен» Р. Фреймана следует, что «расстояние до противника было с лишком 70 кабельтовых» (12,8 км), после чего оба корабля повернули назад. «Москвитянин» подошел к Соляной пристани, и вся его команда бежала на берег. «Не находя удобного места, где приставать и стрелять по неприятелю, стали носом к «Ревелю» и продолжали стрелять по неприятелю, который шел кильватерным строем, держа курс бухты. Неприятельский снаряд попал в «Ревель» и сейчас же последовал сильный пожар. Орудия «Демосфена» были расстреляны чуть не докрасна. Подошел на «Крейсере» начальник отряда и приказал стрелять по «Каспию», по-видимому, чтобы потопить его. С кормового орудия было дано 4 выстрела, но попаданий не было, благодаря расстрелянной пушке».

Около 15 часов «Ревель» и «Демосфен» запылали, а их команды также оказались на берегу.

В 14 ч. 25 мин. английский снаряд попал в плавбатарю № 2 и вызвал на ней пожар. Следующий снаряд уничтожил баржу.

Вновь перехожу к версии Лишина: «Мы продолжали идти тем же строем, не меняя скорости (около семи узлов), в направлении форта Александровска. Вскоре полевая батарея на высоком берегу получила несколько эффективных попаданий, снялась и переменяла место. Вновь пристрелявшись, она дала попадание в «Крюгер»: снаряд разорвался в ванной каюте, разворотил все помещение, прилегающий коридор, повредил переборку моей каюты, разнес в щепы трап на мостик (с мостика я, кстати, за мгновение перед этим спустился по этому самому трапу, чтобы проверить действие брандспойтов, работавших на полную уже по боевой тревоге) и перебил брандспойт, проходивший по палубе вдоль кают. Благодаря тому, что этот брандспойт был перебит, вода из перебитого места немедленно хлынула в место взрыва, и пожара не последовало. У нас был один легкораненый. Больше попаданий в «Крюгер» за все время боя не

было, что можно объяснить только очень плохой стрельбой большевиков.

Несколько позже попадания в “Крюгер” шедший третьим или четвертым “Эммануил Нобель” внезапно рыскнул в стороны и застопорил ход; в него попал шестидюймовый снаряд с баржи. Вслед за этим “Нобель” получил еще второе шестидюймовое попадание. Мы несколько замедлили ход, но “Нобель” скоро оправился и вошел в строй. Наш курс оставался тем же.

Теперь уже ясно стали видны строения в глубине бухты и суда, стоящие грудой у пристаней. Отдельных кораблей не было возможности разобрать. Эти корабли долгое время безмолвствовали, но когда они открыли огонь, стрельба их была беспорядочной. От стенки они так и не отошли.

Впоследствии оказалось, что еще некоторые наши корабли получили попадания, но эти попадания иначе как бессистемными назвать было нельзя. Море вблизи и вдали от наших кораблей кипело разрывами, но ясно было, что большевики не способны корректировать своей стрельбы, так как одновременно стреляли их орудия из трех разных направлений, по разным целям, и одни мешали пристрелке других. Никакой согласованности или общего управления огнем не было.

Огонь “Крюгера” был перенесен в кучу кораблей у берега. Наши попадания были ясно видны. Разрывы наших снарядов подымались в этой куче один за другим. Скорострельность английских орудий “Крюгера” была прекрасной, и прислуга работала, как часовой механизм. Остальные корабли не имели возможности открыть огонь по куче большевических кораблей, так как эти последние были у нас прямо на носу, а наши корабли шли за “Крюгером” в кильватерной линии. Их единственным объектом (второстепенным по обстановке боя) могла в этой стадии быть только полевая батарея, и она была вскоре уничтожена.

На линии между кучей судов в глубине бухты и баржой – плавучей батареей, находившейся теперь еще более справа от нас, несколько вдали от материка, стоял на якоре какой-то пароход. В бинокль была ясно видна беготня на нем. Орудий на нем не было видно, и огня он не открывал. Впоследствии мы узнали, что этот пароход был гружен пятьюдесятью минами заграждения.

В расстоянии кабельтовых 30 от кучи кораблей в глубине бухты “Крюгер” изменил курс на 90 градусов вправо. Остальные корабли, оставаясь в кильватере, тоже сделали поворот. Теперь все корабли могли уже работать бортовым огнем по главным целям и, повинаясь указаниями крюгер-ровского артиллериста, стали забрасывать болыневицкие корабли

снарядами. Стрельба оказалась действительной: то здесь, то там в куче большевицких кораблей стали вспыхивать пожары, вспыхнул пожар и на пароходе, груженном минами заграждения, на который перенес свой огонь “Крюгер”. В баржу уже раньше попало несколько крюгеровских снарядов. Теперь ей пришлось плохо: она только кое-как отвечала одним орудием, но через короткое время прекратила огонь совсем. В бинокль было ясно видно, что она сильно скренилась и осела.

Идя тем же строем и ходом, мы постепенно стали удаляться и наконец вышли из боя.

На “Крюгере” оставалось около 50 снарядов, приблизительно такое же количество оставалось на каждом из других наших кораблей.^[56]

На горизонте показалась “Волга”, шедшая к нам. Вскоре она вошла в строй, но ее торпедные катера не были спущены на воду и не были отправлены в форт Александровск доканчивать разрушение, хотя погода для катеров была идеальная и вполне допускала их использование в благоприятных для их действий условиях. Возможно, конечно, что командор полагал, что произведенные нами разрушения достаточно полные. Если так, то уже следующий день показал ошибочность подобного предположения.

Вдали маячил еще высокий берег, остальное сливалось в полоску. Вдруг в сторону форта Александровска поднялся колоссальный белый столб, раз в пять превышающий высоту берега. Глухо донесся звук страшного взрыва, подобного которому ни в каких боях не приходилось слышать: это пароход с минными заграждениями взлетел на воздух.

Адмирал Колчак во время этой части моего доклада ему 13 июля 1919 года в его кабинете в Омске забросал меня вопросами: «Почему командор в первой части боя, до поворота, шел кильватерной колонной, а не развернутым строем? Почему ушли, имея возможность закончить бой как следует? Ведь большевики еще отвечали, а вы не могли быть уверены, что вами нанесено решительное поражение. Почему не послали “Си-Эм-Би”? Почему “Волга” с шестидюймовыми орудиями и полным запасом снарядов не была использована хотя бы в последней стадии боя?»...

...Отойдя от форта Александровска миль на двадцать, наша флотилия перестроилась в две кильватерные колонны. Начались сигнальные доклады о полученных повреждениях, об убитых и раненых. “Нобель” получил повреждение машины, но не существенное, и смог быстро его исправить. Остальные его повреждения, как и полученные другими кораблями, не затрагивали жизненных частей и были надводными. Убитых и раненых было немного. К сожалению, я не отметил количества, но оно, во всяком

случае, не превышало пятнадцати человек. Никто из офицеров не пострадал...

...В середине дня, идя курсом на Петровск, наша флотилия остановилась для погребения убитых. Грустная, торжественная и величественная церемония. По ее окончании флотилия разделилась: поврежденные корабли, кроме “Крюгера”, пошли на Петровск и Баку, другие были отправлены к о. Чечень, а “Крюгер” и “Вентюр”, вступивший нам в кильватер, пошли крейсировать в район форта Александровска, на юг от него, вне видимости берегов».

Возвращаясь к отчету Сакса: «От пожара “Ревеля” и “Демосфена” произошел взрыв транспорта “Туман”, стоявшего рядом с “Ревелем”, и сгорело посыльное судно “Гельма”, а также обгорела подлодка “Минога”. Подлодка “Минога” была, однако, вскоре выведена из пожара с помощью буксира.

Около 18 час. неприятель, уже бывший на траверзе Верхнего Тюб-Караганского маяка и обстреливавший транспорты с 30–40 кабельтовых, совершенно неожиданно повернул и стал уходить из бухты в море. Командир “Миноги” в своем донесении высказывает предположение, что отход неприятеля вызван обнаружением им перископа “Макрели».

Позже советские историки начали расписывать подвиг «Макрели», обратившей в бегство английскую эскадру.

Уже после отхода эскадры (то есть, по версии Сакса, после 18 часов) прилетел неприятельский аэроплан. А по английским данным, летчики Садлер и Кингем вылетели в 15 ч. 15 мин. и вернулись к «Аладиру Усейнову» через 2 ч. 40 мин. «Шорт» сделал несколько кругов над гаванью, летчики сбросили бомбы и обстреляли корабли и город из пулемета, после чего произвели фотографирование горящих кораблей и построек. Приняв № 9080 на борт, «Усейнов» ушел к югу на ночную стоянку.

День 22 мая стал самым результативным для английских летчиков. В этот день три экипажа совершили пять налетов на порт форта Александровский. Первыми взлетели Моррисон и Пратт в 5 ч. 30 мин., но их бомбардировка была безрезультатной. Вылетевшие через два часа Томпсон и Бикнелл заявили об одном попадании в торпедный катер. Третьими в 9 ч. 30 мин. вылетели Садлер и Кингем, полет этот чуть было не сорвался. Перегруженный бомбами (по одной 230-, 100- и 65-фунтовой и две 16-фунтовки) «Шорт» никак не мог поднять хвост из воды. Пришлось вернуться и уменьшить нагрузку. Теперь самолет нес одну 230-фунтовую и четыре 16-фунтовых бомбы. «Шорт» № 9080 наконец взлетел в 10 ч. 45 мин. и удачно сбросил 230-фунтовку на крупный корабль, стоявший у

причала. Затем Садлер и Кингем снизились до 2500 футов и сбросили 16-фунтовые бомбы, потопив несколько рыбацких лодок. Они также обстреляли из пулемета транспортные суда. Сделав фотографии, летчик заметил, что давление масла падает, к тому же пулемет «Льюис» заело. Садлер взял курс на свой гидрокрейсер и благополучно вернулся к нему. Четвертый и пятый вылеты Морриса и Пратта на «Шорте» №9080 в 14 ч. 45 мин. и Томпсона и Бикнелла в 16 ч. 30 мин. особых успехов не принесли. Садлер и Кингем попытались подняться еще раз в 18 часов, но надвигавшийся туман заставил их вернуться.

После ухода англичан красные военморы стали возвращаться на покинутые суда. Транспорты, стоявшие вблизи горевших судов, были отведены на середину бухты и поставлены на якорь. После этого на «Москвитяине» для обсуждения дальнейшего плана действий собрался военный совет. Военморы решили оставить форт Александровский, «Красноводску» и «Тереку» взять на буксир по одной подводной лодке, а отряду транспортов взять на буксир катера-истребители. Береговой десант и команды с погибших кораблей решили рассадить по транспортам, «кто где приспособится», и всем идти ночью на 12-футовый рейд.

Однако с выставленного на горе наблюдательного поста при заходе солнца заметили английские суда: пять на западе от бухты, три к востоку от острова Кулалы и два – к западу от Кулалы. Так как береговой десант (400 человек) не мог быть рассажен по транспортам ранее 2 часов ночи, начальник речного отряда решил отложить поход на сутки, посчитав недостаточным для прорыва трех часов темноты при наличии кораблей противника вокруг бухты.

В ночь с 21 на 22 мая из бухты на 12-футовый рейд вышли только подлодка «Макрель», транспорт «Алекбер» с катером-истребителем на буксире и еще четыре катера-истребителя. В назначенное место этот караван прибыл в 15 ч. 30 мин. 22 мая, взяв от Тюб-Караганского мыса на восток около 40 миль, причем в море с судов заметили пять силуэтов неприятельских кораблей.

С утра 22 мая красные начали подготовку к уходу из форта Александровского. Матросы починили кое-как поврежденные котлы на «Каспии», а командиры сделали все распоряжения к прибытию и посадке на суда десанта.

В 7 часов утра в небе появился английский аэроплан, сбросивший три бомбы на «Мехти», «Москвитянина» и «Каспий», стоявшие у стенки, но попаданий не добился. В течение всего дня было еще 5 налетов гидропланов, причем каждый раз англичане сбрасывали по три бомбы,

целясь в те же суда. Во время четвертого налета при разрыве бомб, упавших за кормой «Москвитянина», миноносец скрылся под водой, остались видны только концы труб и мачты.

В 8 часов вечера 22 мая началась посадка на суда десанта и команд с погибших кораблей. С наступлением темноты, в 21 ч. 30 мин., вышла на 12-футовый рейд подлодка «Миного». В 23 ч. 40 мин. «Миного» накрыл густой туман, рассеявшийся только около полудня следующего дня. Подлодка шла вслепую, определив свое место лишь по глубинам на Средне-Жемчужной банке, однако около 14 часов 23 мая благополучно прибыла на 12-футовый рейд.

В 23 часа 22 мая все суда с исправными машинами снялись с якоря и покинули бухту форта Александровского. Выйдя на траверз мыса Тюб-Караганского, суда повернули на запад, придя на траверз острова Святого, легли на север, затем повернули на северо-запад, оставив северную оконечность острова Кулалы в 30 милях, и 24 мая в 8 часов утра благополучно прибыли на 12-футовый рейд.

Из Тюб-Караганского залива удалось вывести «Каспий» (флаг начальника речного отряда), подводные лодки «Миного» и «Макрель», транспорты «Баку» (флаг начальника отряда транспортов), «Алекбер», «Мехти», «Мартын», пять катеров-истребителей, гидрографические суда «Красноводск», «Николай Зубов», «Терек», вспомогательные суда «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер» и «Лейла».

23 мая красные эсминцы «Финн» и «Эмир Бухарский» вышли в море на разведку и встретили крейсер «Президент Крюгер». Началась перестрелка, показавшая превосходство русских 102/60-мм пушек над английскими 102-мм пушками Mk.9 – англичане не доставали до эсминцев. Однако красные военморы стреляли «в белый свет как в копеечку».

Как только на горизонте показался «Аладир Усейнов», эсминцы быстро ретировались в Астрахань.

Эту главу вполне можно было назвать «Бой в Тюб-Караганском заливе как зеркало русской Гражданской войны». Документы обеих сторон опровергают миф советской пропаганды о героических революционных матросах. Ведь если бы красные выставили боевое охранение на подступах к форту Александровскому, они могли бы заранее развернуть свою эскадру в открытом море и если не уничтожить, то нанести серьезный урон английской эскадре. Увы, «клёш-ники» проспали противника, а потом драпанули на берег.

Однако и англичане имели возможность полностью уничтожить суда большевиков, но не сделали этого из политических соображений.

«Владычице морей» нужна была не победа Деникина, а продолжение Гражданской войны и дальнейший распад государства Российского.

Глава 2.

Парусный флот Кости Шуберта

Между тем Деникин не оставлял намерения создать на Каспии свой флот. 7 марта 1919 г. он назначил командующим флотилией 46-летнего капитана 1 ранга Аполлинария Ивановича Сергеева, бывшего командира линкора «Императрица Екатерина Великая», а флаг-капитаном штаба – 42-летнего капитана 1 ранга Константина Карловича Шуберта.

12 апреля эшелон с личным составом флотилии двинулся из Екатеринодара в Петровск. В эшелоне ехали 42 морских офицера (из них 30 офицеров флота, 11 инженеров-механиков и один корабельный инженер), 3 кондуктора флота, 40 старослужащих матросов разных специальностей и 5 волонтеров. В эшелоне также везлись снаряды (в основном для канонерок «Карс» и «Ардаган»), патроны, пулеметы, винтовки, ручные гранаты, ракеты, сигнальные флаги, обмундирование и консервы.

Поскольку горцы перерезали сообщение с Петровском, эшелон повернул на Куляр, но остановился в нескольких километрах от него у взорванного моста. В конце концов отряд «добровольцев» вышел на берег Каспийского моря у пристани Старо-Теречной.

Капитан 1 ранга Шуберт с двумя мичманами на парусном баркасе кое-как добрался до Петровска. Там он поднялся на борт «Президента Крюгера» и приступил к переговорам с командором Норрисом, командовавшим британской эскадрой. Шуберт рассказал, что русское командование нашло своевременным восстановить Каспийскую флотилию, чтобы прекратить большевикам доступ из дельты Волги в Каспий. Поскольку Норрис получил приказ из Лондона не допускать создания белой флотилии на Каспии, переговоры закончились провалом.

Раз англичане категорически отказались предоставить деникинцам паровые суда, то капитан 1 ранга Сергеев решил создать на Каспии... парусный флот! Приказом № 138 по Каспийской флотилии (пока еще не существующей) от 14 мая 1919 г. Сергеев назначил К. Шуберта начальником экспедиции особого назначения. Замечу, что Шуберт, находясь в 1902–1903 гг. в учебном отряде судов Балтийского флота, прошел под парусами более 11 тысяч миль в Атлантике.

В «экспедиции» состояли парусные рыбацьи шхуны, называемые на Каспии рыбницами. Морские рыбницы представляли собой парусные

деревянные суда длиной от 11,4 до 17 м и шириной от 4,7 до 5,7 м. На них не только ловили рыбу, но и производили ее немедленный засол.

Всего у Шуберта имелось девять двухмачтовых рыбниц, из них семь вооруженных и две транспортные. Экипажи рыбниц наполовину состояли из азербайджанцев, наполовину из каспийских рыбаков, были два-три кондуктора флота, несколько старых матросов военного флота, юнкера и гимназисты. О том, что большевики допекли рыбаков разного рода реквизициями, я уже упоминал. Экипаж шхуны состоял в среднем из 12 человек, а во всем отряде было около сотни. Люди были вооружены винтовками и ручными гранатами, главным же вооружением являлись семь пулеметов разных систем.

Паруса и такелаж судов были приведены в образцовое состояние. Компасные картушки имели самое примитивное устройство: вырезаны из картона и надеты на булавку. Ночью они освещались свечой в фонаре. Лагов не было, а лоты заменялись длинными фуштоками, которыми в случае надобности и нащупывалось дно. Шуберт располагал лишь единственной общей картой Каспийского моря.

Лучшими навигационными инструментами были глаза и память рыбаков, с детства плававших в этих водах. Шуберт писал: «Эти отличные люди были здесь как у себя дома. Ночью и в свежую погоду они разбирались отлично.

Вообще можно сказать, что они удивительно счастливо совмещали в себе качества дисциплинированных солдат и отличных моряков. Высокие, стройные, русые бородачи, нередко старообрядцы, эти люди были прекрасными образцами чистой славянской расы. Большинство их отбывало в свое время воинскую повинность в гвардейских и гренадерских полках, откуда они вынесли прекрасную выправку, дисциплину и преданность Царю и России. Эти качества в соединении с привычкой к морю, зоркостью, бесстрашием и лихой расторопностью создали бесподобный военно-морской личный состав, оказавший мне незаменимые услуги в моем необычайном парусном плавании. Мы с ними сошлись отлично, и верили они мне безгранично...

15 мая состоялся первый выход отряда парусных судов из Петровска. На следующий день отряд подошел к острову Чечень. На маяке острова белые установили наблюдательный пост. Хлеба было мало, зато осетрины и черной икры – в избытке. Шуберт писал: «В дальнейшем эти лакомства нам успели осточертеть».

У командира рыбницы № 4 мичмана князя Александра Милькамановича оказался поэтический дар, и он сочинил песню на мотив

«Стеньки Разина»:

Из-за острова на взморье,
Там, где вольная вода,
Выплывали боевые
Кости Шуберта суда.

В ночь на 30 мая отряд снялся с якоря и направился к бухте Березяки. Ночью отряд подвергся нападению красного парохода, вооруженного артиллерией. Шуберт приказал подпустить его поближе, а потом со всех рыбацких лодок был открыт ружейно-пулеметный огонь. Пароход отошел. В отряде было двое раненых.

Позже Шуберт от пленных узнал подробности боя. После поражения у форта Александровского суда большевиков не рисковали выходить в открытое море, но в пределах так называемого 9-футового рейда (2,74 м) творили что хотели. Они постоянно грабили рыбацкие флотилии, возвращавшиеся домой с лова осетрины, для чего в море высылался сторожевой вооруженный пароход. Такие флотилии, состоявшие обычно из десятка шхун одной компании, выбирали старосту, который определял место лова, заботился об общей безопасности, делил пойманную рыбу. Обычай этот походил на существующий на рыболовных флотилиях Немецкого моря, во время ловли сельдей на Доггербанке. В случае удачного лова на шхуне старосты поднимался белый флажок.

В ночь боя отряда Шуберта с большевиками был выслан колесный волжский пароход «Елизавета» (построен в 1887 г. в Швеции, 22,7 – 6,7 – 0,7 м; 100 л.с; 10,3 уз.), вооруженный одной 47-мм пушкой и двумя пулеметами. Он стоял с застопоренной машиной мили на три севернее бухты Березяки.

На пароходе с большим удовольствием заметили флотилию рыбацких шхун и при свете луны различили даже на передней развевающийся белый флаг – брейд-вымпел Шуберта. Тотчас же был дан холостой выстрел, по которому шхуны должны были убирать паруса и покорно ожидать реквизиции. Большевики сильно удивились, когда увидели, что их выстрел не произвел никакого действия и шхуны продолжали идти дальше. Тогда с парохода начали обстреливать отряд, стараясь бить по головной рыбацкой лодке. Когда белые открыли огонь, то первыми же выстрелами по «Елизавете» был подбит пулемет и убит пулеметчик. Военморы со страху решили, что это англичане, и быстро ретировались под добру-здорову.

Вскоре Шуберту удалось установить связь с генералом Д.П.Драценко, командиром 1-й конной дивизии, наступавшей на Астрахань. Драценко прислал в отряд две 76-мм горные пушки обр. 1909 г. и офицера-артиллериста. Среди рыбаков нашлись плотники, которые на двух самых крупных рыбницах (№ 6 и № 7) сделали на баке прочные настилы, и на них были поставлены пушки. Чтобы во время качки они не скатились за борт, под лафетные колеса подбили клинья, кроме того, лафеты обмотали вокруг средней части запасными якорными канатами, которые затем пропустили в дыру, просверленную в палубе, и закрепили в трюме. Так как колесные лафеты таким образом при стрельбе лишались возможности откатываться, то вся пушка после выстрела подпрыгивала на месте, и, чтобы не продавить палубу, цепям была дана некоторая слабина. Учебные стрельбы в море дали положительные результаты.

От Драценко Шуберт узнал о существовании флотилии штабс-капитана Склянина. Он родился в Астрахани в семье рыбопромышленника и хорошо знал дельту.

Подавляющее большинство астраханских рыбаков было настроено против советской власти. Они неплохо зарабатывали и при «проклятом царизме», а местное начальство брало «по чину» и не лезло в их дела.

Склянин набрал отряд рыбаков и на рыбницах начал воевать с большевиками. Действовал он очень лихо, но всегда избегал белого начальства, за что Шуберт прозвал его «зеленым».

Флибустьеры Склянина контролировали значительную часть дельты Волги. Они захватывали и топили небольшие пароходы и баржи, на суше и в протоках уничтожали отряды матросов и чекистов, проводивших реквизиции среди местного населения.

Наконец Шуберт решил высадить десант у села Лагани. 11 июля отряд вышел по направлению к Лагани. Внезапно на горизонте показался пароход. Белые начали готовиться к бою. Но с парохода просигналили: «Пароход взят у большевиков и послан в ваше распоряжение. Мичман Скорописов». Оказалось, что пароход действительно был взят белой конницей недалеко от Лагани. Большая часть людей была пересажена на этот пароход, а рыбницы взяты на буксир и потянулись за ним в виде длинного хвоста. Оркестр поместился на мостике, отряд расцвел флагами и в таком виде, при стечении всех жителей Лагани, к вечеру вошел в канал и встал у села около плавучей пристани.

Вскоре отряд Шуберта захватил у красных еще два небольших парохода, парусно-моторную шхуну и три моторных катера.

Большевики, естественно, узнали о «белом парусном флоте».

Астраханские газеты запестрели статьями о «деревянном флоте». Одни газеты бахвалились и изрыгали обычные насмешки и ругательства, другие, наоборот, ставили белый отряд в пример красным войскам и писали, что «деревянным флотом управляют железные люди».

Лихие «бригантины» Шуберта мерещились военморам во всех протоках. В Москву полетело донесение: «В ночь на 28 мая подлодка “Макрель” была атакована лайбой, выпустившей безрезультатно мину Уайтхеда (торпеду. – А.Ш.)». Надо ли говорить, что никаких торпед у Шуберта, а тем более у Склянина, отродясь не бывало.

От многочисленных перебежчиков белое командование отлично знало о ситуации в Астрахани. Командующий Астрахано-Каспийской флотилией С.Е. Сакс был смещен, а вместо него командующим назначен недавно вернувшийся из английского плена Ф.Ф. Раскольников. Вместе с ним прибыла целая группа офицеров царского флота – капитан 2 ранга В.М. Альтфатер, капитан 2 ранга В.А. Унковский, георгиевский кавалер и преподаватель артиллерийского класса в Кронштадте, бывший флагманский артиллерист Черноморской минной бригады старший лейтенант В.Б. Ловенецкий и гвардейского экипажа старший лейтенант Г.П. фон Рейер и т.д. Шуберт пришел в ярость, узнав, что вместе с ними прибыл и его двоюродный брат мичман А.А. Сиденснер, сын полного адмирала Сиденснера. Мичман командовал у красных отрядом катеров-истребителей.

11 июня 1919 г. Раскольников отправил телеграмму в Москву в Реввоенсовет Е.А. Беренсу: «Принял флотилию в расстроенном состоянии».

А пока Раскольников будет приводить флотилию в порядок, мы вернемся к парусному отряду Шуберта. Он придумал довольно оригинальный план: «Помериться с большевиками силами в открытом бою я пока не смел и думать. Располагая несколькими миноносцами 2-го и 3-го ранга, переправленными к Астрахани из Балтики, враг был настолько сильнее меня, с моими жалкими шхунами и несколькими захваченными пароходами, что при первой же схватке от нас полетели бы перья. Меня только удивляло, почему красные до сих пор не выходят в море для активных операций, и я приписывал это недостаткам их личного состава. Мой отряд спасало мелководье, на котором не могло быть места более глубоко сидящим Миноносцам. Я решил поэтому не входить в достаточно глубокий волжский фарватер, а продолжать действовать на мелководье и, если возможно, бесчисленными побочными мелкими рукавами осуществить обход неприятеля с севера. Зная, что красные суда стоят в

реке, в разных местах ошвартовавшись к берегу, я полагал возможным захватить их с сухого пути с помощью высаженного десанта и при содействии жителей местных сел. Я хотел таким путем получить в свои руки хотя бы один миноносец, чтобы наши силы немножко сравнялись. В этом случае я не сомневался в дальнейших успехах. Поэтому я наметил своей ближайшей целью село Воскресенское.

В своем тысячелетнем течении Волга вынесла в Каспий обширную низкую косу – целый полуостров, посреди которого и протекал ее главный судоходный рукав. Эта коса образовала с северо-западным матерым берегом большой залив, на берегу которого расположились четыре богатых рыбацких села. На южной оконечности косы стоял высокий маяк Четырехбугорный с белым проблесковым огнем. Непосредственно к нему примыкало с севера село того же имени. Еще выше лежало село Вихрамеево. Далее, на северном берегу залива, на так называемой Бирючьей косе, расположилось село Рынок. Выходя на юг к морю, оно упиралось другой северной стороной в один из побочных рукавов Волги. Наконец, на западном берегу залива находилось село Воскресенское. Моей задачей было укрепиться в этих селах и, захватив маяк, установить оттуда наблюдение за устьями Волги, стараясь одновременно привлечь на свою сторону население и искать обходных каналов для выхода к реке мимо главного ее фарватера».

14 июня Шуберт послал вперед обе рыбницы, вооруженные пушками. Они должны были провести разведку и связаться с партизанами штабс-капитана Склянина. На следующий день вошли в канал (на протоке Волги) основные силы отряда. Шуберт держал свой флаг на пароходе «Екатерина», имея на буксире две рыбницы. За ним шел пароход «Ретвизан», тоже с двумя рыбницами.

При подходе к селу Воскресенскому отряд был встречен колокольным звоном и трехцветными русскими флагами. После того как суда отряда пришвартовались у пристани Воскресенского, Шуберт получил доклад командиров пушечных рыбниц. Прибыв в Воскресенское, обе рыбницы двинулись на веслах вдоль самого берега к селу Рынок. Им удалось благополучно передать на берег ящики с ружьями и патронами, а также связаться со Скляниным.

В это время были замечены подходящие с моря три красных парохода. Обе рыбницы подтянулись вплотную к берегу и изготовились к стрельбе. Между тем пароходы, подойдя, насколько им позволяла осадка, стали на якорь и, обстреляв село, стали свозить десант, видимо, желая покончить с отрядом Склянина. На две безобидные рыбницы красные не обратили

никакого внимания. Как только десант стал приближаться к берегу, обе рыбницы открыли огонь из пушек. Эффект был поразительный, поскольку большевикам и в голову не могло прийти, что на рыбницах могут быть пушки. Шлюпки с десантом повернули и под дружным огнем с берега и с рыбниц устремились обратно к своим пароходам. Красные больше не пытались высадить десант. Десантники спешно погрузились на пароходы, те снялись с якоря и ушли в море.

5 июля Шуберт получил сведения, что у Четырехбугорного маяка на фарватере у острова стоят красные миноносцы «Деятельный» и «Расторопный», и решил их захватить. План захвата состоял в следующем: в местный рыбацкий поселок острова должны были доставить при помощи рыбаков большое количество спирта. Жители поселка обещали устроить пирушку с танцами и обильным возлиянием. В это время рыбницы с переодетыми офицерами и матросами Шуберта, вооруженными ручными гранатами и пистолетами, должны были врасплох захватить миноносцы, перебив оставшихся на них большевиков. Для выполнения этого плана был сформирован специальный отряд из офицеров и специалистов-матросов для увода миноносцев, стоявших под парами.

Все было готово к началу операции, но осуществить ее не удалось, так как в конце дня два английских гидросамолета спугнули миноносцы, они ушли и более не возвратились.

Тем временем группа генерала Драценко не только не получила подкрепления, но даже на много дней потеряла связь с командованием Добровольческой армии. Число же красных частей, защищавших Астрахань, постоянно увеличивалось. В результате генералу Драценко пришлось отступить, при этом его Ширванский полк перебил офицеров и перешел на сторону красных.

Отряду Шуберта тоже пришлось покинуть Воскресенское и отойти к Лагани. 10 июля пароход «Ретвизан» был отправлен в Петровск за топливом и боеприпасами.

27 июля несколько красных пароходов приблизились к Лагани. Силы были неравны, и Шуберт решил отступить. Белых выручили местные жители, указавшие очень извилистый и мелкий побочный канал, который, проходя через густые заросли высокого камыша, выводил в море значительно южнее села. Там смогли пройти рыбницы, моторный катер и даже па-русно-моторная шхуна. Пароход «Екатерина» попытался пробиться сквозь строй красных судов, но был вынужден вернуться. «Екатерина» была сожжена вместе с пароходом «Сыновья».^[57] Команды обоих пароходов ушли каналом на рыбницах.

30 июля отряд парусных и моторных судов капитана Шуберта закончил свой поход в Петровске.

Капитан Шуберт после развала белой Каспийской флотилии сумел добраться до Крыма, где был назначен Врангелем командиром дредноута «Генерал Алексеев». С 1921 г. он жил в Сербии, а позже – во Франции. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Что касается каспийского «флибустьера» Склянина, то, связавшись с обществом «Мемориал», я узнал, что в Гражданскую войну красные расстреляли свыше десятка Скляниных, но коренным астраханцем являлся только один из них – Иван Павлович, родившийся в 1883 г. 30 сентября 1920 г. особый отдел приговорил его к расстрелу «за контрреволюцию». На следующий день приговор был приведен в исполнение. В 2000 г. Ивана Склянина реабилитировали.

Есть и одно косвенное подтверждение тождественности «флибустьера» Ивану Павловичу Склянину. Я нашел сведения, что в 1895 г. астраханский купец Павел Герасимович Склянин был главным жертвователем на постройку старообрядческого Воскресенского храма в Астрахани.

Остальные подробности жизни И.П. Склянина хранятся в архивах ФСБ Астраханской области.

Глава 3.

Последний корсар России

Нашим последним корсаром стал Федор Раскольников – типичный авантюрист революционного времени. Федор Ильин – такова была его настоящая фамилия, родился в 1892 г. в богатой обывательской семье в Петербурге. В 1900 г. он поступил в реальное училище, а через 9 лет – в Петербургский политехнический институт.

В институтские годы Федор опубликовал несколько статей в большевистской прессе. В 1915 г. был призван во флот, но воевать ему не хотелось, и он нашел лазейку – пошел на курсы гардемарин. С началом революции бросил учебу и отправился в Кронштадт делать революцию, приняв новую фамилию – Раскольников.

В начале августа 1918 г. белочехи заняли Казань. В Москве началась паника. Исправлять ситуацию в Свияжск едет председатель Реввоенсовета Троцкий вместе со своей метрессой Ларисой Рейснер.

Троцкий вызывает в Свияжск Раскольникова, хорошо знакомого ему по событиям 1917 г., и назначает его командующим Волжской флотилией.

В сентябре 1918 г. Раскольников сходитя с Рейснер, работавшей в политотделе флотилии.

В 1933 г. бывший пулеметчик, а позже член Союза писателей Всеволод Вишневский сделает Ларису Рейснер прототипом своей героини в пьесе «Оптимистическая трагедия», ставшей классикой соцреализма.

Но реальная Рейснер не имела ничего общего с сорокалетней матерой коммунисткой в кожанке и с маузером за поясом. Ларисе было еще неполных 23 года, в партию она вступила в 1918 г. Никаких комиссарских кожанок никогда не носила, а одевалась очень дорого и элегантно, обожала меха и бриллианты. По ее указанию моряки флотилии грабили барские поместья и наиболее ценные женские вещи и украшения тащили в свой политотдел, где заведовала Рейснер. Начальник политотдела ни в чем себе не отказывала. А логика была такая: «Мы строим новое государство. Мы нужны людям. Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти».

Лариса делает своей резиденцией роскошно отделанную яхту «Межень», на которой ранее плавала по Волге императорская чета. Как-то старый матрос показал Рейснер надпись на окне кают-компания,

нацарапанную алмазом бывшей императрицей, – Алекс. Не долго думая, наш комиссар алмазом своего перстня зачеркнула имя императрицы и рядом размашисто написала – Лариса.

В ноябре 1918 г. Раскольников отправляется на Балтику, где принимает командование Особым отделом Балтийского флота. Там он 26 декабря 1918 г. сдает англичанам эсминец «Спартак» и оказывается в плену. Троцкий настолько ценил своего выдвигенца, что, используя дипломатические каналы, добился обмена Раскольникова на 17 (!) английских офицеров.

Так в июле 1919 г. Раскольников вновь оказался на Волге, но на сей раз в Астрахани. Троцкий назначил его командующим Астрахано-Каспийской флотилией.

К этому времени в Англии пришли к власти лейбористы, которые решили отозвать британские войска из России. Осенью 1919 г. наконец-то англичане передали свою флотилию белым. Однако в конце 1919 г. Добровольческая армия обратилась в бегство на всех фронтах. В марте красные занимают Петровск – единственную базу белой флотилии на Каспии.

Белая флотилия уходит в Баку, но мусаватистское правительство боится ее принять, и эскадра уходит в персидский порт Энзели.

28 апреля 1920 г. происходит событие, невероятное с точки зрения военной стратегии, но типичное для Гражданской войны. Четыре красных бронепоезда обращают в бегство Азербайджанскую армию и врываются в Баку.

1 мая 1920 г. командующий Морскими Силами Советской России Немитц^[58], еще не зная о занятии флотилией Баку, дал директиву Раскольникову о захвате персидского порта Энзели: «Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуются десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами. Вы известите при этом ближайшие персидские власти о том, что десант предпринят военным командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда в своей гавани и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания. Это извещение должно исходить не от центра, а только от вас».^[59]

Эта директива была согласована с Лениным и Троцким. Нарком иностранных дел Чичерин предложил хитрый ход – считать высадку в

Энзели личной инициативой Раскольникова, а в случае осложнений с Англией «повесить на него всех собак», вплоть до объявления его мятежником и пиратом.

Ситуация с белой флотилией, стоявшей в Энзели, была очень сложной в правовом отношении. С одной стороны, Персия – формально независимое государство, придерживавшееся формального и фактического нейтралитета в Гражданской войне в России. Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. К примеру, точно так же были интернированы в китайских портах несколько русских кораблей в 1904–1905 гг., и японцы их не посмели тронуть.

Но с другой стороны, большинство судов, ушедших в Энзели, раньше были танкерами, и они были более чем необходимы для перевозки нефти из Баку в Астрахань. Не было никакой гарантии, что белые суда в нужный момент не будут вооружены и не начнут крейсерские операции на Каспии. Наконец, согласно Туркменчайскому миру (от 10 февраля 1828 г.), Персия вообще не имела права содержать на Каспии военный флот. В начале XX века было несколько прецедентов – высадок русских десантов в Энзели. Процитирую «Военную энциклопедию»: «Постоянные волнения и беспорядки в Персии за последние годы заставляли очень часто наших дипломатических представителей обращаться за содействием к Каспийской флотилии; своз десанта в Энзели, в Решт, в район Астрабада и других пунктах побережья сделался обычным явлением».

14 мая 1920 г. в Баку Раскольников издает совершенно секретный приказ по флотилии: «Оставшиеся в распоряжении противника суда в настоящее время интернированы в бухте Энзели, охраняемой английскими войсками численностью до 2000 чел. Для защиты бухты с моря на берегу, за восточной окраиной города, установлены 6-дюймовые (152-мм. – А.Ш.) батареи; вход в бухту, кроме того, охраняется плавучей батареей “Коротость”, вооруженной двумя 6-дюймовыми пушками и находящейся у южной оконечности канала.

С целью не допустить возможности противнику вновь воссоздать боевую силу на море и в корне обеспечить за нами господство на Каспийском море необходимо захватить в свои руки все находящиеся в Энзели плавучие средства.

Поэтому флоту и десотрядам приказываю произвести операцию захвата вооруженной силой города и бухты Энзели путем высадки десанта и дальнейших комбинированных действий его с боевыми судами по следующему плану: десотряды под прикрытием боевых судов

высаживаются в районе Кумаль-Кавру, прерывают сообщения Энзели с Рештом и, продвигаясь вдоль шоссе, стремительным натиском овладевают береговыми укреплениями у Энзели. Одновременно производится бомбардировка этих укреплений с моря, а за 2 часа до момента высадки десанта флотом производится путем обстрела района Качалал-Энзели демонстрация. В то же время кавдивизион, вышедший из Ленкорани и продвигающийся вдоль побережья, подходит к г. Энзели с запада.

Для высадки в районе Кумаль-Кавру назначаю 1-й, 2-й и 3-й десотряды под командой военмора Кожанова. Для перевозки десанта назначаю пароходы “Березань”, “М. Колесников” и “Паризиен”. Посадку десанта на суда произвести в г. Баку в день, который будет указан дополнительно. Суда с десантом совершают переход по морю совместно с флотом. По занятии г. Энзели предписываю военмору Кожанову тотчас же принять меры к обороне города со стороны моря и выставить заставы по направлению к г. Решту. В случае получения сведений о движении отрядов Кучук-хана выслать ему поддержку.

Кавдивизиону выступить из Ленкорани с расчетом перейти границу Персии в момент появления наших судов у Энзели, о чем будет сообщено по радио через крейсер “Пролетарий”. Для обеспечения продвижения кавдивизиона распоряжением военмора Кожанова назначается одна рота из состава десотрядов, которая на пароходе “Греция” и под охраной крейсера “Пролетарий” совершает переход вдоль побережья, высаживаясь в случае надобности при столкновениях кавдивизиона с противником в тылу у последнего. Высадка этой роты производится по указанию военмора Калмыкова, назначаемого командующим кавдивизионом и этой ротой. На крейсер же “Пролетарий” возлагается, кроме охраны парохода “Греция”, также и поддержка артогнем высадившихся людей.

Для демонстрации в районе Качалал-Энзели назначаю эсминцы “Дельный”, “Деятельный” и “Расторопный”. Обстрел упомянутого района произвести по моему особому приказанию. Командование назначенными для демонстрации судами возлагаю на военмора Чирикова.

Для борьбы с береговыми и плавучими батареями назначаю крейсера “Роза Люксембург” и “Пушкин” под общим командованием военмора Гаврилова.

Для прикрытия высадки десанта в районе Кумаль-Кавру назначаю канлодки “Карс” и “Ардаган” и крейсер “Бела Кун”, на которые возлагается задача содействовать артогнем продвижению десанта вдоль берега. Командование обеими канлодками возлагаю на военмора Славянского.

Общее руководство всей операцией оставляю за собой. Буду

находиться на эсминце «Карл Либкнехт»».

Рано утром 18 мая в соответствии с планом Раскольниково флотилия подошла к Энзели. Морякам открылась панорама города и его окрестностей. Предоставлю слова командиру «Деятельного»: «Левее (к востоку) – пологий песчаный пляж от селения Кивру до предместий Казьяна с медленным, ленивым накатом прибоя от очень пологой зыби, почти незаметной для глаза. Вплотную за ним голые и невысокие дюны, через которые параллельно берегу пролегает шоссе и линии проводов на Решт. Единственная дорога то скрывается, то как на ладони. Сейчас пустынна.

Мы ожидали на подступах к Казьяну увидеть окопы или пулеметные гнезда, занимаемые по тревоге, но за дальностью расстояния рассмотреть их не могли.

Прямо на юг – после виноградников сплошной парк или лес, сквозь кроны которого выглядывают черепичные крыши или красные стены кирпичных домов. Это Казьян, район учреждений, мастерских и складов, рыболовных и путевых концессий российских фирм и министерств, еще в 1918 году захваченных интервентами и превращенных в военный городок английских войск. В парке Казьяна разбит лагерь для колониальных батальонов сикхов и гурков. Лучшие дома (бывшие Лианозова) занимает штаб и офицеры войск его величества. Тут же главная радиостанция, верхушки мачт которой торчат над деревьями. Со стороны залива Мурдаб должна быть стенка и пристань с посыльными судами и катерами. Где-то здесь же склад бензина и керосина (в бидонах), но местоположение его неизвестно, как неизвестны позиции батарей или других укреплений. Движения не видно.

Правее (к западу) – отделенный от Казьяна проливом (служащим и входным фарватером), находится город и порт Энзели. Резиденция губернатора провинции Гилян, консульства, портовое управление, таможни, банки, множество контор, жилых домов и лавок, несколько пристаней и стенок с близрасположенными складами и пакгаузами. Большинство судов (больше двадцати) стоит тесно кормой к городской стенке, отдав якоря в заливе. Видны только мачты и трубы. На окраине – склады импортных фирм, также занятые английским снабжением и запасами. Дальше – небольшой сухопутный аэродром, вернее площадка, оборудованная интервентами.

Все три наблюдаемых приморских участка отделены от гористого хинтерланда низменной болотистой равниной или лиманом Мурдаб, непосредственного фона в глубине они не имеют и потому кажутся

расположенными как бы на острове, сзади которого на очень большом удалении начинается гористая местность. Там город Решт и высокие перевалы, выводящие к Тегерану. Это путь оккупантов и завоевателей, но это же и единственный путь их отступления. Где-то под Рештом нависают отряды Мирзы и Кучук-хана».

Береговые батареи англичан молчали. 18 мая в 7 ч. 15 мин. флотилия была уже в 60 кабельтовых от Энзели. Здесь корабли разделились. Четыре эсминца – «Карл Либкнехт», «Деятельный», «Расторопный» и «Дельный» – повернули на запад для обстрела района Копурчаль, чтобы отвлечь внимание противника от места высадки десанта. Вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» в охранении сторожевого катера «Дерзкий» направился к югу для обстрела района Казьяна. Транспорты в сопровождении отряда артиллерийской поддержки (вспомогательный крейсер «Австралия», канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», тральщик «Володарский») направились к населенному пункту Кивру для высадки десанта.

В 7 ч. 19 мин. эсминцы открыли артиллерийский огонь по району Копурчаль. В 7 ч. 25 мин. вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» начал артобстрел Казьяна, где находился штаб английских войск. Вскоре после начала артобстрела по радио был направлен ультиматум командующему английскими войсками о сдаче порта Энзели со всеми находящимися там русскими кораблями и имуществом.

Около 8 часов вспомогательный крейсер «Австралия» и канонерки начали артподготовку высадки десанта вблизи Кивру, в 12 км к востоку от Энзели.

Любопытно, что один из первых 130-мм снарядов крейсера «Роза Люксембург» взорвался в помещении британского штаба. Английские офицеры выпрыгивали из окон буквально в нижнем белье. Просвещенные мореплаватели просто-напросто проспали советскую флотилию. Время в Волжско-Каспийской флотилии и у англичан различалось на 2 часа, и первые выстрелы «Карла Либкнехта» для красных прозвучали в 7 ч. 19 мин. утра, а для англичан в 5 ч. 19 мин. (по второму поясному времени). Кто ж воюет в 5 часов утра? Порядочные джентльмены должны еще спать.

А теперь обратимся к воспоминаниям другой стороны. А. Ваксмут писал: «В одно прекрасное утро мы проснулись от орудийных выстрелов и падения снарядов среди порта и среди наших кораблей. Взобравшись на мачты, мы увидели в море массу кораблей, стрелявших по Энзели. В английском штабе – полная растерянность, ни одна из батарей красным не отвечала. Оказывается, от этих батарей англичане бежали чуть не в одном белье. Через некоторое время мы увидели, как лейтенант Крислей сел на

один из наших быстроходных катеров, поднял белый флаг и вышел в море к красным. Мы поняли, что англичане плохая защита, и решили действовать сами, то есть нам надо было уходить. Чем дальше мы уйдем, тем в большей будем безопасности.

Энзели соединен с Рештом единственной дорогой, идущей по перешейку между озером и морем, а также парходиками, ходящими между Энзели и Пирбазаром на другом конце озера.

Мы погрузили на многочисленные шлюпки больных и не могущих идти и кое-какое имущество. Шлюпки пошли прямо через озеро на Пирбазар, а остальные, человек пятьдесят – шестьдесят, забрав с собой каждый что мог, во главе с Бушеном отправились посуху по дороге в Решт. Офицеры (почти все, человек двести) имели револьверы; патронов же было всего штук двенадцать – двадцать на человека.

Обстрел вскоре прекратился – видимо, парламентар достиг своей цели. Пройдя с полверсты, мы встретили цепи английских войск – говорят, что впереди красные. Бушен выслал вперед английских цепей 12 человек с винтовками искать, нет ли прохода; вернулись и доложили, что действительно дорога занята красными и весь перешеек ими перерезан. Остается единственный путь – через озеро, но средств никаких. К счастью, видим: какие-то два парходика направляются из Энзели через озеро; на нескольких рыбницах мы выходим им навстречу и силой останавливаем. Оказывается, что англичане отправляют каких-то армян, находящихся на их иждивении; почти все наши садятся на эти парходы, и мы к вечеру добираемся до Пирбазара. С парходов ясно виден красный корабль, стоящий по другую сторону перешейка. Почему он в нас не стрелял – неизвестно.

Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и расположились лагерем в саду и доме русского консульства. На следующий день в Решт вошли и все английские войска, и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами».

Комментарии тут, я думаю, совсем излишни!

Однако, если честно сказать, наши военморы при высадке десанта действовали не самым лучшим способом. «“Володарский”, приткнувшись раза два носом к берегу для разведки глубин, отошел к ближайшему транспорту. После сигнала подошедшего “Карла Либкнехта”, приняв на

борт около двух взводов, тральщик начал высаживать бойцов первого броска прямо в воду, на глубинах в половину человеческого роста, стреляя при этом через их головы из своей носовой 75-мм пушки по ближайшим британским пулеметам.

В это время транспорты “Березань”, “Колесников” и “Паризиен”, став на якоря, спустили все свои шлюпки, которые, будучи набиты десантниками до предела, двинулись на веслах к пляжу. Никакого порядка при этом не было. Над всем царил единый, общий порыв – возможно скорее добраться до берега и сцепиться с англичанами раньше других.

Суматоха и беспорядок увеличились, когда первые шлюпки, с ходу врезавшиеся в берег, были залиты набегавшей с кормы прибойной волной. Для наблюдавших картину высадки с транспортов “накат” казался совершенно безобидным, каким и был на самом деле, но для тех, кто имел только волжский опыт и не умел проходить прибой, отдавая с кормы стоп-анкер, эта волна явилась причиной “криминала”. Прибой развернул опустевшие шлюпки лагом, затопил часть из них, перевернул и после нескольких ударов о грунт оставил лежать в песке с расшитыми днищами и уже совершенно не пригодными к употреблению.

Только теперь выяснилось, что в первые шлюпки попрыгали с транспортов главным образом десантники, которые сами же взяли за весла, а те немногие гребцы из команд транспортов, которым удалось попасть на шестерки и вельботы, добравшись до пляжа, не захотели возвращаться и приняли участие в борьбе за береговую полосу. Приняв морскую ванну, они через минуту уже перебежками старались пробиться к шоссе на дороге, совершенно забыв о шлюпках». ^[60]

В итоге большая часть шлюпок и катеров была брошена у берега. Темп высадки резко замедлился. Однако из-за паники у англичан это не имело серьезных последствий.

В 8 ч. 55 мин. к красным был послан парламентар – лейтенант Крислей на белогвардейском торпедном катере английского производства. Но на крейсере «Австралия» не заметили белого флага и, решив, что это – торпедная атака ^[61], артогнем заставили катер повернуть назад.

Примерно в 10 часов утра из-за Энзелийского мола выскочил еще один катер. На нем был большой белый флаг. Первым его заметил штурман Арвид Буш и с трудом удержал комендоров эсминца «Деятельный» от открытия огня. Надо ли говорить, что у англичан не положено было по штату иметь белый флаг. Что же они использовали в качестве его – до сих пор не ясно. Очевидцы кардинально расходятся во мнениях. Командир

канонерки «Ленин» К.И. Самойлов утверждал, что катер парламентаря имел впереди вместо флага прикрепленный белый китель. Б.П. Гаврилов, бывший главарт и один из флагманов флотилии в своих воспоминаниях пишет: «...из гавани выскочил быстроходный катер с громадным белым флагом размером с простыню...» В.А. Снежинский в 1950-х годах утверждал, что «...на носовом флагштоке катера развевались дамские панталоны...»

Так или иначе, но капитан пехоты Джон Крачлей явился на переговоры, и на несколько часов было заключено перемирие. Однако в 12 ч. 40 мин. красные суда вновь ненадолго открыли огонь. К вечеру был подписан окончательный вариант перемирия.

Персидский губернатор Энзели на грязном буксирчике подошел к «Карлу Либкнехту» и поднялся на его борт. От имени персидского правительства он приветствовал Красный флот. На улицах Энзели постепенно стали появляться красные флаги.

В результате занятия Энзели были захвачены большие трофеи: крейсера «Президент Крюгер», «Америка», «Европа», «Африка», «Дмитрий Донской», «Азия», «Слава», «Милютин», «Опыт» и «Меркурий», плавбаза торпедных катеров «Орленок», авиатранспорт «Волга» с четырьмя гидропланами, четыре английских торпедных катера, десять транспортов, свыше 50 орудий, 20 тысяч снарядов, свыше 20 радиостанций, 160 тысяч пудов хлопка, 25 тысяч пудов рельсов, до 8 тысяч пудов меди и другое имущество.^[62]

Захват Энзели вызвал большой шум в британской прессе. Так, 27 мая 1920 г. газета «Таймс» сообщала: «Страна открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту, захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легко воспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку».

Однако британское правительство не рискнуло вступить в вооруженный конфликт с Советской Россией.

Захваченные в Энзели суда постепенно стали переводить в Баку. Из сводки штаба Волжско-Каспийской флотилии от 23 мая 1920 г.: «Прибыл в Баку из захваченных в Энзели транспортов противника “Талмуд” с 60 000 пудов керосина; отправлены из Энзели в Баку (из захваченных) транспорты: “Ага Мелик” с 15 000 пудов ваты, “Волга” (бывший «Аладир Усейнов». – А.Ш.) с двумя гидропланами на борту и “Армения” с 21 000 пудов хлопка».^[63]

В заключение стоит сказать несколько слов о дальнейшей судьбе

нашего корсара.

С июня 1920 г. по 27 января 1921 г. Раскольников командовал Балтийским флотом, довел его до полного развала, и дело кончилось Кронштадтским мятежом. Троцкий отправил Раскольникова с глаз долой – полпредом в Афганистан. Там он с треском провалил несколько спецопераций, и британское правительство потребовало его отзыва. В 1924–1930 гг. Раскольников служит редактором журнала «Молодая гвардия» и директором издательства «Московский рабочий». С 1928 г. он председатель Главного репертуарного комитета. На этом посту Федор Федорович настроил несколько доносов на Михаила Булгакова и запретил его пьесы. В конце концов Раскольникова в 1930 г. отправили полпредом в Эстонию, а затем в Данию и Болгарию. Будучи послом в Болгарии, Раскольников получал рассылаемые советскими библиотеками списки книг, подлежащих уничтожению, против фамилий авторов которых значилось: «Уничтожить все книги, брошюры и портреты». В 1937 г. он нашел в таком списке и свою книгу «Кронштадт и Питер в 1917 году».

Вскоре Раскольников получил указание начальства вернуться в Москву. Нетрудно было догадаться, что полпреда ждали не в НКВД, а в НКВД. Федор Федорович решил стать невозвращенцем. 1 апреля 1938 г. он уехал из Софии в отпуск, но отправился не в СССР, а во Францию.

В 1939 г. Раскольников опубликовал в западной прессе заявления «Как меня сделали врагом народа» и «Открытое письмо Сталину». В том же 1939 году он был заочно приговорен в СССР к высшей мере наказания.

В августе 1939 г. Раскольников в связи с психическим заболеванием был помещен в частную психиатрическую больницу в Ницце, где и умер 12 сентября 1939 г. при таинственных обстоятельствах. По одной из версий он выбросился из окна.

В 1963 г. Постановлением Верховного суда СССР приговор 1939 года был отменен, а Ф.Ф. Раскольников полностью реабилитирован. Суд счел правомерным отказ Раскольникова вернуться в СССР в связи с тем, что ему на родине грозило судебное преследование.

Однако реабилитация Раскольникова после устранения Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. вызвала многочисленные споры в руководстве СССР. В результате Раскольников не был даже упомянут в энциклопедиях «Великая Октябрьская социалистическая революция» (издана в 1977 г.) и «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (издана в 1983 г.). Адмирал И.С. Исаков в книге «Каспий, 1920 год» упоминает Раскольникова без фамилии, по должности «комфлота», и на всякий случай – абсолютно нейтрально.

Лично я не хочу винить авторов этих трудов. Виноват же в анекдотичных реабилитациях наш советский суд – «самый гуманный суд в мире». В самом деле, руководствуясь реабилитацией Раскольникова как прецедентом, любой русский дипломат, агент спецслужб или иной чиновник может считать себя вправе отказаться вернуться на родину, если решит, что дома ему грозит судебное преследование.

Строго говоря, Костя Шуберт и Федор Раскольников были последними корсарами старой России. История же русского пиратства на них не закончилась, а лишь прервалась на 70 лет. С 1992 г. начался бум пиратства на территории бывшего СССР. Захватывались боевые надводные корабли и подводные лодки, сухогрузы, траулеры, авиалайнеры. Но это уже другая эпоха и тема другого рассказа.

Приложение типы судов, упомянутые в тексте

Брандер – парусное или паровое судно любого класса, начиненное горючими или взрывчатыми веществами. Его направляли на вражеские суда или береговые объекты, а затем поджигали или подрывали.

Бриг – небольшое судно с двумя мачтами: грот- и фок-мачтами, на котором на грота-рее не было грота, а нижняя часть грот-мачты вооружена как бизань-мачта. Бриги использовались как торговые и военные суда. На военных бригах имелись весла, которые придавали бригу очень малый ход, но давали возможность уйти в штиль от неприятеля, как это сделал знаменитый бриг «Меркурий».

Галера – одно из древнейших гребных судов Средиземного моря. Главное назначение галеры – ведение боевых действий. Кроме того, галеры использовались в качестве посыльных судов и для перевозки начальства – венецианских дождей, Екатерины Великой и т.д. Длина средиземноморских галер в конце XVIII в. составляла от 50 до 60 м. Они несли 28–30 пар весел и 2 мачты с «латинскими» парусами. От 1 до 3 тяжелых пушек находилось на носу галеры. Кроме того, до 20 одно-трехфунтовых пушек и фальконетов могло размещаться в вертлюжных установках на носу, корме и по бортам. Полугалера – галера меньшего размера (менее 15 банок).

Канонерская лодка – первоначально небольшое парусно-гребное судно, вооруженное двумя-тремя пушками крупного калибра. С 1850 г. появляются паровые канонерские лодки, которые делились на морские и речные. При необходимости в канонерские лодки обращались небольшие грузовые суда или буксиры.

Кирлангич – в переводе с турецкого «ласточка». Турецкое небольшое (длиной 20–25 м) парусно-гребное судно, несло одну-две мачты, паруса обычно косые.

Клипер – быстроходное парусное судно с большим отношением длины к ширине (до 7:1). Парусное вооружение состояло из прямых и косых парусов. Число мачт: 3–7. В русском военном флоте были только трехмачтовые винтовые клипера.

Корабль – парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII по середину XIX века являлись основной силой военно-морских флотов. Они вооружались от 50 до 100, а в XIX в. до 130

орудиями крупного и среднего калибра, которые располагались на одной-трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром были 8- или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «Дредноута» броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли.

Корвет – с конца XVIII в. военное трехмачтовое парусное судно с полным фрегатским парусным вооружением. Корвет вооружался 20–38 пушками малого и среднего калибра. От фрегатов корветы отличались меньшими размерами. После Крымской войны в составе русского флота появились винтовые корветы, вооруженные 60-фунтовыми гладкоствольными или 6-дюймовыми нарезными пушками.

Мелекса – небольшое грузовое судно.

Минный катер – в 1877–1920 гг. – паровой или моторный катер водоизмещением от 5 до 70 т, вооруженный одним торпедным (минным) аппаратом.

Миноносец – в 1880–1920 гг. корабль, предназначенный для производства торпедных атак. Водоизмещение от 80 до 1500 т. Число торпедных аппаратов: от 1 до 12. Миноносцы водоизмещением свыше 300 т в Первую мировую войну часто именовались эскадренные миноносцами.

Пакетбот – от английского «почтовое судно». Предназначено для посылной службы, перевозки почты и пассажиров. Для самообороны пакетботы имели до 16 пушек малого калибра.

Пинк – торговое судно, которое в Средиземном море часто называли барк. Пинк нес обычно 3 мачты с косыми, реже прямыми парусами. Характерное отличие – наклон крайних мачт в сторону носа (фок-мачта) и кормы (бизань-мачта).

Полакра (полака) – особый средиземноморский тип трехмачтовых судов, использовались в основном как торговые суда, но при необходимости переоборудовались в боевые. Парусное вооружение их варьировало довольно широко, встречались и «латинские», и прямые паруса.

Репетичное судно – судно, предназначенное для ретрансляции флажных или световых сигналов между судами эскадры.

Фелюка (фелюга) – небольшое парусно-гребное судно. Обычно торговое, но встречались и вооруженные фелюки. Нос и корма фелюки были заострены, она не несла пушек и не имела характерного штевня галеры. На фелюке было 2 мачты: грот-мачта, стоящая вертикально посередине судна, и фок-мачта, смещенная очень близко к носу и наклоненная вперед. Бушприт короткий.

Фрегат – трехмачтовое парусное военное судно с полным парусным вооружением. Нес от 30 до 60 пушек на нижнем деке и верхней палубе. Принципиальной разницы между большими фрегатами и малыми кораблями не было. В ряде флотов мира, включая русский, встречались и гребные фрегаты. Основным двигателем их был парус, но при необходимости использовались и весла. Огневая мощь и мореходность гребных фрегатов были заметно хуже, чем у обычных фрегатов. Гребные фрегаты предназначались в основном для огневой поддержки гребных судов в прибрежных водах.

Шебека – парусно-гребное судно, обычно трехмачтовое, причем, основным двигателем был парус. Число пар весел колебалось от 8 до 12. Использовалось как торговое и военное судно. Особо любили шебеки алжирские и египетские пираты. Причем пираты, если ветер был легкий и дул с кормовых направлений, на фок– и грот-мачтах ставили реи со сравнительно широкими прямыми парусами. Если ветер начинал дуть сбоку и прямые паруса не были достаточно эффективны, то пираты быстро снимали прямые паруса и их реи, а вместо них поднимали косые «латинские» паруса. В отличие от галер шебеки несли артиллерию среднего калибра по бортам: 12–30 орудий. Орудийные порты располагались на одном уровне с отверстиями для весел. При стрельбе гребля была невозможна.

Список использованной литературы

Адмирал Ушаков. Документы. Т.1 / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военмориздат, 1951

Артеменко АТ., Веникеев Е.В. Пираты? Пираты... Пираты! Севастополь, 1997

Ахметзянов М. Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа // Идель. № 5. 1993

Байрон Дж. Г. Избранное. М.: Правда, 1985

Брикнер А. История Екатерины Второй: В 2 т. М.: Современник, Товарищество русских художников, 1991

Вайдо И.П. Борьба моряков под руководством Кирова с интервентами и белогвардейцами на Нижней Волге и Каспии. Л., 1950

Варгин Н.Ф. Комиссар Волжской флотилии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961

Васильева Н., Брагина Т. Хозяева и гости дворянских имений Крыма. М.: Глобус, 2002

Великий Волжский путь: материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань: Мастер-Лайн, 2001

Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992

Веселого Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб, 1872

Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т. 1. СПб, 1906

Военная энциклопедия: В 18 т. Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. Петербург, 1911–1915

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918–1920 гг. Баку, 1971

Волков СВ. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С.С. Хромова. М.: Советская энциклопедия, 1983

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К°, 2001

Движения русских военных судов в Архипелаге. Кронштадт, 1889

Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М.: Языки русской

культуры, 2000

Дшиов В.А. Потемкин в жизни. М.: Издательский центр «Классика», 2002

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). М.: Воениздат, 1974

Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота. М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб: Издательский дом «Нева», 2000

Древнерусская литература / Составитель О.В.Творогов. М.: Просвещение, 1995

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1792 / Сост. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997

Заичкин И., Почкаев И. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992

Зайцев ИВ. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004

Золотарев В., Козлов И. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М.: Наука, 1988

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969

Известия. М., 1920.23 мая.

Исаков И.С. Каспий, 1920 год. М.: Советский писатель, 1973

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982

Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. СПб: ОБЛИК, 1991

Коковцев М.Г. Описание Архипелага. СПб, 1786

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб, 1815

Кроткое А.С. Военные действия русского флота в Архипелаге. Кронштадт, 1889

Кроткое А.С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II. СПб, 1889

Лаврова Т. Черноморские проливы. Ростов-на-Дону, 1977

Ленин В.И. Сочинения: В 35 т. Т. 35. 4-е изд. М.: Политиздат, 1951.

Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М.: Воениздат, 1956

Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство

Московского университета, 1994

Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Издание Морского журнала, 1938

Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М: Крон-пресс, 1999

Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Ленинград, 1950

Маковский А.А., Радченко Б.М. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1982

Материалы для истории русского флота. СПб. Ч. XII. 1888. Ч. XV. 1895

Мордвинов Р.Н. Волжская флотилия в Гражданской войне 1918–1920 гг. М.: Военмориздат, 1952

Моруа А. Байрон. Минск Вышэйшая школа, 1986

Моряки в Гражданской войне. Сборник М.: Флотомастер, Белая гвардия, 2000

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000

Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб, 1871

Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003

Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., Новатор, 1998

Озеров Г. Загадка великого князя Ольгерда (Альгирдаса). СПб, 2000

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2000

Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. СПб: Петербургское востоковедение, 1998

Печникова Р.Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1990

Под Андреевским флагом: Век XVIII/ Сост. В.В. Шигин. М.: Патриот, 1994

Полное собрание русских летописей. СПб, 1908

Полушкин Л.П. Братья Орловы. Легенда и быль. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000

Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб: АЛЕТЕЙЯ.2004

- Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999
- Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В.Н.Алексеева. М.: Воениздат, 1976.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993
- Рыдзевская Е.Л. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М.: Наука, 1978
- Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2002
- Сахаров А.Н. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987
- Семяничев А.К. Волжско-каспийская флотилии в борьбе за Каспий. М., 1952
- Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986
- Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. СПб: Судостроение, 1991
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959
- Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в Средневековье. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1997
- Станиславский АЛ. Гражданская война в России. XVII век. М.: Мысль, 1990.
- Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002
- Сяков Ю.А. Тайны Старой Ладogi. Факты, гипотезы, размышления. СПб: Общество «Знание» С.-Петербурга и Ленинградской области, 2004
- Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945
- Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969
- Тунманн. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991
- Флот в белой борьбе / Сост. С.В.Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002
- Хибберт К. Королева Виктория. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005
- Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История волжского казачества. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002
- ЦГАВМФ. Ф. р-562. Оп. 2. Д. 24.
- Чернышев А.А. Российский парусный флот: справочник: В 2 т. М.: Воениздат, 1997
- Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002
- Широкоград А.Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до

Ивана Грозного. М.: Вече, 2006

Широкоград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М.: Вече, 2005

Широкоград А.Б. Падение Порт-Артура. М.: АСТ, Ермак, 2003

Широкоград А.Б. Россия-Англия: неизвестная война 1857–1907. М.: АСТ, 2003

Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000

Широкоград А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск: Харвест, 2003

Широкоград А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2004

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века: В 2 т. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев – Москва: ЕВРОЛИНЦ, 2003

Юнга Е.С. Адмирал Спиридов. М.: Воениздат, 1957

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков: В 3 т. Киев: Наукова думка, 1990

notes

Примечания

1

862 год от Рождества Христова. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу россов.

Кривичи – славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

4

Фарос – сооружение, на котором горит огонь, указывающий путь идущим в ночи.

Паволока – дорогая шелковая ткань, а также попона, одежда из нее.

Свенельд – варяг, главный воевода Игоря. Князь пожаловал ему собирать дань с племени уличей.

Есть версии, что поездка Ольги состоялась в 946, 954 и 955 годах.

8

император

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 169, 170.

В 1781 г. императрица Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку, а в 1934 г. большевики переименовали его в Киров.

Ахметзянов М. Турусы на колесах...

Род православных князей Вишневецких происходил от князя северского Дмитрия Корибута, сына великого князя литовского Ольгерда, участника битвы на Куликовом поле.

Золотой рубль в XVII веке равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX века.

Артеменко А.Т., Веникеев Е.В. Пираты? Пираты... Пираты! С. 107.

Точно сказать, что в данном случае подразумевалось под киндяком, трудно. Но согласно словарю, киндяк – это набивная ткань или кафтан из такой ткани. Купец Афанасий Никитин упоминал киндяк среди тканей, производимых в Индии.

Торговый флаг – это современный государственный флаг Российской Федерации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России. Изображения же на обложках школьных учебников гренадеров 1812 г., идущих в бой под трехцветным флагом, являются фальшивкой ряда историков. Триколор в вооруженных силах впервые был использован в белых армиях в 1919 г., а затем немцами во власовской армии.

Коковцев М.Г. Описание Архипелага. С. 23.

Это ранг числа, фактически на нем могло стоять несколько меньше или несколько больше пушек.

Грейг С.К. родился в 1736 г. в Шотландии. С разрешения британского правительства в 1764 г. лейтенант Грейг поступил на русскую службу и сразу получил чин капитана 1 ранга, но с условием проплавать год на русских кораблях стажером.

Ганнибал Иван Абрамович, сын знаменитого арапа Петра Великого, приходился двоюродным дедом А.С. Пушкину. В 1772 г. он был произведен в генерал-майоры. В 1778 г. послан на Днепр для строительства Херсона. Умер в 1801 г. в звании генерал-аншефа.

Современный греческий остров Наксос.

Варварийские пираты – пираты, суда которых базировались на Марокко, Алжир, Тунис и Триполитанию.

Под таким именем проходил он в официальных документах, подлинное имя его самого и его отца неизвестны.

В некоторых документах – Мадзини.

Современное название Думьят, в 45 км северо-западнее современного Порт-Саида.

Панагия – по-гречески Богородица.

Мелекса – небольшое грузовое судно.

Заведенный с кормы канат, прикрепленный к цепи якоря. С помощью шпринта корабль может оставаться обращенным в желаемую сторону.

Судя по всему, Федору Федоровичу корабли и фрегаты померещились, их там и быть не могло.

Овчинников В.Д. Федор Ушаков. С. 165.

Адмирал Ушаков. Документы. Т. I. С. 477.

Так в документе, вместо звания – национальность.

Клефты – греческие разбойники (повстанцы), воевавшие против турок. Обычно они действовали в горах.

То есть греков, принявших российское подданство.

В русских документах греческие имена постоянно искажаются, и у меня сильное подозрение, что Джанетос Григоракис не кто иной, как уже знакомый нам Дмитрий Григораки, капитан русской армии.

Байрон Дж.Г. Избранное. С. 315, 355.

Краббе Николай Карлович (1814–1891), полный адмирал. С 1860 г. по 1876 г. управлял Морским министерством.

В те годы США именовались Северо-Американские соединенные штаты, но для удобства читателя я буду давать современное сокращение.

Форин офис – министерство иностранных дел Великобритании.

Casus belli – повод к войне (*лат.*).

Брекватер – волнолом.

Право руля; лево руля (*англ.*).

Здесь и далее я делаю предположения, лишь когда они проверены практикой, пусть в другое время, но при тех же условиях.

Отправлен на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова.

Отправлен на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова.

Отправлен на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова.

Алексеев Евгений Иванович – личность весьма колоритная. Он родился 11 мая 1843 г., в 1856 г. был определен в Морской кадетский корпус, отучился, 4 мая 1863 г. выпущен гардемаринном. Алексеев довольно часто бывал в заграничных командировках, но ни разу не участвовал ни в одном сражении. Не прославился он и написанием научных и военных монографий. Зато в 1891 г. (в 48 лет) был произведен в контр-адмиралы, а в 1897 г. – в вице-адмиралы, а 19 августа 1899 г. был назначен «главным начальником и командующим войсками Квантунской области (района Порт-Артура) и всеми морскими силами в Тихом океане», а затем – наместником, то есть неограниченным правителем, на Дальнем Востоке. Чем же объясняется столь блистательная карьера серой и заурядной личности? Лишь тем, что его матушка была возлюбленной цесаревича Александра, будущего царя Александра II.

Лагань – поселок на одноименном острове.

Ленин В.И. Сочинения: в 35 т. Т. 35. С. 317.

Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). С. 58.

Товаропассажирский пароход, захваченный англичанами у русских, его интервенты решили не переименовывать. Построен в 1902 г. на Боткинском заводе, 2172 т, 87,2 м – 10,2 м – 4,0 м, 1100 л.с, 2 винта, 10 узлов.

Бывший пароход «Австралия», построен в 1899 г. Вместимость 1275 брт, длина 75,5 м, ширина 9,8 м, осадка 4,0 м. Скорость 11 узлов. Вооружение: три 102-мм английские морские пушки, три пулемета. Основания для 102-мм пушек англичане сделали из береговых бензиновых баков, перерезанных пополам. В результате получилась довольно удачная конструкция.

Бывший танкер, построенный в 1905 г. в Сормове. Вместимость его составляла 2070 брт. Длина 92,6 м, ширина 11 м, осадка 4,3 м. Машины мощностью 1500 л.с. позволяли развивать скорость 11 узлов. Два винта.

Ранее наливной пароход (танкер), построенный в Коломне в 1909 г. Водоизмещение 3800 т. Размерения 116 м – 14,2 м – 4,6 м. Два дизеля по 1400 л.с. давали ход 10 узлов. На тот момент был вооружен одним 120-мм и двумя 102-мм английскими орудиями.

Лишин Николай Николаевич, родился в 1893 г., окончил Морской корпус, мичман Балтийского флота. В эмиграции Лишин написал книгу «На Каспийском море год белой борьбы», изданную «Морским журналом» в Праге в 1938 г. Здесь и далее автор цитирует Лишина по этому изданию.

Всего в бою 21 мая флотилия выпустила 792 снаряда по форту Александровскому.

Любопытно, что в справочнике С.С. Бережного «Корабли и вспомогательные суда советского военно-морского флота (1917–1927 гг.)» (М.: Воениздат, 1981) утверждается, что пароход «Екатерина» с 24 июля 1919 г. входил в состав Астрахано-Каспийской флотилии, а с 31 июля 1919 г. – в состав Волжско-Каспийской флотилии, 12 июня 1920 г. разоружен и возвращен Обводу Волжского бассейна. О пребывании у белых нет ни слова (с. 311–312). Пароход «Сыновья» 10 июля 1919 г. захвачен у белых в Лагани и в 1920 г. разоружен и возвращен Астраханскому Рупводу.

Немиц Александр Васильевич (1879–1967) по происхождению из дворян, контр-адмирал. В августе – декабре 1917 г. командовал Черноморским флотом. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми Морскими Силами республики и одновременно был управляющим делами Наркомата по морским делам. Затем на преподавательской работе в военных училищах. В советском флоте имел звание вице-адмирала.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). С. 313.

Исаков И.С. Каспий, год 1920. С. 241.

Позже отражение этой торпедной атаки стало изучаться во всех советских трудах по военно-морской истории.

Известия. М., 1920. 23 мая.

ЦГАВМФ. Ф. р-562. Оп. 2. Д. 24.